Ученик. Лавр.

ПИСЬМА

КЪ

ОТСТУПНИКУ ПРАВОСЛАВІЯ.

ПИСЬМА

КЪ

ОТСТУПНИКУ ПРАВОСЛАВІЯ,

ПИСАННЫЯ

ПРОТОІЕРЕЕМЪ ІОАННОМЪ ЯХОНТОВЫМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Дома Призрѣнія Малолѣтныхъ Бѣдныхъ.

1864.

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. Декабря 5 дня, 1863 года.

Цензоръ Архимандритъ *Макарій*.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
Академии Наук СССР
1788
64

(Второе безплатное приложеніе къ «Духовной Бесѣдѣ» на 1864 годъ).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Рядъ предлагаемыхъ читателю «Писемъ къ отступнику православія» начался въ 1858 году, въ лишь только основанномъ тогда журналѣ: «Духовная Бесѣда.» Поводомъ къ написанію ихъ было, появившееся тогда въ Парижѣ, періодическое, учено-богословское изданіе, предпринятое двумя іезуитами: *Даніелемъ* и *Гагариньмъ*. Послѣдній, бывшій православный христіанинъ и русскій князь, написалъ, въ первыхъ двухъ томахъ этого изданія, двѣ передовыя статьи, имѣвшія предметомъ русскую Церковь, нашу духовную литературу и духовенство. Въ 1859 году, продолженіе нашихъ «Писемъ,» по разнымъ обстоятельствамъ, остановилось, и потомъ снова началось въ 1860 году. Всего напечатано было, въ теченіе двухъ лѣтъ, въ разныхъ нумерахъ «Духовной Бесѣды,» десять писемъ. Исполняя желаніе многихъ достоуважаемыхъ читателей нашихъ, мы рѣшились напечатать эти письма отдѣльною книгою. Намѣреніе наше исправить и дополнить ихъ должно было остаться почти безъ исполненія, по недостатку времени. Впрочемъ то, что опущено, или недосказано нами въ первыхъ письмахъ, можетъ быть сказано и дополнено въ послѣдующихъ. Въ 1864 году мы намѣрены продолжать нашъ трудъ и печатать его

также въ «Духовной Бесѣдѣ.» Но такъ какъ многіе изъ подписчиковъ журнала на 1864 годъ, можетъ быть, не имѣютъ его у себя за 1858 и 1860 годы; то мы рѣшились разослать всѣмъ подписчикамъ 1864 года изданіе первыхъ десяти писемъ—безплатно, предоставивъ однако себѣ право продавать книгу и отдѣльно (по 1 р. сер. безъ пересылки). Продолжая прерванный разборъ древне-отеческихъ свидѣтельствъ, мы, по прежнему, будемъ обращать вниманіе и на современныя явленія, имѣющія какое-либо отношеніе къ нашему вопросу.

Протоіерей Іоаннъ Яхонтовъ.

4 Декабря
1863 года.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Со вниманіемъ читалъ я все, что вы, живя за границею, писали о Россіи, или о Россійской Церкви; но до сихъ поръ я и, сколько мнѣ извѣстно, никто изъ православнаго духовенства не отвѣчалъ на ваши сочиненія. Причиною того, во-первыхъ, безполезность разсужденія съ вами. Ваши новые единовѣрцы постоянно остаются глухими ко всему, что пишемъ мы, и тысячу разъ повторяютъ свои возраженія, уже давно не разъ опровергнутыя. Къ этому присоединялось у насъ и нежеланіе огорчить какимъ нибудь сильнымъ словомъ васъ, конечно, неравнодушно воспоминающаго о родинѣ, которую оставили, и, можетъ быть, о Вѣрѣ, которой такъ необдуманно вы измѣнили. Когда во мнѣ обнаружилась мысль писать къ вамъ,— мнѣ всегда представлялся князь Курбскій, горько упрекающій Іоанна Грознаго за то, что царственный полемистъ, вмѣсто утѣшенія бывшаго подданнаго въ разлукѣ съ родиною, огорчалъ его укоризнами. Не хотѣлось мнѣ печатно отвѣчать, во-вторыхъ, потому, что весьма многимъ изъ православныхъ нашихъ соотечественниковъ, сердечно любящихъ свою Вѣру и Церковь, будетъ тяжело и прискорбно узнать, что есть на свѣтѣ человѣкъ, который рѣшился—страшно сказать — измѣнить Православію, отречься отъ Вѣры, въ которой родился и воспитанъ. Впрочемъ, я не думаю, что вы подлинно воспитаны въ правилахъ Православной Вѣры.

Я не отвѣчалъ на ваше письмо, наконецъ, потому, что ваши сочиненія, особенно первое, заглавіе котораго имѣетъ фор-

му страннаго для всѣхъ русскихъ вопроса (будетъ ли Россія католическою?), наполнено разсужденіями и мечтами довольно дѣтскими (*). Отвѣчать на это сочиненіе—не стоило. Впрочемъ вамъ, конечно, извѣстно, что одинъ изъ вашихъ знакомыхъ, православный, но не духовный, написалъ на него нѣсколько замѣчаній на Русскомъ языкѣ.

Ваши четыре письмеца къ Русской дамѣ о новомъ, или новоутвержденномъ догматѣ римской Церкви не требовали отвѣта. Ибо она служитъ неопровержимымъ доказательствомъ превосходства Восточной Церкви предъ Западною. Вы говорите, что наша, т. е. Православная Церковь искони и единогласно вѣровала той истинѣ, о которой на Западѣ были продолжительные споры и разногласія, для утвержденія которой папа призвалъ всю свою Церковь къ испрошенію ему вдохновенія свыше, (которой, не смотря на то, онъ не уразумѣлъ, въ ея чистомъ видѣ, и къ которой примѣшалъ свое заблужденіе). Итакъ, по вашему собственному сознанію, выходитъ, что ваша, т. е. Западная Церковь, говоря о зачатіи Божіей Матери, до настоящаго времени колебалась въ своемъ ученіи; а теперь она, прибавимъ мы, изъ области сомнѣнія перешла въ область преувеличенія, слѣдовательно—лжи, заблужденія (**). Гдѣ же у

(*) Въ этомъ сочиненіи есть одна глава, названная довольно удачно: «Католицизмъ, или (что одно и тоже) революція.» Такое заглавіе достаточно оправдывается теперешними смутами въ Польшѣ. *Примѣч. 1863 г.*

(**) Четыре эти миніатюрно изданныя, письма, неблаговоѣйно украшенныя на задней сторонѣ обложки изображеніемъ досточтимаго лика Богоматери, замѣчательны для насъ тѣмъ, что въ нихъ переведены на французскій языкъ нѣкоторыя пѣснопѣнія нашей Церкви въ честь Божіей Матери. Мы привыкли къ нимъ и потому иногда не замѣчаемъ всей ихъ величественной красоты и, можно сказать, неподражаемой поэзіи. Какъ ни бѣденъ французскій языкъ для выраженія возвышенныхъ предметовъ; однакожъ и на немъ читаетъ наши православныя церковныя пѣсни съ наслажденіемъ, какъ что-то новое. Едвали римская Церковь, съ ея безчисленными писателями на всѣхъ языкахъ, поэтами всѣхъ временъ и народовъ, могла и когда нибудь сможетъ принести Пречистой Дѣвѣ такой чудный вѣнецъ похвалъ, какой сплели Ей палестинскіе дѣвственники—аскеты и другіе писатели Восточной Церкви.

васъ, такъ восхваляемое, единство и постоянная непогрѣшимость?

Но вотъ вы предпринимаете многотомное изданіе, вмѣстѣ съ нѣкоторыми членами вашей почтенной компаніи, каторая, конечно, гордится уловленіемъ васъ и съ торжествомъ выставляетъ на заглавномъ листѣ своихъ изданій вашу Русскую фамилію. Я читалъ первый томъ этого изданія и только на дняхъ прочиталъ второй. Въ томъ и другомъ томѣ первыя, по мѣсту, статьи—ваши. Конечно, сотоварищи ваши уступили вамъ первое мѣсто не изъ одной учтивости къ вамъ, какъ пришельцу, но и потому, чтобы придать вашимъ статьямъ особенно важное значеніе. Въ этихъ статьяхъ вы стараетесь доказать, что вы, «разорвавши союзъ съ вашими бывшими согражданами и единовѣрцами, послѣдовали голосу совѣсти,» т. е. поступили хорошо, что вы обрѣли въ новой вѣрѣ свѣтъ (на что я отчасти согласенъ, потому что, принимая новую вѣру, вы совершенно не знали той, которую оставляли) и покой (въ этомъ я имѣю причины сомнѣваться). Вы говорите, что Церковь Россійская, которая, не смотря на свою схизму, обладаетъ *почти цѣлою истиною*, заблуждается только въ томъ отношеніи, что до сихъ поръ не присоединилась къ центру единства, какъ выражаетесь вы, т. е. не подчинилась римскому папѣ, какъ единственному и непогрѣшимому главѣ всей Церкви, намѣстнику Іисуса Христа, и что, если бы она это сдѣлала, то для нея произошли бы отъ того неизчислимыя блага. Вы даже льстите себя надеждою, что это нѣкогда сбудется.

Я, природный Русскій, какъ и вы, православный, какимъ были и вы, духовное лице, какимъ—хотя и невполнѣ—стали вы теперь, удалившись отъ насъ,—рѣшаюсь отвѣчать вамъ на ваши двѣ статьи, помѣщенныя въ двухъ томахъ изданія, имѣющаго заглавіемъ: Etudes de Theologie, de Philosophie, Histoire et etc.

Причина этой рѣшимости также не одна, какъ было и для

молчанія. И прежде всего: ваше собственное желаніе услышать отвѣтъ на ваши разсужденія изъ бывшей вашей родины—Россіи. Вы говорите въ концѣ второй своей статьи: «полагая перо, я не могу удержаться отъ нѣкотораго волненія. Эти страницы будутъ предъ глазами высокопреосвященнаго Григорія, Митрополита Санктпетербургскаго; ихъ, вѣроятно, прочитаютъ нѣкоторые епископы русскіе, нѣкоторые священники, нѣкоторые иноки. Эти благочестивые и ученые люди взвѣсятъ на вѣсахъ священнаго сана тѣ доказательства, которыя собралъ, авторитеты, на которые я указалъ. Не найдутся-ли между этими людьми такіе, которые въ глубинѣ своего сердца почувствуютъ, что авторитеты эти важны и доказательства убѣдительны? О, да просвѣтитъ ихъ Духъ Святый, Духъ истины»! (Т. 11, р. 83). Слова эти очень трогательны, если онѣ искренни. Можемъ ли мы, русскіе священники, не отвѣчать на нихъ? Нѣтъ, говоримъ откровенно, это было бы грѣшно и, можетъ быть, вредно для насъ. Примѣръ Самаго Спасителя нашего побуждаетъ насъ отвѣчать на такой вызовъ, подкрѣпленный страшнымъ именемъ Бога Духа Святаго. Господь сначала ничего не отвѣчалъ на вопросы Каіафы и обличенія лжесвидѣтелей; но когда Первосвященникъ сказалъ Ему: *заклинаю тя Богомъ живымъ: да речеши намъ, аще Ты еси Христосъ, Сынъ Божій*;—то Іисусъ Христосъ далъ ему отвѣтъ прямой и рѣшительный: *Азъ есмь* (Матѳ. XXVI, 63. Марк. XXIV, 62). Молчать долѣе было бы для насъ неприлично; потому что вы могли бы почесть наше молчаніе за признакъ нашего согласія съ вами, или нашего безсилія доказать исповѣдуемую нами истину. Сверхъ того, вы сами говорите о нѣкоторой будто бы у насъ римской закваскѣ, которую ваши статьи могутъ привести въ усиленное броженіе. (Т. 1, р. 41).

Итакъ отвѣчаю вамъ,—и отвѣчаю, какъ освященный служитель Господа Іисуса Христа, Которому нѣкогда всѣ мы да-

димъ отчетъ въ дѣлахъ и словахъ нашихъ. Надѣюсь, что вы не признаете словъ моихъ притворными, или лукавыми.

Прежде всего сердечно благодарю васъ за ваши желанія разсѣять клеветы, которыя распространяютъ о Россіи и Россійской Церкви западные писатели, также—за нѣкоторыя добрыя и справедливыя мысли, выраженныя въ вашихъ статьяхъ. Такъ, вы говорите въ первой статьѣ: «изъ того, что русское духовенство находится въ разрывѣ съ папою, было бы вопіющею несправедливостію заключать, что оно совершенно поглупѣло, въ чемъ такъ любезно увѣряли нѣкоторые писатели. Нѣтъ, надобно взять во вниманіе добродѣтели, которыми украшаются нѣкоторые изъ его членовъ, надобно взять во вниманіе тѣ многочисленныя и настойчивыя усилія, которыя оно дѣлало для прогнанія язвы невѣжества и,—спѣшу прибавить,—тѣ неоспоримые успѣхи, которыми эти усилія увѣнчались. Сверхъ того, я не могу забыть, что духовенство русское, не смотря на свое отступничество отъ папы, владѣетъ почти всею истиною, что рукоположенія его дѣйствительны, что оно состоитъ изъ истинныхъ епископовъ, истинныхъ священниковъ, которые истинно приносятъ Святую жертву Евхаристіи, и что весьма немногаго не достаетъ для того, чтобы разрушить преграду, которая насъ отъ нихъ отдѣляетъ» (Т. 1, р. 4). Совершенно справедливыми также нахожу я ваши мысли, которыя выражены вами въ концѣ той же статьи: «въ Россіи много вопросовъ чрезвычайной важности, которые ждутъ рѣшенія и которые возбуждаютъ размышленія всѣхъ умныхъ людей. Но я не колеблясь говорю, что изъ всѣхъ этихъ вопросовъ ниодинъ не можетъ быть такъ важенъ, какъ вопросъ о воспитаніи и образованіи духовенства. Дайте Россіи духовенство, достойное своего высокаго призванія,—и Русскіе безъ усилій займутъ одно изъ первыхъ мѣстъ между христіанскими народами. Напротивъ, предположите, что въ Россіи будетъ духовенство безъ учености, безъ преданности своему

долгу, безъ ревности, безъ уваженія, безъ авторитета: тогда и самые успѣхи, которые Россія сдѣлаетъ въ матеріальномъ, совершенно поверхностномъ образованіи, сдѣлаются для нея источникомъ новыхъ опасностей. Такимъ образомъ будущность зависитъ отъ того, чѣмъ будетъ ея духовенство, а будущность духовенства зависитъ отъ воспитанія, которое дадутъ его членамъ, и отъ заботливости, съ которою постараются сообщить имъ образованность истинно-духовную и внушить имъ духъ священства. Слѣдовательно будущность Россіи тѣсно связана съ великимъ вопросомъ о духовныхъ училищахъ» (*) (Т. 1, р. 59). Нельзя не согласиться и съ слѣдующимъ мнѣніемъ вашимъ: «я совершенно понимаю, почему Русскіе ученые обращаютъ особенное вниманіе на народные источники образованія, изучаютъ преимущественно греческихъ отцевъ Церкви, что они стараются изслѣдовать правила соборовъ, богословскія сочиненія, повѣствованія историческія и вообще памятники церковной исторіи, которые собственно относятся къ Церкви Восточной. Но эти изученія только тогда могутъ быть важны и плодотворны, когда Русскіе съумѣютъ воспользоваться трудами запада и великолѣпнымъ развитіемъ въ немъ наукъ богословскихъ. Я хотѣлъ бы только, чтобы въ этихъ изученіяхъ господствовалъ не духъ вражды, а духъ сближенія и мира. Есть, конечно, разногласія между Востокомъ и Западомъ: это бѣдствіе, которое надобно стараться прекратить;—изслѣдованія спокойныя, твердыя, серьезныя, конечно, приведутъ къ тому» (Т. 1. 60).

Съ глубокою благодарностію къ вамъ повторяю нѣкоторыя ваши мысли изъ второй статьи, которая посвящена разсмотрѣнію творенія высокопреосвященнѣйшаго Григорія, митрополита новгородскаго и с. петербургскаго: «Истинно древняя и истинно Православная Христова Церковь, изложеніе въ отношеніи къ

(*) Слова эти мы должны принять къ свѣдѣнію и вполнѣ ихъ одобряемъ.

глаголемому старообрядству.» Мы сами не рѣшились бы печатно сказать объ нашемъ Архипастырѣ, боясь оскорбить его скромность,—сказать то, что вы говорите о немъ. Вы говорите: «сочиненіе, заглавіе котораго мы выписали, достойно, во многихъ отношеніяхъ, того, чтобы привлечь на себя вниманіе людей мыслящихъ. Высокопреосвященный Григорій есть одинъ изъ отличныхъ духовныхъ сановниковъ и совершенно справедливо уважается въ Россійской Церкви, его заслуги недавно возвели его съ каѳедры казанской на каѳедру с. петербургскую. Нѣтъ надобности объяснять важность этой каѳедры. Митрополитъ с. петербургскій, пребывающій въ столицѣ имперіи, въ средоточіи управленія, и принимающій дѣятельное и непрерывное участіе въ засѣданіяхъ Сунода, въ которомъ онъ занимаетъ первое мѣсто, имѣетъ весьма высокую степень въ Церкви и оказываетъ на нее великое вліяніе.» Оставляя въ сторонѣ ваши неточныя понятія о старообрядствѣ въ Россіи, перехожу къ слѣдующему весьма замѣчательному мѣсту вашего сочиненія. «Мнѣ кажется, говорите вы, что если бы патріархъ Никонъ воскресъ и занялъ теперь свое прежнее мѣсто въ Церкви Россійской, то его великая душа хорошо поняла бы его положеніе. Онъ показалъ бы себя полнымъ кроткаго снисхожденія къ старовѣрамъ; онъ съ полнымъ самоотверженіемъ постарался бы доставить Церкви Россійской ту красоту и то величіе, которыхъ мы ей желаемъ и которыя покорили бы ему старовѣровъ гораздо скорѣе, нежели самыя ученыя пренія. Этого мало, чтобы убѣдить ихъ неопровержимыми доказательствами, надобно вособенности удовлетворить потребности душъ ихъ. Надобно показать имъ Церковь сильною, свободною и плодотворною, надобно, чтобы они видѣли, что непорочная Невѣста Христова царствуетъ надъ умами и сердцами, что она со властію преподаетъ слово Божіе, безъ колебанія и страха осуждаетъ всякія заблужденія, разливаетъ обильно благодатную жизнь, безъ усилій совершаетъ дѣла самоотверженія,

преданности и ревности, привлекаетъ въ свои объятія, запахомъ своего благочестія, чадъ, которыхъ она не носила въ своемъ лонѣ. Вотъ доказательство самое живое и непререкаемое, которое нашло бы доступъ къ сердцамъ старовѣровъ, которое покорило бы ихъ и положило бы конецъ всѣмъ спорамъ и раздѣленіямъ». (Т. II, р. 10.) Признаюсь, я восхищенъ этимъ изображеніемъ Россійской Церкви, и думаю, что она, съ Божіею помощію, достигнетъ его, хотя и не тѣмъ путемъ, какой мечтается вамъ. Но обратимся отъ будущаго къ настоящему. Вы говорите: «высокопреосвященный Григорій обращается въ своемъ сочиненіи къ людямъ, заблуждающимся по причинѣ предразсудковъ старовѣрства, и старается доказать имъ необходимость возвратиться въ лоно Церкви Россійской, которую покинули ихъ предки. Для разсмотрѣнія этихъ щекотливыхъ и важныхъ вопросовъ Синодъ не могъ найдти лучшаго органа; я прибавлю, что и старовѣры не могли найдти противника, болѣе сочувствующаго, симпатичнаго. Въ полемикѣ митрополита с. петербургскаго есть что-то кроткое, спокойное, отеческое, идущее къ сердцу; нельзя, читая его, не чувствовать, что онъ внушаетъ довѣріе даже и тогда (когда) предписываетъ уваженіе. Прибавлю къ этому, что ученый священноначальникъ позаботился глубоко изучить всѣ сочиненія, всѣ тексты, которые особенно уважаются старовѣрами, и что онъ старался приводить только такія доказательства, важность которыхъ они отвергать не могутъ. Наконецъ я не затрудняюсь сознаться, что *почти* во всѣхъ спорныхъ пунктахъ, если только не во всѣхъ, высокопреосвященный Григорій имѣлъ, противъ раскольниковъ, основаніе, правду на своей сторонѣ; за него св. Писаніе, Соборы, святые Отцы, и всѣмъ этимъ онъ пользуется разсудительно. Я охотно вѣрю, что его книга способна произвести глубокое и благотворное впечатлѣніе на людей, противъ которыхъ она написана; въ ней есть доказательства, на которыя противники его не могутъ найти от-

вѣта, и эти доказательства основаны на такихъ текстахъ, которыхъ не принять они остерегутся». (Т. II, р. 11).

Вотъ, кажется, всѣ тѣ мѣста изъ двухъ вашихъ статей, въ которыхъ я не могу быть несогласнымъ съ вами, за которыя даже благодарю васъ, потому что они привлекли къ вамъ мое сочувствіе и заставили меня отвѣчать вамъ.

Хотѣлось бы мнѣ продолжать мое письмо, но оно уже довольно длинно; боюсь утомить и васъ и моихъ читателей. Въ слѣдующемъ письмѣ я, съ такимъ же спокойствіемъ, любовію къ истинѣ и уваженіемъ къ вамъ — лично, буду говорить о томъ, въ чемъ и почему съ вами мы не согласны. Прибавлю здѣсь только одно замѣчаніе (*) касательно раскольниковъ. Вы и нѣкоторые изъ вашихъ, кажется, думаете, что раскольники наши, если бы имъ дана была полная свобода слова и дѣйствія, тотчасъ бы бросились въ объятія римской Церкви и поверглись къ подножію папскаго трона. Наивное, дѣтское заблужденіе! Могу васъ увѣрить, что раскольники отдѣлились отъ насъ и досихъ поръ чуждаются Православной Церкви именно потому, что подозрѣваютъ ее въ сочувствіи и подражаніи вашей римской Церкви. Ихъ первые и нынѣшніе наставники твердили и твердятъ, что, описанный св. Ипполитомъ, антихристъ народился сперва въ римской Церкви, въ лицѣ римскаго папы, а потомъ появился и въ Россіи, въ лицѣ патріарха Никона. А мнѣ думается вотъ что. Въ виду вашихъ заявленій сочувствія и зазывовъ къ раскольникамъ, мы, православные, могли бы обратиться къ нашимъ единоплеменникамъ, имѣющимъ великую ревность, *но не по разуму*, а по невѣжеству, какъ и соотечественники св. Павла, съ такою, или подобною, рѣчью: «Братья-Русскіе! Вотъ до чего мы дожили! Смотрите, паписты, крыжаки, какъ вы ихъ называете, считаютъ не насъ, которыхъ вы подозрѣваете въ единомысліи съ ними, а именно васъ— ревнителей старины, *своими;* къ вамъ они

(*) Замѣчаніе это написано уже при новомъ изданіи «Писемъ».

простираютъ свои недостойныя объятія, какъ будто къ роднымъ братьямъ. Развѣ это не стыдъ, не срамъ для насъ-Русскихъ? Бросимте споры и раздоры. Соединимся всѣ подъ знаменемъ единой, святой, соборной и апостольской Церкви,—и станемъ дружно противъ общаго врага. Мы побѣдили его, въ лицѣ мятежныхъ папистовъ—поляковъ, силою вещественнаго оружія. Богъ дастъ, если будемъ дѣйствовать согласно и ревностно, побѣдимъ его и духовнымъ мечемъ — слова Божія, силою святой и истинной Вѣры нашей!».. Какъ вы думате? Если бы такая рѣчь дошла до раскольниковъ, то, можетъ быть, она и не совсѣмъ осталась бы безплодною!

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Собираясь писать къ вамъ второе письмо по поводу извѣстныхъ изслѣдованій вашихъ, я неожиданно получилъ нѣмецкое изданіе тѣхъ же статей вашихъ подъ заглавіемъ: Russische Studien. Какое усердіе! Какая дѣятельность! Какое вниманіе къ Россіи и Россійской Церкви! Только я думаю, что всѣ эти труды, все это усердіе,—искреннее, или лицемѣрное, — потрачены напрасно. Что, если Божественный Учитель и Господь нашъ, Который нѣкогда потребуетъ отъ насъ отчетъ за всякое праздное слово, воспомянетъ вамъ ваши многія *праздныя слова*, сказанныя, написанныя и напечатанныя на двухъ языкахъ? Что, если и вы, по слову Спасителя, *печетеся и молвите о мнозѣ*—по напрасну; потому что: *жестоко ти есть противу рожну прати?* А между тѣмъ, невольно пожалѣешь, что ваши таланты и усилія употребляются на дѣла безплодныя! Съ вашимъ нѣжнымъ, чувствительнымъ, какъ видно изъ вашихъ сочиненій, сердцемъ, съ вашимъ образованіемъ и необыкновенною легкостію слога, вы дѣйствительно могли бы принести много пользы, но только не на чужой, а на родной вашей и благодарной почвѣ; то есть, если бы вы трудились въ Россіи и для Россіи, а не внѣ, и не противъ ея. Ваша партія, къ которой вы пристали и въ пользу которой дѣйствуете, не нуждается въ васъ, потому что имѣетъ защитниковъ еще болѣе даровитыхъ и болѣе отважныхъ, чѣмъ вы. Не только вамъ, но и всѣмъ вашимъ нынѣшнимъ единомысленникамъ и сотрудникамъ не написать такого блистатель-

наго и глубокомысленнаго.... софизма, какъ Боссюэтово сочиненіе: «О единствѣ Церкви.»

И чего вы хотите? Чего вы добиваетесь? Неужели вы считаете насъ столько легкомысленными и такъ мало знающими свое вѣроисповѣданіе, что, измѣнивши ему, мы охотно повергнемся къ подножію папскоримскаго сѣдалища? Не уже ли вы думаете, что Русскій Православный Христіанинъ, оставивъ Свято-Кіевскія пещеры и Московскій Кремль, пойдетъ въ Ватиканъ цѣловать туфли папы? Нѣтъ, вы не думаете такъ, если хотя нѣсколько знаете Россію и ея исторію,—вы, какъ мнѣ кажется, дѣйствуете по вліянію, и, можетъ быть, по повелѣнію той компаніи, которая васъ уловила. Вамъ, конечно, извѣстно, что попытки, отъ которыхъ и теперь не хочетъ отказаться ваша Церковь, попытки подчинить себѣ Церковь Восточную, были предпринимаемы давно, нѣсколько разъ и при обстоятельствахъ болѣе для васъ благопріятныхъ, нежели нынѣшнія; но чѣмъ онѣ оканчивались? Совершенною неудачею и даже еще большимъ раздраженіемъ обѣихъ сторонъ, чѣмъ прежде. «Мы знаемъ истинное ученіе Церкви, а вашего не пріемлемъ и знать не хотимъ», отвѣчалъ святый Александръ Невскій на предложеніе папы Иннокентія IV о подчиненіи ему Россійской Церкви (*). Читали ли вы сочиненія и письма знаменитаго героя Казани и несчастнаго изгнанника изъ Россіи—князя Андрея Курбскаго? Замѣчательная и поучительная личность! Потомокъ святаго Владиміра, человѣкъ, въ теченіе большей половины своей жизни служившій отечеству мечемъ и совѣтомъ, видя казни невинныхъ людей, совершаемыя царемъ грознымъ, хотя и православнымъ, оставляетъ православное отечество и удаляется въ страну неправославную, находитъ здѣсь почетный пріемъ, получаетъ во владѣніе замокъ и цѣлую область. Курбскаго тотчасъ окружаютъ въ Литвѣ іезуиты, конечно, не менѣе ученые, не менѣе дѣятельные, чѣмъ тепе-

(*) Карамз. Т. IV, пл. 2.

решніе ваши компаніоны, и усердно приступаютъ къ нему съ убѣжденіемъ присоединиться душею и тѣломъ къ ихъ обществу, признать св. отца (папу) главою Церкви вселенской. Чтоже дѣлаетъ нашъ князь,—не забудьте—оскорбленный въ православномъ отечествѣ и успокоенный въ неправославномъ убѣжищѣ? Не смотря на то, что по тогдашнему времени и по воинскому своему званію, онъ не имѣлъ средствъ пріобрѣсть достаточныя богословскія познанія, онъ говоритъ іезуитамъ и объ іезуитахъ такъ мѣтко, такъ смѣло, сильно и основательно, что невольно удивляешься и его уму, и его мужественной твердости.

«Слышалъ я, пишетъ Курбскій, о ономъ іезуитѣ, иже много отрыгалъ ядовитыми слогнями (въ другихъ спискахъ—силлогизмами) на святую непорочную Вѣру нашу, нарицающе насъ схизматиками, а сами будучи совершенные схизматики, напившіеся отъ мутныхъ источниковъ, истекающихъ отъ новомудренныхъ ихъ папъ, преступниковъ явственныхъ и соперниковъ святыхъ вселенскихъ седьми Соборовъ, кои были удержаны (приняты) не только Восточныхъ нашихъ Церквей епископами, но и ихъ западными и самыми святыми папежи древними... А что же сего хитролестнѣй, еже правовѣрныхъ, на седьми—столпныхъ догматѣхъ стоящихъ, поругати и срамотити и со еретики смѣшивати,—съ Люторы и съ Цвингліаны, и съ Кальвинами и со иными нечестивыми ругатели? и отводити отъ правовѣрія и Апостольскихъ догматовъ къ полувѣрію, къ новомысленной и хромой теологіи, отъ истиннаго Богословія не стыдятся?... Они, смѣшавши элокуцію съ діалектическими софизматы, и придающе къ тому пропунціацію, на правовѣрныхъ обращаютъ, истину тщатся разорити ораторскими штуками, похлѣбающе папѣ своему, и хваляще грознаго и вельможнаго епископа, оружіемъ препоясаннаго и полки воиновъ со различныии бранями около себя водящаго; а нашихъ патріарховъ восточныхъ, по Божію попущенію, убогихъ и нищихъ, смиренномудріемъ Христовымъ украшенныхъ, и меж-

ду безбожными Турками по всемученическу терпящихъ и благочестія догматы невредно соблюдающихъ, хуляще»... Но, продолжаетъ князь, «не ужасайтеся софизматовъ ихъ (іезуитовъ), но стойте токмо въ православной Вѣрѣ крѣпцѣ и пребывайте бодро и трезвѣ. Злохитрствы своими не изгубятъ супостаты Восточныхъ Церквей!» Съ сожалѣніемъ сокращаю выписки, чтобы не продлить чрезъ мѣру письма своего. Прочитайте сами «Сказанія князя Курбскаго», изданіе 2-е стр. 260—263. Не могу впрочемъ удержаться, чтобы не привесть еще нѣсколькихъ словъ другаго русскаго князя, современника и соизгнанника Курбскому,—Константина Острожскаго: «Извѣстихся Божіею благодатію и увѣрихся въ томъ, яко кромѣ единыя нетлѣнныя Вѣры, изъ Іерусалима насажденныя и оттуду, яко изъ источника приснотекущаго слова Божественнаго, напоенныя, нѣсть иныя вѣры, по писанному: *отъ Сіона изыдетъ законъ и слово Господне изъ Іерусалима*... Аще бо мнится нѣкоимъ неразсуднымъ разныя быти вѣры; но всякъ, въ Божественномъ Писаніи неразвращенными мысльми воспитанный, разумѣетъ, яко отъ человѣческихъ умышленій мудростію вѣка сего таковіи вѣры утверждени суть, тѣмъ же и *въ человѣческой силѣ до времени состоятся* (*), а не въ силѣ Божіей... Отъ сего бо и правовѣрніи именуемся, яко не отъ человѣческихъ умышленій, свѣта сего мудростію составленныхъ, разныхъ вѣръ, но отъ Самаго Господа нашего Іисуса Христа преданныя намъ единыя нетлѣнныя Вѣры всею силою держимся». Такъ писалъ князь Острожскій къ православнымъ своимъ единовѣрцамъ по случаю возникшей тогда въ западной Россіи извѣстной уніи (Смотр. Краткую церковную Россійскую исторію митроп. Платона томъ 2, стр. 341—352). Вотъ какъ думали и писали древніе-истинно—Русскіе-князья! Они и на чужбинѣ твердо хранили и въ другихъ поддерживали единую истинную Православную Вѣру. Какъ жалки предъ ними тѣ люди, ко-

(*) Замѣтьте это; здѣсь кроется глубокая и вѣрная мысль.

торые безъ всякой нужды оставляютъ свое отечество, и за границею легко уловляются въ сѣти, имъ разставленныя!... Но не объ нихъ дѣло. Я хотѣлъ вамъ только показать сдѣланными мною выписками, что даже люди, не имѣвшіе научно богословскаго образованія, но только, такъ сказать, вкусившіе сердцемъ сладость и истину Православія, никогда не измѣняли ему, какъ ни соблазняли ихъ разными приманками, какъ ни убѣждали «софизмамы поганскими.» Если таковы были Русскіе люди въ старину; то теперь, когда, по вашему же сознанію, мы сдѣлали важные успѣхи въ духовномъ образованіи, какое разумное основаніе имѣете вы надѣяться на успѣхъ въ вашихъ намѣреніяхъ и усиліяхъ совратить насъ съ пути истины?

Впрочемъ я и забылъ, что для того-то и началъ я писать къ вамъ, чтобы доказать эту истину, въ которой вы сомнѣваетесь,—истину нашего Православія. Простите за невольное отступленіе отъ главной цѣли и главнаго предмета. Возвращаюсь къ вашимъ сочиненіямъ, или статьямъ, помѣщеннымъ въ извѣстныхъ уже изъ перваго моего письма—изданіяхъ. Главное вниманіе наше обращаетъ на себя вторая статья, въ которой вы развиваете любимую вашу тэму о главенствѣ римскаго епископа. Впрочемъ считаю нужнымъ сдѣлать замѣчаніе на нѣкоторыя мѣста въ первой, довольно слабой и безцвѣтной вашей статьѣ, чтобы уже никогда къ ней не возвращаться. Это мое письмо къ вамъ далеко не послѣднее. Предметъ слишкомъ важный и обширный; есть объ чемъ писать. А если вы вздумаете отвѣчать мнѣ, то и подавно (*).

Не безъ удивленія замѣтилъ я въ одномъ мѣстѣ первой статьи вашей, написанной вообще тономъ кроткимъ и умѣрен-

(*) Отвѣта однако не послѣдовало. Бывшій князь, сколько намъ извѣстно, хранитъ совершенное молчаніе. Говорятъ, онъ теперь посланъ пропандировать папство въ несчастную Болгарію, для чего вновь отрастилъ бороду и выдаетъ себя за настоящаго русскаго священника.

нымъ, нѣкоторую придирчивость и даже раздражительность. Авторъ разбираемой вами въ этой статьѣ книги: «Православно-догматическое Богословіе,» въ двухъ строкахъ упомянулъ, въ числѣ прочихъ пособій къ изученію Православнаго Богословія, о книгѣ св. Григорія Паламы, хранящейся еще въ рукописи въ одномъ изъ европейскихъ книгохранилищъ. На эти двѣ строчки вы отвѣчаете пятью страницами. Вы упрекаете автора за то, что онъ ссылается на книгу, которая не издана и которой онъ самъ не видалъ. Справедливъ ли этотъ упрекъ? Не думаю; если рукопись еще не издана, то можетъ быть издана; потому что, судя по знаменитости и святости писателя ея, она стоитъ того; если нашъ авторъ не видалъ ея, то другіе постараются увидѣть и будутъ благодарны ему за указаніе. Но васъ не это встревожило; вы съ какимъ-то ожесточеніемъ нападаете на знаменитаго святителя Григорія Паламу, которому Православная Церковь празднуетъ не только въ день памяти его (14 ноября), но и во второе воскресенье Великаго поста. Вы говорите, что Григорій Палама былъ однимъ изъ тѣхъ аѳонскихъ монаховъ, которые проводили время въ праздной мечтательности, преданы были ложному мистицизму и грубымъ заблужденіямъ, называя свѣтъ, которымъ озаренъ былъ Спаситель на Ѳаворѣ, и котораго удостоиваются великіе подвижники,—Божественнымъ и впадая будто бы чрезъ то въ многобожіе. Все это—извините, — клевета и весьма неловкій промахъ съ вашей стороны. Вы прочитали бы сначала жизнеописаніе св. Григорія, а потомъ судили бы объ немъ. Можно-ли упрекать его въ праздности, когда онъ тридцать лѣтъ занималъ каѳедру Ѳесалоникскаго архіепископа, многократно былъ приглашаемъ въ Константинополь на соборы для совѣщанія о дѣлахъ церковныхъ, цѣлый годъ находился въ плѣну у магометанъ, которымъ не убоялся проповѣдывать Евангеліе, и только безпредѣльная преданность и любовь къ нему Солунской паствы, дорогимъ выкупомъ, спасла святителя отъ плѣна и му-

ческой смерти. Ложный мистицизмъ! Если бы это сказалъ послѣдователь Лютера или Кальвина, то я не удивился бы. Но какъ странно слышать это отъ послѣдователя Игнатія Лойолы, самаго причудливаго изъ мистиковъ! Развѣ вы не знаете, что ученіе св. Григорія не было частнымъ мнѣніемъ его, или какой нибудь партіи, но что оно выслушано и торжественно признано православнымъ на Соборѣ Константинопольскомъ? Развѣ вы не знаете, что въ то время (въ 14 и 15 столѣтіяхъ) были въ греческой Церкви глубокоученые богословы, изъ которыхъ нѣкоторые, переселившись на западъ, послѣ паденія Цареграда, пріобрѣли себѣ тамъ громкую славу? Какъ же можно все тогдашнее греческое духовенство подозрѣвать въ такомъ грубѣйшемъ заблужденіи, какъ многобожіе? Но вотъ что главное: позвольте васъ спросить· откуда вы знаете о томъ, какъ училъ св. Григорій? Если нашъ авторъ не читалъ его сочиненія, хранящагося въ рукописи; то и вы также не читали его. Нашъ авторъ сослался, по крайней мѣрѣ, на Каве, а вы ни на кого не ссылаетесь и говорите *отъ своего чрева.* Не странно ли это, что вы, дѣлая упрекъ другому въ мнимой ошибкѣ, сами впадаете въ дѣйствительную и большую ошибку, судите безъ изслѣдованія, обвиняете безъ доказательствъ? Откуда, повторяю, вы заимствовали свои свѣдѣнія о мнимыхъ заблужденіяхъ Ѳесалоникскаго архипастыря? Вы не знаете? Если такъ, то я укажу вамъ источникъ вашихъ познаній, или вашихъ ошибокъ. Это *наплелъ* западнымъ на св. Григорія и на аѳонскихъ монаховъ еретикъ Варлаамъ, осужденный на томъ самомъ соборѣ, на которомъ присутствовалъ св. Григорій, и бѣжавшій потомъ въ Италію. Странно, что даже нѣкоторыя ваши выраженія сходны съ тѣми словами, которыя говорилъ Варлаамъ на соборѣ. Прочтите житіе нашего святителя у святаго Димитрія, или хотя справьтесь въ Церковной Исторіи вашего же, впрочемъ достопочтеннаго и, по возможности, прав-

диваго аббата Флёри (*). Вотъ изъ какого мутнаго источника почерпнули вы вашу клевету. Вотъ что значитъ указывать спицу въ глазу ближняго, а въ своемъ и бревна не замѣчать!

Скажу вамъ еще нѣсколько словъ объ озареніи Божественнымъ свѣтомъ. Вы не вѣрите возможности этого озаренія? Вы считаете сказанія аѳонскихъ аскетовъ вымыслами, заблужденіями, галлюцинаціями? Позвольте же вамъ привести одно мѣсто изъ книги, автора которой вы, безъ сомнѣнія, не назовете невѣждою и не осмѣлитесь подозрѣвать въ заблужденіи. Читайте:

«Вѣрь твердо, Петръ, тому, что я говорю. Для души, видящей Создателя, мала вся тварь. Посему, кто увидитъ малую часть свѣта Создателева, для него мало (тѣсно) становится все сотворенное. Потомучто самый свѣтъ *внутренняго видѣнія* распространяетъ кругозоръ ума и такъ расширяетъ въ Богѣ, что умъ становится выше міра, душа видящаго становится даже выше самой себя. А когда она бываетъ восхищена во свѣтѣ Божіемъ выше самой себя, въ то время сила ея разширяется пространнѣе всего, находящагося внизу ея; и когда, восхищенная, она созерцаетъ все подъ собою, тогда понимаетъ, какъ все ничтожно, а этого она не могла понять въ обыкновенномъ своемъ состояніи уничиженія. Итакъ св. мужъ (преп. Венедиктъ), который, взирая на огненный шаръ, видѣлъ даже Ангеловъ, возносящихся на небо, безъ сомнѣнія, могъ видѣть это не иначе, какъ *во свѣтѣ Божіемъ*. Чтожъ удивительнаго, если видѣлъ міръ собраннымъ подъ собой тотъ, кто находился внѣ міра, будучи восхищенъ въ умственномъ свѣтѣ? А если говорится, что предъ его глазами собранъ былъ міръ; то это не то значитъ, что небо и земля были, такъ сказать, сжаты,—а то, что разширенный духъ видящаго, будучи восхищенъ въ Богѣ, могъ безъ труда видѣть, что ниже Бога.»

(*) Histoire Ecclesiastique Tom. 6. pag. 137. Edit. 1856 an.

Какъ вы думаете · кто это ведетъ такую бесѣду? Кто это предлагаетъ такое ученіе, которое можетъ показаться даже страннымъ нашимъ горе-философамъ, нашимъ quasi-психологамъ и педагогамъ, сидящимъ за нѣмецкими систематическими руководствами, учебниками и многотомными сочиненіями, начиненными разною ученостію? Кто это читаетъ своему собесѣднику такую возвышенную лекцію «о созерцаніи всего въ единомъ и единаго во всемъ», о созерцаніи абсолютномъ, о которомъ всѣ спекулятивные мыслители Германіи едвали имѣли даже и понятіе? Это—Григорій Великій, или Первый, папа и епископъ ветхаго Рима, признаваемый и восточною и западною Церковію за святаго угодника Божія (*). Итакъ видите, что ученіе св. Григорія Паламы и его аѳонскихъ друзей было не новое, не вымышленное, и что нельзя относиться къ нему съ презрѣніемъ, какъ произведенію невѣжества. Вѣдь, въ васъ все таки, я полагаю, сохранилось уваженіе и довѣріе къ ученію святыхъ отцевъ Церкви, особенно древнихъ.

То, что вы говорите въ первой статьѣ о недостаткахъ нашего духовнаго образованія и о промахахъ въ нѣкоторыхъ латинскихъ книгахъ, изданныхъ въ Россіи, для нашего юношества, мы со смиреніемъ должны признать большею частію за справедливое. Да, былъ тотъ грѣхъ, нельзя не сказать · nostra culpa! А впрочемъ, и не совсѣмъ nostra, а большею частію vestra. Вѣдь мы у васъ же сначала заимствовали вашу мишурную ученость, по вашимъ образцамъ были устроены наши школы. Все, въ чемъ вы насъ упрекаете, было, а можетъ быть, есть и теперь, и у васъ, въ римско-католическихъ школахъ. Прочтите-ко книгу Ботеня: Philosophie du Christianisme, такъ непонравившуюся папѣ и его свитѣ за смѣлый и правдивый отзывъ о схоластикѣ,—дорогомъ дѣтищѣ и споспѣшницѣ католицизма. Прочитайте предисловіе къ многотомной церковной исторіи Рор-

(*) *Св. Григорія Двоеслова* Собесѣдованія о жизни Италійскихъ отцевъ. Кн. 2 гл. 35. См. Правосл. Собесѣд. за 1858 г.

бахера. Тамъ вы увидите, что состояніе духовныхъ школъ во Франціи, особенно въ отношеніи къ чистотѣ направленія умовъ, далеко не блистательно.

Но зато, теперь все наше вниманіе, все наше стараніе должно быть обращено (и обращается) къ тому, чтобы свергнуть это убійственное бремя схоластики, разогнать навѣянный Западомъ, туманъ іезуитскаго школярства и реагирующей ему протестантской вольности. Мы постараемся, чтобы и въ образованіи, и въ жизни, и въ чувствахъ и дѣйствіяхъ быть чисто русскими и православными. Если вы еще любите свою родину; то, конечно, изъ первыхъ порадуетесь этому. Да будетъ такъ. Ainsi soit il!

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Прежнія два письма мои къ вамъ были только предисловіемъ, или какбы введеніемъ въ нашу заочную бесѣду. Перехожу теперь къ самому главному вопросу, раздѣляющему насъ съ вами. Но останавливаюсь на минуту въ недоумѣніи.

Вы, кончивши вторую статью вашу, чувствовали нѣкоторое волненіе при мысли о томъ, какое оно произведетъ дѣйствіе, особенно на насъ, Русскихъ, или еще частнѣе—на православное духовенство? Признаюсь, что и я, принимаясь теперь за перо, нѣсколько тревожусь сомнѣніемъ: хорошо ли я сдѣлалъ, что вступилъ въ бесѣду съ вами,—будетъ ли какая нибудь и кому нибудь польза отъ моихъ словъ, отъ моихъ изслѣдованій и доказательствъ? Не лучше ли было бы употребить драгоцѣнное время и трудъ на что нибудь болѣе близкое къ намъ, болѣе важное и несомнѣнно плодотворное? Вотъ уже около тысячи лѣтъ прошло, какъ совершилось плачевное отдѣленіе отъ православно христіанскаго Востока христіанства Западнаго, произошло несогласіе и раздраженіе между двумя родными сестрами. Тысячу лѣтъ уже Марѳа упрекаетъ Марію и громко жалуется на нее Богу и людямъ: *яко едину мя остави служити.* Кто, какъ не единый Господь, можетъ увѣрить Марѳу, что Марія *благую часть избра, яже не отымется отъ нея?* Сколько было совѣщаній и переговоровъ о примиреніи и возсоединеніи обѣихъ Церквей! Сколько было сочиненій въ защиту той и другой стороны! И все напрасно! Не напрасно ли и мы съ вами начали теперь наше печатное разглагольствіе?..

Утѣшаю себя мыслію, что не я началъ, а вы меня вызвали на это словопреніе; вы напали,—я защищаюсь; вы искренно желали отвѣта на ваши сочиненія, — я отвѣчаю. Впрочемъ, если бы я не зналъ, что вы все таки, по произхожденію, мой соотечественникъ, если бы я не имѣлъ къ вамъ нѣкотораго сочувствія; то едва ли когда нибудь взялся бы за перо, чтобы отвѣчать на тѣ несправедливыя нападенія, клеветы и дерзкія выходки противъ насъ и нашей Церкви, которыми такъ богата французская и нѣмецко-католическая литература. Я знаю, что и теперь мой голосъ едвали дойдетъ до вашего сердца и проникнетъ души вашихъ единовѣрцевъ, что доказательства наши не убѣдятъ васъ, какъ и ваши—насъ не убѣждаютъ... Не намъ съ вами быть посредниками и примирителями между православнымъ Востокомъ и римско-католическимъ Западомъ.... Мы можемъ только желать этого примиренія, должны молиться о немъ Богу. Только Богъ, Ему единому извѣстными путями, можетъ разрушить, раздѣляющее насъ, средостѣніе и снова сотворить *обоя едино*. Только прошу васъ: не считайте насъ какими то упрямцами, фанатиками, которые ничего слышать не хотятъ, а только стоятъ на своемъ, по закоренѣлой привычкѣ, пустой гордости, или слабоумному ослѣпленію. Нѣтъ, мы очень хорошо знаемъ и ваши и наши доказательства, спокойно и безпристрастно судимъ о предметѣ спора. Если въ чемъ можно упрекнуть насъ, то развѣ въ равнодушіи къ нашей Церкви, въ незнаніи ея, а никакъ—не въ фанатизмѣ.

Но я все уклоняюсь отъ главнаго предмета нашей бесѣды; вы, пожалуй, упрекнете меня въ многоглаголаніи, или широковѣщаніи. Что дѣлать? Вы знаете, что такая рѣчь, свободно а широко разливающаяся, не совсѣмъ чужда характеру русскаго человѣка; не потому ли, можетъ быть, что и земля-то наша очень широка и просторна? По крайней мѣрѣ, вы можете видѣть въ тонѣ нашей рѣчи доказательство и залогъ

того, что и дальнѣйшая бесѣда наша съ вами будетъ исполнена искренности, спокойствія и откровенности, чужда всякаго педантства и схоластики, всякаго раздраженія и ненависти. Итакъ, призвавъ благословеніе Божіе, приступаемъ къ дѣлу.

Господь Іисусъ Христосъ основалъ на землѣ единую, святую Церковь, которая и существуетъ на землѣ уже около двухъ тысячь лѣтъ. Но діаволъ, не имѣя силы разрушить ее, успѣлъ однако посѣять между христіанами свои плевелы: ереси, расколы, вражду и раздѣленія; христіане составили разныя общества, болѣе или менѣе многолюдныя, и каждое изъ нихъ считаетъ себя исключительно истинною Христовою Церковію. Не трудно доказать заблужденія тѣхъ христіанскихъ исповѣданій, или обществъ, которыя явились въ недавнее время, лишены характера древности, непрерывнаго преемства Апостольскаго служенія, благодати священства. Но вотъ нѣсколько столѣтій уже стоятъ одна противъ другой Церкви: Православная Восточная и, отдѣлившаяся отъ нея, Западная. Какъ та, такъ и другая объявляетъ себя единственно истинною, правовѣрующею; та и другая представляетъ въ доказательство этого свою древность, непрерывное преемство рукоположенія, ненарушимое согласіе съ Церковію первыхъ временъ въ догматахъ, таинствахъ и Богослуженіи. Что же раздѣляетъ ихъ? Какой предметъ ихъ разномыслія? Касается ли онъ сущности Вѣры—догмата, или только дисциплины, то есть, формы правленія, внѣшней стороны Христіанской Церкви? Не знаю, что вы на это скажете и какъ объ этомъ думаете. Но судя потому, что почти всѣ западные писатели называютъ восточныхъ христіанъ не еретиками, а только *схизматиками*, надобно думать, что разномысліе между Восточною и Западною Церковію, по вашему мнѣнію, касается только дисциплины, управленія, внѣшняго порядка, а не сущности, не догмата Вѣры. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ ученнѣйшихъ западныхъ богослововъ, знаменитый Мелеръ (Mohler) прямо говоритъ,

что «Православная греческая Церковь не имѣетъ никакого внутренняго разногласія съ католическою (то есть Римскою) въ предметахъ Вѣроученія (*).

Вы, конечно, желаете знать· какъ мы, православные, смотримъ на вопросъ, раздѣляющій насъ съ вами? Имѣетъ ли онъ для насъ существенную, догматическую важность, или мы также, какъ и вы, считаемъ его вопросомъ второстепеннымъ, вопросомъ, касающимся только внѣшняго благочестія и управленія церковнаго? Мы, чада Православной Церкви, по сродной намъ снисходительности, остерегаемся клеймить кого бы то ни было именемъ еретика, или схизматика. Однако мы откровенно говоримъ, что предметъ, или причина, заставляющая насъ чуждаться общенія съ Церковію римскою, касается не церковной только дисциплины, а догмата, сущности христіанской Вѣры. Вы, конечно, читали грамоту Святѣйшаго патріарха Константинопольскаго Фотія, въ которой онъ изчисляетъ заблужденія римской Церкви, побудившія четырехъ Восточныхъ патріарховъ удалить отъ своего общенія пятаго, т. е. западнаго или римскаго. Я не буду повторять содержаніе этой грамоты; ибо знаю, что римская Церковь не придаетъ своимъ частнымъ мнѣніямъ и обычаямъ особенной важности и готова отказаться отъ нихъ, не изключая даже и извѣстной прибавки къ Символу Вѣры (**), лишь бы только мы признали римскаго епископа главою всей Церкви. Значитъ, главнѣйшій, почти единственный вопросъ, раздѣляющій Восточную и Западную Цер-

(*) Die orthodoxe grichische Kirche mit den katolischen in gar keinen die Glaubenslehre betreffenden inneren Gegensatze begriffen ist. Symbolik. 3 Ausg 1835 jahr. Говорятъ впрочемъ, что этотъ самый Мелеръ не чуждъ былъ вины въ дѣлѣ совращенія вашего въ такъ называемый католицизмъ. Если правда· то жаль этого добраго писателя.

(**) Тѣмъ изъ Русскихъ читателей, которые не слѣдятъ за иностранною духовною литературою, слова эти могутъ показаться страшными, даже невѣроятными; но мы постараемся впослѣдствіи доказать ихъ истину фактически, выписками изъ книгъ римско-католическихъ писателей.

ковь, состоитъ въ томъ: признавать ли римскаго епископа главою всей Церкви, намѣстникомъ Іисуса Христа, единственно непогрѣшимымъ учителемъ Вѣры, верховнымъ начальникомъ и духовнымъ владыкою всѣхъ патріарховъ, епископовъ, священниковъ и мірянъ, или—не признавать? Рѣшивъ этотъ вопросъ ясно и убѣдительно, мы окончательно рѣшимъ весь споръ между Церковью Восточною и Западною. Итакъ Восточная Церковь не признаетъ римскаго папу за то, за что выдаетъ его Западная. Почему? Потому, что ученіе римской Церкви о главенствѣ папы прямо и ясно противорѣчитъ словамъ Іисуса Христа и всего священнаго Писанія. Вотъ что я постараюсь доказать вамъ въ этомъ моемъ письмѣ. Только прочтите его спокойно, безъ предубѣжденія, и не закрывайте ушей своихъ отъ голоса, можетъ быть, чуждаго, новаго и непріятнаго для васъ, но тѣмъ не менѣе искренняго и благожелательнаго.

Извѣстна цѣпь умозаключеній, которыми ваши писатели доказываютъ свое ученіе о главенствѣ папы; понятна та главная пружина, посредствомъ которой римскіе епископы весьма искусно двигали и управляли умами многихъ народовъ въ теченіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ. Вотъ вашъ любимый силлогизмъ: *посылка 1-я:* по свидѣтельству св. Писанія, Самъ Іисусъ Христосъ поставилъ св. Апостола Петра Своимъ намѣстникомъ и преемникомъ, княземъ Апостоловъ, основаніемъ и главою всей церкви. *Посылка 2-я:* по свидѣтельству *преданія* (уже, а не св. Писанія), св. Апостолъ Петръ долго жилъ и наконецъ скончался въ Римѣ, былъ здѣсь первымъ епископомъ и поставилъ себѣ преемникомъ святаго Лина. *Заключеніе*: слѣдовательно преемники святаго Петра, римскіе епископы должны считаться намѣстниками Іисуса Христа, главами и начальниками всей Христіанской Церкви. Кажется, я вѣрно и добросовѣстно передалъ смыслъ вашихъ умозаключеній? Что же сказать объ нихъ? Говоря языкомъ покойныхъ схоластиковъ, я прежде всего—nego maiorem, отрицаю первую, большую по-

сылку силлогизма, что и постараюсь доказать въ этомъ письмѣ, а послѣ доберусь до второй посылки и заключенія.

Іисусъ Христосъ, учреждая на землѣ святую Церковь, прежде всего избралъ для нея и какъ-бы положилъ въ основаніе ея двѣнадцать Апостоловъ: въ этомъ согласны Христіане всѣхъ вѣроисповѣданій! Даровалъ ли Іисусъ Христосъ Своимъ Апостоламъ какія либо права и преимущества въ Своей Церкви? «Весьма важныя и великія», скажите вы, а я прибавлю «выраженныя Его Божественными устами ясно и торжественно». Никто не усумнится въ этомъ, прочитавъ слѣдующія мѣста св. Писанія: *слушаяи васъ, Мене слушаетъ: и отметаяйся васъ, Мене отметается: отметаяйся же Мене, отметается пославшаго Мя* (Лук. 10, 16). *Елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси, и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ* (Матѳ. 18, 18). *Якоже посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы; пріимите Духъ Святъ; имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ: и имже держите, держатся* (Іоан. 20, 21, 22). *Шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елики заповѣдахъ вамъ* (Матѳ. 28, 19, 20). *Пріимите силу, нашедшу Святому Духу на вы; и будете Ми свидѣтели въ Іерусалимѣ же и во всей Іудеи и Самаріи и даже до послѣднихъ земли* (Дѣян. 1, 8). Итакъ очевидно, что Господь поручилъ Апостоламъ проповѣдывать, крестить, отпускать грѣхи, наставлять и руководствовать вѣрующихъ въ христіанской жизни. Ни однимъ словомъ, ни намекомъ Іисусъ Христосъ не показалъ Апостоламъ, что одинъ изъ нихъ долженъ быть, по вознесеніи Его, главою и руководителемъ прочихъ. Всѣмъ даны одинаковыя права и обязанности, всѣмъ обѣщана и одинаковая награда. Святый Петръ однажды вопросилъ Господа: *се мы оставихомъ вся, и въ слѣдъ Те-*

бе идохомъ: что убо будетъ намъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, Іисусъ Христосъ не обѣщалъ св. Петру никакого преимущества предъ другими Апостолами, но всѣмъ имъ сказалъ: *аминь глаголю вамъ, яко вы, шедшіе по Мнѣ... сядете на двоюнадесяте престолу, судяще обѣманадесяте колѣнома Израилевома* (Матѳ. 19, 27. 28). Если бы дѣйствительно Господу угодно было назначить св. Петра Своимъ преемникомъ и намѣстникомъ; то, конечно, объ этомъ было бы сказано въ Евангеліи такъ же ясно и выразительно, какъ сказано о назначеніи и преимуществахъ Апостоловъ вообще; Господь сказалъ бы имъ объ этомъ особенно при вознесеніи Своемъ на небо. Но что онъ говоритъ имъ въ эту торжественную минуту? *Се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка!* Самъ обѣщалъ невидимо быть съ ними, а не назначилъ кого либо изъ нихъ Своимъ преемникомъ, или намѣстникомъ.

Изъ сказаннаго теперь нами можно убѣдиться, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что въ Евангеліи нѣтъ прямаго и яснаго указанія на то, что будто, какъ говорите вы, Іисусъ Христосъ далъ особенныя права и верховную власть святому Петру. Уже и это достаточно колеблетъ прочность вашего ученія, которому вы приписываете такую важность, что готовы все уступить, лишь бы его навязать намъ. Но что вы скажете, если я укажу вамъ въ Евангеліи прямыя и несомнѣнныя доказательства того, что Іисусъ Христосъ не только не давалъ Петру особенной власти надъ прочими Апостолами, но запретилъ даже думать объ этомъ—и ему и кому-бы-то ни было изъ нихъ? Вопросъ о томъ: кто изъ двѣнадцати учениковъ больше, важнѣе, или ближе къ Іисусу Христу—не рѣдко раждался въ маломъ обществѣ Апостоловъ; неоднократно они просили разрѣшенія его у самаго Божественнаго Учителя. Обратите на это вы ваше вниманіе и разсудите безъ предубѣжденія. Если бы ученіе римской Церкви было согласно съ уче-

ніемъ нашего Спасителя; то не сказалъ ли бы Онъ на вопросъ Апостоловъ ясно и прямо, что св. Петръ больше всѣхъ ихъ, что онъ будетъ ихъ начальникомъ? Могъ ли бы онъ скрыть отъ учениковъ такую важную истину, если бы точно это была истина? Особенно припомните, что слова Іисуса Христа, сказанныя Апостоламъ, должны служить правиломъ для всѣхъ христіанъ—до скончанія вѣка. Такъ, напримѣръ, Апостолы просили Господа, чтобы онъ научилъ ихъ молиться, и Господь преподалъ—не имъ только, но и всѣмъ намъ, всѣмъ бывшимъ и будущимъ христіанамъ, высочайшій образецъ молитвы—молитву Господню. Итакъ повторяемъ: Апостолы неоднократно спрашивали Господа: кто изъ нихъ больше? Отвѣтъ Господа долженъ рѣшить всѣ, и ихъ и наши, недоумѣнія. Раскроемъ св. Евангеліе. *Приступиша ученицы ко Іисусу, глаголюще: кто убо болій есть въ царствіи небеснѣмъ? И призвавъ Іисусъ отроча, постави е посредъ ихъ, и рече: аминь глаголю вамъ: аще не обратитеся, и будете яко дѣти, не внидете въ царствіе небесное. Иже убо смирится яко отроча сіе, той есть болій во царствіи небеснѣмъ* (Матѳ. 18, 1—4). Прочитавши эти божественныя слова, вообразите себѣ римскаго первосвященника, сидящаго на высокихъ креслахъ и несомаго на плечахъ благородныхъ его собратій, окруженнаго наемною швейцарскою гвардіею съ блестящими шлемами и мечами,—и скажите: походитъ ли онъ на то отроча, которое, по слову Господа, *болій есть* въ царствіи небеснѣмъ!.... Но отвратимся отъ этой блестящей, но жалкой картины, и обратимся къ свѣтильнику слова Божія. Господь приближается къ Іерусалиму, гдѣ ждутъ Его страданіе и смерть. На этомъ пути, *приступи къ Нему мати сыну Зеведееву съ сынома своима, кланяющися и просяще нѣчто отъ Него. Онъ же рече ей: чесо хощеши? Глаголя Ему: рцы, да сядета сія оба сына моя, единъ одесную Тебе, и единъ ошуюю Тебе, во цар-*

ствіи Твоемъ. Отвѣщавъ же Іисусъ рече: не вѣста, чесо просита. Еже сѣсти одесную Мене и ошуюю Мене—нѣсть Мое дати, но имже уготовася отъ Отца Моего.... Не подумаете ли вы, что мѣсто одесную Іисуса Христа уже уготовано именно для св. Петра?..... Вмѣсто отвѣта, продолжимъ наше чтеніе изъ Евангелія. *И слышавше десять* (въ томъ числѣ и Петръ), *негодоваша о обою брату. Іисусъ же, призвавъ ихъ, рече: вѣсте, яко князи языкъ господствуютъ ими, и велицыи обладаютъ ими. Не такоже будетъ въ васъ: но иже хощетъ въ васъ вящшій быти, да будетъ вамъ слуга; и иже аще хощетъ быти первый, буди вамъ рабъ* (Матѳ. 20, 20—27). Если бы, послѣ извѣстной бесѣды близъ Кесаріи Филипповой (Матѳ. 16, 13—19), Іисусъ Христосъ дѣйствительно далъ или обѣщалъ св. Петру особыя преимущества предъ прочими Апостолами; то это было бы, конечно, извѣстно имъ, и тогда не могъ бы и родиться между ними вопросъ: кто изъ нихъ больше? Или иначе: на просьбу матери сыновъ Зеведеевыхъ Господь сказалъ бы, что мѣсто, котораго она проситъ, уже дано Петру. Замѣтьте еще вотъ что: приведенныя нами повѣствованія изъ Евангелія святаго Матѳея подтверждаются или повторяются святымъ Маркомъ, ученикомъ и спутникомъ св. Петра (Марк. 9, 35, 10, 37). Тоже самое повѣствуетъ и святый Лука (9, 46—48). О словахъ же, на которыхъ вы главнымъ образомъ опираетесь *(ты еси Петръ)*, св. спутникъ св. Петра умалчиваетъ. Св. Лука повѣствуетъ, что вопросъ о первенствѣ между Апостолами возникъ даже во время послѣдней вечери Іисуса Христа съ ними. *Бысть же и пря въ нихъ, кій мнится ихъ быти болій. Онъ же рече имъ: царіе языкъ господствуютъ ими, и обладающіи ими благодѣтеле нарицаются. Вы же не тако: но болій въ васъ да будетъ яко мнѣй, и старѣй яко служай* (Лук. 22, 24—27). Вотъ вамъ прямыя и ясныя свидѣтельства Евангелія объ

отношеніи св. Петра къ прочимъ Апостоламъ! Прочитавъ ихъ, можно ли съ искренностію и добросовѣстно утверждать, что онъ по волѣ Іисуса Христа былъ главою и княземъ, и начальникомъ Апостоловъ? Онъ негодовалъ, вмѣстѣ съ прочими учениками, на Іакова и Іоанна за то, что они не сами, а чрезъ мать свою только, просили первыхъ мѣстъ близъ Іисуса Христа. Не огорчаете ли вы душу великаго Апостола, не возбуждаете ли его негодованія на васъ, когда требуете отъ насъ признавать его за то, за что онъ самъ никогда не думалъ выдавать себя?....

Не охотно и съ прискорбіемъ перехожу къ другой сторонѣ вопроса,—къ тѣмъ доказательствамъ, которыми вы старались подтвердить свое любимое ученіе. Не охотно, говорю, не потому, что нахожу ваши доказательства слишкомъ сильными, но потому, что объ нихъ и противъ нихъ слишкомъ давно и много говорено и писано. Скорблю душею о томъ, что слово Божіе, слово жизни, свѣтильникъ стопамъ нашимъ, люди дѣлаютъ орудіемъ своихъ личныхъ мнѣній или корыстныхъ цѣлей! Вы утверждаете, что ученіе о главенствѣ папы основывается на св. Писаніи, и утверждаете это такъ смѣло и рѣшительно, что всѣ прочія доказательства, взятыя изъ писаній отеческихъ, или опредѣленій соборныхъ и проч., считаете не имѣющими силы, если не будетъ доказано, что именно отъ самаго Іисуса Христа получилъ свою власть самъ папа, въ качествѣ преемника Петрова (стр. 32). Такое увѣреніе ваше дѣлаетъ споръ между нами болѣе легкимъ, сосредоточеннымъ и заключеніе его болѣе рѣшительнымъ.

Вамъ, конечно, извѣстно изъ церковной исторіи, что почти не было ереси, которая не указывала бы въ свою защиту и оправданіе на какое нибудь изрѣченіе св. Писанія. Причиною тому было, разумѣется, не слово Божіе, а то, что люди неразумные, или злонамѣренные пользовались имъ не такъ, какъ должно, брали одно какое-нибудь мѣсто, отрывая его отъ свя-

зи съ предъидущимъ и послѣдующимъ, безъ сличенія съ другими—болѣе опредѣлительными мѣстами Писанія; или изрѣченія метафорическія принимали въ смыслѣ буквальномъ, иное преувеличивали, а о другомъ умалчивали, и такимъ образомъ свои произвольныя и ложныя умствованія безстыдно выдавали за непреложныя истины, заимствованныя будтобы изъ слова Божія. Мы видѣли, какъ ясны, опредѣленны и многочисленны мѣста Писанія, въ которыхъ говорится объ общихъ правахъ и обязанностяхъ святыхъ Апостоловъ и о ихъ братскомъ союзѣ. Таковы ли тѣ мѣста, на которыхъ вы утверждаете зданіе папизма? Главныхъ мѣстъ, о которыхъ вы почти непрестанно говорите, два. Первое, главнѣйшее, находится у Евангелиста Матѳея въ главѣ 16, стихахъ 16—19. Господь сказалъ Апостолу Петру: *ты еси Петръ, и на семъ камени созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей* (Матѳ. 16, 18). Въ этомъ изрѣченіи есть слова, имѣющія прямый и ясный смыслъ; другія употреблены въ метафорическомъ значеніи и возбуждаютъ, или лучше сказать, стали возбуждать нѣкорое недоумѣніе съ тѣхъ поръ, какъ римскіе епископы начали толковать ихъ въ свою пользу. Ясно и опредѣленно сказано о томъ, что Господь созиждетъ Церковь, которой не одолѣютъ врата, т. е. силы ада, или діавола. Но на комъ, или на чемъ Церковь Христова будетъ основана? Въ этомъ есть недоумѣніе и разногласіе. Извѣстно, что весьма многіе древніе отцы и писатели церкви (въ томъ числѣ—и западный, блаженный Августинъ) учили, что Церковь свою Господь обѣщалъ основать на исповѣданіи Вѣры, изреченномъ устами Петра, или на Томъ, Кого онъ исповѣдалъ Сыномъ Божіимъ, на Самомъ Іисусѣ Христѣ. Не будемъ утомлять нашихъ читателей длинными выписками изъ отеческихъ писаній, любопытствующіе могутъ найти ихъ въ другихъ, болѣе обширныхъ, сочиненіяхъ. Будемъ говорить просто, коротко и ясно, безъ всякихъ искуственныхъ подпорокъ діалектики и эрудиціи, но устремляя чи-

стое, неомрачепное предубѣжденіемъ, око въ глубину слова Божія. Вы говорите, что Іисусъ Христосъ обѣщалъ основать Церковь Свою на самомъ Петрѣ, а не на исповѣдании Петромъ Вѣры во Христа Сына Божія. Такъ ли это? Замѣтимъ прежде всего, что, если бы это было такъ, то Господь сказалъ бы: «ты еси Петръ и на тебѣ, какъ на камнѣ, созижду Церковь Мою.»

Допустимъ на время ваше толкованіе въ полной силѣ и во всемъ его объемѣ. «Церковь Христова основана на Петрѣ.» Что же выйдетъ? То, что вы дерзкою рукою устраняете не только одиннадцать столповъ Церкви, но и Тотъ краеугольный камень, *Его же не брегоша зиждущіи*, но Который, тѣмъ не менѣе, *бысть во главу угла*... И подумайте: можно ли созидать вѣчное зданіе Церкви на такомъ слабомъ основаніи, какъ человѣкъ, подверженный слабостямъ и смерти? Не бываетъ ли ваша Церковь, со смертію каждаго папы, безглавымъ и слѣдовательно мертвымъ тѣломъ? Не говорю уже о томъ времени, когда у нея было двѣ и даже три главы...

Чтобъ избѣжать сейчасъ показанной мною несообразности, вы говорите: Іисусъ Христосъ есть основатель Церкви и въ тоже время основаніе ея; говоря упомянутыя слова своему Апостолу, Господь не отрекается отъ своей власти и не намѣренъ создать Свою Церковь на иномъ какомъ-либо основаніи, а не на Самомъ себѣ; Онъ даетъ Петру только участіе въ принадлежащемъ Господу достоинствѣ быть основаніемъ Церкви: Апостолъ есть камень, на которомъ будетъ покоиться все зданіе, но который самъ покоится на Іисусѣ Христѣ (стр. 39—40). Итакъ вы строите основаніе на основаніи? Но этаго мало! Какъ помѣстите вы прочихъ Апостоловъ, которые также называются основаніемъ: всѣхъ ли рядомъ на одномъ Петрѣ, или по порядку достоинства—одного надъ другимъ?... Въ какое отношеніе поставляете вы прочихъ Апостоловъ къ преемникамъ Петра? Неужели святый Іоаннъ Богословъ, по смерти

Петра, подчиненъ былъ Лину, или Анаклету? Боже! До чего могутъ довести человѣка тонкости и хитросплетенія! Это впрочемъ не единственный примѣръ, что вы, желая подкрѣпить своими умствованіями вашу слабую сторону, оскорбляетъ святыню истины, почти богохульствуете. Стоитъ только припомнить вамъ новый догматъ. Къ чему умствовать, къ чему затемнять и запутывать вопросъ, когда такъ ясно и непреложно Самъ Духъ Святый сказалъ устами святаго и первоверховнаго Апостола Павла: *наздани бывше на основаніи Апостолъ и Пророкъ, сущу краеугольну Самому Іисусу Христу* (Ефес. 2, 20)! Вотъ какъ и на комъ основана Святая Христіанская Церковь!

Не подумайте, что я съ умысломъ умалчиваю о послѣдующихъ словахъ Іисуса Христа, сказанныхъ св. Петру: *и дамъ ти ключи царствія небеснаго; и еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на небесѣхъ: и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ* (Матѳ. 16, 19). Для чего мнѣ умалчивать объ этихъ словахъ, когда онѣ вполнѣ будутъ ясны даже и для васъ, если перевернете въ томъ же Евангеліи двѣ или три страницы; вы увидите, что Господь тоже самое, что сказано Петру, говоритъ всѣмъ Апостоламъ, и притомъ съ торжественнымъ увѣреніемъ: *аминь глаголю вамъ: елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси: и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ* (Матѳ. 18, 18). Что же особеннаго получилъ святый Петръ отъ Господа? Только то, что онъ прежде другихъ услышалъ эти слова и первый получилъ то, что принадлежало всѣмъ Апостоламъ; потому что первый ясно исповѣдалъ Христа, Сына Божія. Вы, можетъ быть, скажете, что прочіе Апостолы получили власть отпущать грѣхи точно такъ же, какъ священники получаютъ эту власть отъ своего епископа? Вы такъ любите хитрыя тонкости, что

вамъ, пожалуй, и это придетъ въ голову (*). Но скажите: когда папа посвятитъ епископа, то самъ ли папа даетъ каждому священнику въ епархіи этого епископа власть отпускать грѣхи, или предоставляетъ епископу сообщать эту власть всѣмъ священникамъ? Разумѣется, вы скажете—послѣднее. Если бы Господь подчинилъ всѣхъ Апостоловъ одному Петру; то, конечно, ему поручилъ бы передать часть данныхъ ему правъ прочимъ Апостоламъ. Но этого и вы, конечно, утверждать не станете.

Если вы прочтете все, мною написанное, безъ предубѣжденія, съ искреннею любовію къ истиннѣ, то, можетъ быть, придете къ слѣдующему размышленію: «что, если мы точно ошибаемся и неправильно понимаемъ слова Іисуса Христа? Но тогда какъ же Господь попустилъ цѣлому обществу, такому многолюдному, такъ долго и такъ грубо ошибаться?» Но припомните, что у человѣка есть свобода ума и воли, которую онъ можетъ употреблять во зло; припомните изреченіе блаженнаго Августина, что Богъ насъ—безъ насъ спасти не можетъ; припомните, что изъ двѣнадцати только два колѣна остались вѣрными законному царю своему и что только одному народу данъ былъ законъ Божій, когда безчисленные народы, въ теченіе тысячъ лѣтъ, погружены были въ заблужденіе... *Неиспытани судове Божіи и неизслѣдимы путіе Его*.... Но вы скажите: почему же всевѣдущій Господь не предотвратилъ ложнаго толкованія словъ Его какими нибудь другими словами, болѣе прямыми и опредѣлительными? Ахъ, праведенъ Господь и всевѣдущъ! Онъ предвидѣлъ соблазнъ и предостерегалъ отъ него. Но вы знаете, что человѣкъ, ослѣпленный самолюбіемъ и предразсудками, ничего не видитъ, потому что не хочетъ ви-

(*) Это сказано мною предположительно; но просмотрѣвъ снова статью вашу, дѣйствительно нахожу у васъ подобное мнѣніе на страницѣ 41-й. Русскихъ читателей предупреждаю, что во всемъ этомъ письмѣ дѣлаются ссылки на 2 томъ предпринятаго іезуитами изданія.

дѣть. Прочтите внимательно всю 16 главу Евангелія отъ Матѳея, гдѣ находится, такъ часто приводимое вами, мѣсто, — прочтите въ связи и со вниманіемъ. Вы говорите, что Господь назначилъ св. Петра, лично его — и его одного, а не всѣхъ Апостоловъ,—основаніемъ, главою и начальникомъ всей Церкви. Но послушайте, что говоритъ Господь: *блаженъ еси, Симоне, варъ Іона, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ Мой, Иже на небесѣхъ*. Итакъ св. Петръ блаженъ только потому, что сказалъ не свое мнѣніе, а изрекъ истину, внушенную Отцемъ Небеснымъ, слѣдовательно самъ по себѣ, какъ человѣкъ, не имѣетъ особеннаго преимущества предъ другими; получивши откровеніе, онъ не получилъ особенной власти. Святые пророки: Исаія, Іеремія и другіе получили многочисленныя откровенія отъ Бога, не имѣя никакихъ преимуществъ въ іерархіи Ветхозавѣтной Церкви. Но это не все. Читайте далѣе въ той же главѣ Евангелія, — и вы увидите, какъ малъ и слабъ человѣкъ самъ по себѣ, какъ легко подвергается заблужденію, когда говоритъ свое, а не Божіе. *Иди за мною, сатано: соблазнъ ми еси; яко не мыслиши, яже суть Божія, но человѣческая*. Кому это такъ строго говоритъ Господь? Петру, которому лишь сказалъ слова: *ты еси Петръ* и проч. Развѣ возможно было бы сказать такія слова Своему, лишь только назначенному, намѣстнику и преемнику?... И не безъ мудрой цѣли слова эти написаны въ той самой главѣ, изъ которой вы заимствуете ваше сильнѣйшее доказательство; но вы не замѣтили и до сихъ поръ не замѣчаете предостереженія, которое приготовилъ для васъ нашъ Божественный Наставникъ. Не оскорбитесь, если я, подражая вашей привычкѣ умствовать и дѣлать сближенія, скажу вамъ вотъ что. Римская Церковь, при посвященіи главы своей (замѣтьте, между прочимъ: тѣло у васъ освящаетъ главу), торжественно возглашаетъ папѣ слова, сказанныя Петру: *ты еси Петръ*,—tu es Petrus и проч. Если справедиво отно-

сить эти слова къ папѣ, какъ преемнику Петра и всего, что сказано ему, или о немъ; то не съ такою же ли справедливостію кто-нибудь, не признающій власти папы, постоянно замѣчая его чисто земныя стремленія и человѣческія домогательства, можетъ отнестись къ нему съ Евангельскими словами: vade post me, satana, scandalum es mihi, *яко не мыслиши яже суть Божія, но человѣческая?*... Повторяю: не оскорбитесь этимъ сближеніемъ; оно сдѣлано по подражанію вамъ и, какъ увидимъ впослѣдствіи, нисколько не уступаетъ въ основательности тѣмъ сближеніямъ, которыя вы дѣлаете въ свою пользу. Впрочемъ и справедливо ли было бы оскорбляться словами, сказанными самимъ Господомъ Своему первоверховному Апостолу? Римскіе первосвященники гордятся каѳедрою святаго Петра, но, кажется, никто изъ нихъ не считалъ себя лучше и выше его....

Еще легче и скорѣе можно рѣшить недоумѣніе касательно другого мѣста въ Евангеліи, которое вы также считаете сильнѣйшимъ вашимъ доказательствомъ. Господь, по воскресеніи Своемъ, явился ученикамъ Своимъ на морѣ Тиверіадскомъ и три раза спрашивалъ св. Петра: *любиши ли Мя?* Когда въ первый разъ отвѣтилъ Петръ: *Ты вѣси, яко люблю Тя*; Іисусъ Христосъ сказалъ ему: *паси агнцы Моя*, а во второй и третій разъ: *паси овцы Моя*. Что отсюда слѣдуетъ? Изъ смѣлой приверженности, не къ Апостолу, а къ папѣ, римскіе писатели утверждаютъ, что будтобы въ первый разъ Господь поручаетъ Петру пасти и самыхъ пастырей. Будьте хотя на минуту искренни и скажите: можно ли такъ толковать слово Божіе? Можно ли въ дѣлахъ Вѣры употреблять такія умствованія?.... Грустно намъ дѣлается, когда подумаемъ о васъ. Вѣрно, вы слишкомъ живо чувствуете слабость свою, что опираетесь даже на такое слабое основаніе, или даже и не на основаніе, а на воздухъ, на призракъ. Вы какъ будто и забыли, что очень не задолго предъ тѣмъ, какъ Господь сказалъ

эти слова, Петръ три раза отрекся отъ Него, а слѣдовательно и отъ апостольства, отъ права пасти Церковь вмѣстѣ и наравнѣ съ прочими Апостолами. Неужели вы не видите, что милосердый Господь троекратнымъ словомъ: *паси* только возстановилъ святаго Петра въ апостольскомъ достоинствѣ,—не болѣе и не менѣе? Неужели вы не помните, что св. Петръ *оскорбѣ*, огорчился третьимъ вопросомъ: *любиши ли Мя?* Очевидно, что въ троекратномъ вопросѣ Господа онъ почувствовалъ тайный, хотя чрезвычайно нѣжный, упрекъ за свое отреченіе. И посмотрите: какъ сильно подѣйствовалъ на него урокъ, недавно полученный. На вопросъ Господа: *любиши ли Мя паче сихъ*,—Петръ не говоритъ уже съ прежнею самоувѣренностію, съ какою нѣкогда сказалъ: *аще и вси соблазнятся о Тебѣ* и проч., но смиренно отвѣчаетъ: *Господи, Ты вся вѣси; Ты вѣси, яко люблю Тя*. Сколько Божественной любви и снисходительности со стороны Учителя! Сколько кротости, глубочайшаго благоговѣнія и преданности со стороны ученика! И вы въ этомъ умилительномъ повѣствованіи святаго Богослова видите только какой-то холодный обрядъ посвященія папы. Жаль васъ! Но возвратимся къ Евангелію. Іисусъ Христосъ, точно, возвративши Петру апостольское достоинство, нѣчто предсказалъ и обѣщалъ ему; но что? Мученическую кончину! Вотъ истинно апостольское украшеніе, а не трехъярусная корона, или тіара! Посмотримъ теперь, не присоединило ли слово Божіе и къ этому мѣсту Евангелія, впрочемъ ясному и нисколько не двусмыслепному, какого нибудь предостереженія противъ ложнаго толкованія его? Смѣло говорю: да, и здѣсь, какъ въ Евангеліи отъ Матѳея, въ тойже самой главѣ, изъ которой вы заимствуете свое мнимое доказательство, находится и яснѣйшее опроверженіе его. Читайте 21-ю главу Евангелія отъ Іоанна. Св. Петръ, услышавъ, что Господь предсказалъ ему насильственную смерть, увидѣлъ позади себя возлюбленнаго ученика Іисусова—св. Іоанна. Питая братскую лю-

бовь къ Іоанну (*), Петръ, вѣроятно, подумалъ: не уже ли и этого ученика ждетъ также мученическая кончина? При этой мысли, онъ тотчасъ, съ свойственною ему стремительностію и откровенностію, обратился къ Іисусу Христу съ вопросомъ: *Господи, сей же что?* Что же Господь? Вопросъ Петра, по видимому, произтекалъ изъ похвальнаго источника, изъ любви къ собрату, и не заключалъ въ себѣ ничего, достойнаго упрека. Не смотря на то, Господь отвѣчалъ Петру съ нѣкоторою строгостію: *что къ тебѣ? Ты по Мнѣ гряди.* Да позволено намъ будетъ предположить съ вѣроятностію, что Господь, предвидѣвшій злоупотребленія преемниковъ Петра по римской каѳедрѣ, ихъ незаконныя вмѣшательства въ дѣла другихъ патріарховъ и епископовъ, желалъ сими словами предостеречь ихъ отъ этого.

Остается сказать нѣсколько словъ о третьемъ вашемъ доказательствѣ, основанномъ на словахъ Іисуса Христа, сказанныхъ Петру: *Азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя; и ты нѣкогда, обращся, утверди братію твою* (Лук. 22. 32). Вы и этими словами думаете доказывать свое ученіе о первенствѣ или главенствѣ св. Петра? Посмотрите въ Евангеліе: слова эти сказаны тотчасъ послѣ того, какъ Господь запретилъ ученикамъ Своимъ даже думать о первенствѣ и власти надъ собратіями, и весьма не задолго до того, какъ Петръ отвергся отъ Іисуса Христа. Развѣ, безъ этой молитвы Господа, безъ всесильной помощи Божіей, Петръ не могъ отпасть бы отъ вѣры и погибнуть на вѣки? Много можно бы сказать о значеніи словъ Спасителя: *и ты нѣкогда, обращся, утверди братію.* Но я прошу васъ прочитать Окружное посланіе единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви, подписанное и разосланное восточными патріархами, митрополитами и епископами, по случаю, конечно, из-

(*) Такъ изъясняетъ это св. Іоаннъ Златоустъ.

вѣстнаго вамъ воззванія папы Пія IX къ восточнымъ Христіанамъ. Если вы точно желаете и ищете истины, то прочтите это посланіе; въ немъ найдете много поучительнаго для васъ, между прочимъ—и изъясненіе означенныхъ словъ Господа, изъясненіе глубокое и вполнѣ удовлетворительное (въ русскомъ переводѣ стр. 22) (*).

Въ слѣдующемъ письмѣ я постараюсь разскрыть истинное значеніе и достоинство святаго Апостола Петра, какъ учитъ объ этомъ св. Писаніе и св. Православная Церковь. А теперь, не просто только по русскому обычаю, но и отъ всей души—искренно говорю вамъ: «прощайте,» т. е. простите меня, если оскорбилъ васъ своею откровенною бесѣдою.

(*) Для тѣхъ изъ русскихъ читателей, которымъ почему либо не извѣстно это чрезвычайно замѣчательное посланіе, приводимъ здѣсь изъ него нѣсколько строкъ: «Если допустимъ (мнѣніе папистовъ), что молитва Господа нашего о Петрѣ тѣсно соединена и связана съ престоломъ Петра, и что она простираетъ силу свою и на возсѣдающихъ на немъ въ разное время; то увѣряемъ, на основаніи словъ Господа, что придетъ время, когда сія Божественная, по случаю отреченія Петра, молитва: *да не оскудѣетъ въ конецъ вѣра его,* воздѣйствуетъ и въ комъ либо изъ преемниковъ его, который и восплачетъ, подобно ему, горько, и, обратившись, еще болѣе утвердитъ насъ, братій его, въ православномъ исповѣданіи, которое получили мы отъ предковъ. И, о, если бы его Блаженство (Пій IX) былъ таковымъ истиннымъ преемникомъ блаженнаго Петра!»

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Четвертое мое письмо къ вамъ будетъ служить продолженіемъ третьяго; въ немъ я постараюсь доказать вамъ, что во всемъ св. Писаніи нѣтъ того, что вы въ немъ ищете, т. е. подтвержденія вашему мнѣнію о главенствѣ, или властительствѣ св. Петра надъ Апостолами и всею Церковію. Замѣчу впрочемъ прежде всего, что мы, православные, воздаемъ св. Петру искреннее и истинное почтеніе, гораздо болѣе, чѣмъ вы; потомучто почитаемъ и прославляемъ *его* именно, какъ великаго Апостола Христова, и не подразумѣваемъ подъ его именемъ никакого папы.

Кромѣ тѣхъ главнѣйшихъ мѣстъ, которыя разсмотрѣны нами въ третьемъ письмѣ, вы приводите еще много и другихъ, въ которыхъ также видите подтвержденіе вашей любимой мысли, и говорите: «я не кончилъ бы, если бы захотѣлъ приводить всѣ тексты, въ которыхъ обозначается первенство св. Петра. Когда Евангелисты исчисляютъ Апостоловъ; то всегда начинаютъ съ Петра». Указавши нѣсколько такихъ мѣстъ, вы говорите: «спрашиваю читателя: всѣ эти тексты, сближенные между собою, не доказываютъ ли, что Петръ былъ выше другихъ, что Іисусъ Христосъ далъ ему преимущество и власть болѣе той, какая дана его собратіямъ по апостольству?» (ст. 34—35). Я, нижеподписавшійся, одинъ изъ вашихъ читателей, отвѣчаю вамъ на это: начало вашей рѣчи не соотвѣтствуетъ ея заключенію: иное дѣло первенство, иное — власть. Ученикъ первый въ классѣ по списку не имѣетъ власти надъ своими сотоварищами, и даже, по волѣ своего учителя, можетъ

оказаться вторымъ, третьимъ и—ниже. Быть первымъ между равными—и имѣть власть надъ подчиненными — это совсѣмъ не одно и тоже. Нельзя однако не замѣтить той тонкости, или осторожности, съ которою вы идете сами и ведете за собою читателя по пути умозаключеній. Начавши говорить о первенствѣ св. Петра, вы незамѣтно переходите къ заключенію, что онъ имѣлъ власть, но не говорите, что онъ имѣлъ власть надъ Апостолами, а только болѣе той, какую имѣли Апостолы. Однако далѣе вы уже прямо называете св. Петра преемникомъ Господа Іисуса Христа, слѣдовательно считаете его даже не собратомъ, или товарищемъ, а начальникомъ и учителемъ прочихъ Апостоловъ. Къ удивленію, вы и на этомъ не остановились; забывая недостаточность прежде положенныхъ основаній, вы развиваете нить своихъ умозаключеній далѣе и далѣе. Съ непонятною для насъ смѣлостію вы переноситесь, на крыльяхъ своего воображенія, чрезъ всѣ преграды, противопоставляемыя вамъ и ясными свидѣтельствами св. Писанія и требованіями отчетливаго мышленія, и наконецъ поражаете читателя истинно неожиданнымъ заключеніемъ. «Іисусъ Христосъ, говорите вы, уподобляетъ Церковь зданію; Петръ для Церкви тоже, что основаніе для зданія. Отнимите основаніе—зданіе разрушится: это уже не будетъ зданіе, а только развалины. Такъ точно Церковь покоится на Петрѣ. Отнимите Петра,—и нѣтъ болѣе Церкви, а только секты; отдѣлите Церковь отъ Петра, — и Церковь разрушится». (стр. 40). Вотъ образчикъ вашихъ умствованій и того ораторскаго краснорѣчія, которымъ вы съ вашими единовѣрцами пускаете пыль и туманъ въ глаза людямъ, не знающимъ св. Писанія и истиннаго Богословія, *на седмистолпныхъ догматахъ утвержденнаго*. Но посмотримъ, не разсѣется ли этотъ туманъ при ясномъ свѣтѣ слова Божія.

Кто не знаетъ, что основаніе для зданія полагается въ началѣ и прежде всего? И вотъ Господь Іисусъ Христосъ, послѣ крещенія Своего и явленія на проповѣдь, полагая основаніе

Своей, собственно—христіанской, или Новозавѣтной Церкви, избираетъ двѣнадцать Апостоловъ. Кого же прежде всего призываетъ онъ въ свое святое и благодатное общество? Кто прежде всѣхъ послѣдовалъ за Божественнымъ Учителемъ? Св. Андрей, которому издревле Вселенская Церковь усвоила названіе Первозваннаго. Онъ не только былъ первымъ ученикомъ Іисуса Христа, но и сдѣлался учителемъ для своего брата, котораго вы называете главнымъ основаніемъ Церкви. *Обрѣте сей* (св. Андрей) *прежде брата своего Симона, и глагола ему: обрѣтохомъ Мессію, еже есть сказаемо—Христосъ: и преведе его ко Іисусови* (Іоан. 1, 41). Позвольте мнѣ сдѣлать небольшое отступленіе. Если бы Константинопольскіе патріархи захотѣли также умозаключать, какъ вы; то они съ неменьшею, чѣмъ папы, вѣроятностію могли бы доказывать свое первенство во Вселенской Церкви на томъ основаніи, что св. Андрей посвятилъ перваго епископа Византіи св. Стахія, (отъ котораго преемственно ведутъ свой порядокъ Константинопольскіе патріархи), и притомъ скончался въ Греціи, въ предѣлахъ ихъ патріаршей области. Они могли бы указать и другое свидѣтельство о важномъ значеніи св. Андрея въ ликѣ Апостоловъ. Когда еллины, прибывшіе въ Іерусалимъ, обратились къ Филиппу съ просьбою доставить имъ возможность близко видѣть Господа Іисуса, то св. Филиппъ не рѣшился самъ сказать объ этомъ прямо Іисусу Христу, а сообщилъ прежде о желаніи еллиновъ св. Андрею и потомъ вмѣстѣ съ нимъ приступилъ къ Спасителю (Іоан. 12, 20—22). Но все это доказываетъ только то, что между Апостолами было братское единодушіе, равенство и взаимная любовь, и потому наши іерархи никогда не пользовались указанными мѣстами для защищенія какихъ нибудь честолюбивыхъ притязаній. Не такъ поступаете вы. Но возвратимся къ повѣствованію св. Іоанна о призваніи Петра и прочитаемъ еще нѣсколько строкъ, слѣдующихъ за приведенными выше.

Воззрѣвъ же нань (на Петра) *Іисусъ рече: ты еси Симонъ сынъ Іонинъ: ты наречешися Кифа, еже сказается—Петръ* (Іоан. 1, 42). И такъ вотъ когда еще св. Петръ получилъ свое новое названіе, а не тогда только, когда исповѣдалъ Господа Мессіею, Сыномъ Бога живаго. Что же отсюда слѣдуетъ? То, что Господь, назвавъ Симона Петромъ, или камнемъ, не назначилъ его основаніемъ Своей Церкви, а только выразилъ его характеръ твердый, прямый, чуждый всякой утонченной мягкости и нерѣшительности. Потомуто не безъ цѣли Евангелистъ сказалъ: *воззрѣвъ же нань*, то есть—посмотрѣвъ внимательно. Точно также Господь сказалъ, взглянувъ на Наѳанаила: *се во истину Израильтянинъ, въ немъ же льсти нѣсть* (Іоан. 1, 41). Точно также сыны Зеведеевы названы Имъ *сынами грома* (Воанергесъ), за возвышенность ихъ характера; Симонъ Команитъ—Зилотомъ, за его ревность. Замѣтьте еще, что Господь не называетъ св. Петра этимъ новымъ именемъ, ни тогда, когда говоритъ о своей молитвѣ за него, *да не оскудѣетъ вѣра его*, ни тогда, когда троекратнымъ вопросомъ: *любиши ли мя?* приводитъ его въ смущеніе, а троекратнымъ повелѣніемъ: *паси* возстановляетъ его въ апостольскомъ званіи. *Симоне, Симоне, се сатана проситъ, дабы сѣялъ васъ* и проч. *Симоне Іонинъ, любиши ли Мя?* Почему это? Конечно, потому, что отреченіемъ своимъ св. Петръ измѣнилъ своей обычной твердости, оказался невѣрнымъ своему имени. А вы, съ своими единомысленниками, въ этихъ-то мѣстахъ св. Писанія и видите подтвержденіе своей мысли о превосходствѣ Петра надъ прочими Апостолами, о его владычествѣ надъ всею Церковію! Согласитесь, что это весьма странный и ненадежный способъ защищать свои убѣжденія!

«Отнимите Петра,— и Церковь разрушится»: такъ утверждаете вы. Но такъ ли учитъ Господь? Такъ ли думалъ самъ Петръ? Не задолго до того времени, какъ Іисусъ Христосъ

совершилъ на крестѣ наше спасеніе, и Своею кровію освятилъ возлюбленную Свою невѣсту—Святую Церковь, Онъ, Господь нашъ, благоволилъ показать ученикамъ Своимъ высочайшій примѣръ смиренія. По окончаніи вечери, Спаситель *влія воду во умывальницу, и начатъ умывати ноги ученикомъ, и отирати лентіемъ, имъ же бѣ препоясанъ*. Смущенные изумленіемъ отъ такого крайняго смиренія своего Божественнаго Учителя, ученики не смѣютъ прекословить Ему. Но Петръ, почти всегда твердый и безстрашный, отважился возразить Господу: *Господи! Ты ли мои умыеши нозѣ?.. Не умыеши ногу моею во вѣки!* Что же Господь? *Аще не умыю тебе*, отвѣчаетъ Онъ Петру, *не имаши части со Мною*, т. е. не будешь Моимъ ученикомъ, не получишь царствія небеснаго. Не думаете ли вы, что это была простая угроза, которая никогда не могла быть приведена въ исполненіе? Но такъ думать о словахъ Господа было бы нчеестиво; и посмотрите, какъ далекъ былъ отъ подобной мысли св. Петръ. *Господи! не нозѣ мои токмо, но руцѣ, и главу*, отвѣчаетъ онъ Спасителю (Іоан. 13. 9). Не много словъ; но какъ нельзя яснѣе изображается въ нихъ состояніе духа, въ которое приведенъ былъ Петръ угрозою Спасителя. Очевидно, что онъ пришелъ въ неописанный ужасъ при одной мысли быть отверженнымъ отъ Божественнаго и возлюбленнаго Учителя, и потому съ безпредѣльною покорностію и съ свойственною ему стремительностію онъ предлагаетъ Господу для омовенія не только ноги свои, но и руки и голову. Какъ выразительно обозначается въ этомъ событіи весь характеръ Петра,—весь человѣкъ! Такой характеръ человѣка привлекъ бы все наше уваженіе и любовь, если бы мы и не знали, что этотъ человѣкъ впослѣдствіи исполненъ былъ Духа Святаго. Конечно, за эти-то достолюбезныя свойства свои Петръ и призванъ былъ Господомъ къ апостольскому служенію и не рѣдко былъ удостоиваемъ особеннаго предпочтенія,—но не одинъ,

а вмѣстѣ съ Іоанномъ и Іаковомъ. Возвращаюсь теперь къ вашему изреченію: «отнимите Петра, и Церковь разрушится». Чтобы понять всю неосновательность этихъ словъ, представьте, что какъ будто въ вашемъ именно присутствіи Господь говоритъ Петру: *не имаши части со Мною.* Не ужели у васъ достало бы смѣлости или дерзости сказать Спасителю: «если Ты удалишь Петра; то Церковь Твоя разрушится, останутся отъ нея только однѣ развалины, однѣ секты?» И вамъ не страшно подумать объ этомъ?.. И такъ помните, что, не въ мѣру стараясь угодить римскому епископу, вы оскорбляете Самаго Господа; вы оскорбляете и самаго Петра, который имѣлъ столь глубокое смиреніе, что однажды, припавши къ ногамъ Спасителя, говорилъ Ему: *изыди отъ мене, яко мужъ грѣшенъ есмь, Господи* (Лук. 5. 8). Предвижу ваше возраженіе, что все это, о чемъ мы сейчасъ говорили, было до сошествія Св. Духа, и что св. Петръ получилъ полную власть надъ всею Церковію по вознесеніи Іисуса Христа. Мы будемъ говорить объ этомъ по порядку; а теперь позвольте мнѣ еще на минуту возвратиться къ разсмотрѣнному выше мѣсту въ Евангеліи отъ Іоанна.

Останавливаюсь и васъ приглашаю остановиться въ благоговѣйномъ размышленіи на словахъ Спасителя, которыя сказалъ Онъ ученикамъ Своимъ по омовеніи ногъ ихъ: *вѣсте ли, что сотворихъ вамъ; вы глаголете Мя Учителя и Господа: и добрѣ глаголете: есмь бо. Аще убо Азъ умыхъ ваши ноздѣ, Господь и Учитель, и вы должни есте другъ другу умывати ноздѣ. Образъ бо дахъ вамъ, да, якоже Азъ сотворихъ вамъ, и вы творите. Аминь, аминь глаголю вамъ: нѣсть рабъ болій господа своего, или посланникъ болій пославшаго его. Аще сія вѣсте, блажени есте, аще творите я* (13, 12—17.). Слова эти сказалъ Господь не задолго до своей разлуки съ учениками, до Своего страданія и вознесенія на небо. И такъ Господь не

только не назначаетъ кого либо изъ Апостоловъ Своимъ преемникомъ, но еще съ особенною заботливостію предостерегаетъ ихъ отъ властолюбія и тщеславія; всѣхъ ихъ называетъ Своими рабами и посланниками. Но кому особенно нужно было такое предостереженіе? Конечно, въ словахъ Спасителя заключается заповѣдь о смиреніи, данная всѣмъ Христіанамъ всѣхъ вѣковъ; но нигдѣ эта заповѣдь такъ явно не нарушается, какъ въ римской Церкви. Извѣстно, что всѣ паписты цѣлуютъ ноги, или туфли папы; епископы, кардиналы, титулярные патріархи цѣлуютъ ноги папы, даже тотчасъ по его нареченіи, когда онъ еще не посвященъ въ свой чрезвычайный санъ. Не ясно ли, что, такъ называемые, преемники Петра показываютъ въ себѣ несравненно болѣе важности, величія и власти, нежели показывалъ самъ Петръ и даже Учитель его? Господь и Учитель омылъ ноги рабовъ и учениковъ Своихъ, а папа даетъ цѣловать свои ноги равнымъ себѣ епископамъ и архипастырямъ Церкви. «Но на туфляхъ папы, говорятъ, нашитъ крестъ, къ которому и прикладываются почитатели папы!» Но подумайте: умѣста ли на туфляхъ это досточтимое изображеніе? Не походитъ ли папа—не на преемника Петрова, а—на того, кто ставитъ, или хочетъ поставить себя выше всякаго чтилища и святыни?.... Какъ не вспомните вы при этомъ словъ Господа: *нѣсть рабъ болій господа своего, ни посланникъ болій пославшаго его. Аще сія вѣсте, блажени есте, аще творите я.*

Хотѣлось бы мнѣ въ этомъ письмѣ кончить разсмотрѣніе мѣстъ св. Писанія, относящихся къ предмету нашего изслѣдованія, но боюсь утомить моихъ читателей. Предъидущее письмо мое было велико, а это угрожаетъ быть еще обширнѣе. И потому останавливаюсь здѣсь и прощаюсь съ вами до слѣдующаго письма.

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Занявшись опровержениемъ нѣкоторыхъ вашихъ выраженій, я невольно уклонился отъ предмета, о которомъ обѣщался говорить. Въ концѣ третьяго письма своего я сказалъ, что постараюсь въ слѣдующемъ письмѣ раскрыть истинное значеніе и достоинство св. Апостола Петра, какъ учитъ объ этомъ св. Писаніе и св. Православная Церковь. Исполняю теперь это обѣщаніе тѣмъ охотнѣе, что на этотъ разъ могу изъявить вамъ, въ нѣкоторой степени, мое согласіе съ вами.

Да, св. Писаніе иногда называетъ Апостола Петра первымъ изъ Апостоловъ; а Православная Церковь прославляетъ его, какъ первопрестольнаго. Онъ первый исповѣдалъ Іисуса Христа Мессіею, Сыномъ Бога живаго; ему первому обѣщаны ключи царствія небеснаго, или власть вязать и рѣшить грѣхи человѣковъ. Онъ первый, послѣ св. Мироносицъ, увидѣлъ воскресшаго Господа (Лук. 24, 34); первый приблизился къ Нему на морѣ Тиверіадскомъ. Онъ первый возвысилъ свой голосъ въ день Пятдесятницы, и обратилъ ко Христу своею проповѣдію около трехъ тысячъ изъ своихъ слушателей. Онъ первый началъ крестить язычниковъ, онъ прежде другихъ Апостоловъ говоритъ на Соборѣ Іерусалимскомъ. Но это первенство св. Петра было ли постоянною его должностію, которая была бы дана ему или Іисусомъ Христомъ, или согласіемъ прочихъ Апостоловъ, и которая давала бы ему особенныя права и верховную власть? Нѣтъ, рѣшительно—нѣтъ. Св. Петръ является почти вездѣ первымъ по своей твердой вѣрѣ, по

своей пламенной преданности къ Іисусу Христу и ревности къ славѣ имени Его; первенство—это личная заслуга его, а не должность. Своихъ свойствъ и достоинствъ онъ не могъ передать никому, какъ не возможно передавать природныхъ способностей, или таланта. Онъ имѣлъ высокое званіе Апостола; но это званіе носили не только всѣ двѣнадцать учениковъ Господа, но и семдесять другихъ, избранныхъ Самимъ Іисусомъ Христомъ. Онъ имѣлъ должность проповѣдывать Евангеліе, совершать таинства, руководствовать вѣрующихъ ко спасенію. Эту должность имѣли и другіе Апостолы. Эта должность, какъ и всякая должность, могла быть передана преемникамъ. Она и была передана Апостолами избраннымъ отъ нихъ епископамъ, пастырямъ Церкви. Но должности князя Апостоловъ, единственнаго преемника и намѣстника Христова, св. Петръ не имѣлъ самъ, а слѣдовательно не могъ и передать ея кому-либо. Этой должности онъ не получалъ ни отъ Іисуса Христа, ни отъ Апостоловъ,—ни до вознесенія Господня, ни послѣ того. Отъ этихъ общихъ, отвлеченныхъ соображеній обратимся теперь къ несомнѣннымъ событіямъ, на которыхъ они основаны,—къ непреложному свидѣтельству слова Божія.

Соглашаюсь съ вами, что Евангелисты, исчисляя имена Апостоловъ, всѣхъ, или нѣкоторыхъ только, первымъ называютъ большею частію св. Петра. Но напомню вамъ, что св. Павелъ, писавшій также, какъ и Евангелисты, по внушенію Духа Святаго, называетъ главныхъ Апостоловъ въ иномъ порядкѣ: *Іаковъ*, *Кифа* (Петръ) *и Іоаннъ—мниміи столпи быти* (Гал. 2, 9). Чтобы придать особенно важное значеніе тому обстоятельству, что у Евангелистовъ въ исчисленіи Апостоловъ Петръ занимаетъ всегда первое мѣсто, вы дѣлаете замѣчаніе, что Петръ называется первымъ, хотя онъ и не первый призванъ къ апостольскому служенію, и не былъ старше другихъ лѣтами. Что онъ не первый призванъ къ апостольству, это мы видѣли; но что онъ не былъ старше другихъ возрастомъ,

на это вы не имѣете никакихъ доказательствъ. Конечно, и мы не можемъ доказать положительными свидѣтельствами, что Петръ былъ старше другихъ Апостоловъ; однакожъ таково мнѣніе древняго знаменитаго писателя, котораго вы признаете святымъ отцемъ вашей Церкви, блаженнаго Іеронима (*), жившаго много лѣтъ въ Виѳлеемѣ, и притомъ только чрезъ три вѣка послѣ временъ Апостольскихъ. Таково и древнее преданіе Православной Церкви. На всѣхъ нашихъ древнихъ иконахъ, или списанныхъ съ древнихъ подлинниковъ, св. Петръ, въ ликѣ Апостоловъ, изображается старцемъ, съ короткою сѣдою бородою, и главою, обнаженною отъ волосъ. Итакъ вы не могли бы найти достаточныхъ возраженій, если бы кто сталъ утверждать, что св. Петру предоставлено было первое мѣсто въ ликѣ Апостоловъ и право говорить прежде другихъ собратій его именно потому, что онъ былъ старше ихъ лѣтами. Но допустимъ справедливость вашего мнѣнія. Что же изъ него слѣдуетъ? То, что св. Петръ есть первый изъ Апостоловъ, но никакъ не слѣдуетъ, что онъ былъ княземъ, главою, или начальникомъ ихъ. Нигдѣ въ Евангеліи не видно, чтобы Господь давалъ Петру особенное преимущество предъ другими, по крайней мѣрѣ—болѣе, чѣмъ Іоанну и Іакову. Онъ присутствовалъ съ Господомъ на Ѳаворѣ, при воскрешеніи дочери Іаира, въ саду Геѳсиманскомъ во время уединенной молитвы Господа; но вездѣ эту честь раздѣляютъ съ нимъ оба сына Зеведеевы. Не однократно св. Петръ слышалъ отъ Господа довольно строгіе упреки. *Маловѣре, почто усумнился еси?* говоритъ Господь Петру, начинавшему утопать на морѣ Тиверіадскомъ. *Иди за Мною, сатано, соблазнъ Ми еси:* это также сказано Петру, хотя возраженіе, сдѣланное имъ Господу, происходило отъ пламенной любви къ Нему. Эта же любовь внушала Петру мысль просить у Господа позволенія

(*) S. Hieron. Oper. lib. 1. Contr Iovin.

построить на Θаворѣ три сѣни: но Евангелистъ при этомъ замѣчаетъ объ немъ: *не вѣдый, еже глаголаше* (Лук. 9, 33). На тайной вечери, когда Господь сказалъ, что одинъ изъ нихъ предастъ Его, Петръ не смѣетъ вопросить Самаго Іисуса Христа о имени предателя, но проситъ объ этомъ Іоанна,—и Господь открываетъ Іоанну тайну, которая въ то время была еще сокрыта и отъ Петра и другихъ Апостоловъ. Въ саду Геѳсиманскомъ Іисусъ Христосъ молится до кроваваго пота, а ученики Его спятъ; но особенно Петра Господь упрекаетъ за это, потому что онъ недавно обѣщался идти за Нимъ даже на смерть (Матѳ. 24, 40).

По воскресеніи Господа, Ангелъ говоритъ Мѵроносицамъ: *рцыте ученикомъ Его, и Петрови, яко варяетъ вы въ Галилеи* (Марк. 16, 7). Въ этихъ словахъ вы видите доказательство особеннаго преимущества Петра предъ другими учениками. Но я думаю, и безпристрастный читатель согласится со мною, что здѣсь скорѣе надобно видѣть снизхожденіе къ Петру,—въ томъ, что онъ, хотя и отрекшійся, не лишенъ радости слышать, вмѣстѣ съ другими, о воскресеніи Господа.

Не рѣдко Господь выражалъ высокую любовь Свою къ избраннымъ ученикамъ Его, называлъ ихъ *братіями,* (Іоан. 20, 17) *друзьями* (Іоан. 15, 14) Своими; но нигдѣ въ св. Писаніи не видно, чтобы одному кому нибудь изъ нихъ Онъ оказывалъ исключительное предпочтеніе, а тѣмъ менѣе—давалъ власть надъ другими. Онъ явился въ первый день по воскресеніи св. Петру, но еще прежде явился Мѵроносицамъ, отдѣльно явился Лукѣ и Клеопѣ и особеннымъ образомъ увѣрилъ св. Ѳому въ своемъ воскресеніи. Только св. Іоаннъ называется такимъ ученикомъ, *егоже любляше Іисусъ* (Іоан. 21, 20). Ему поручаетъ Онъ съ креста Свою пречистую Матерь, и назначаетъ его, какбы вмѣсто Себя, сыномъ Ея (Іоан. 19, 27). Извѣстно, что св. Іоаннъ долго жилъ и скончался въ Ефесѣ; почему же епископы Ефесскіе не имѣли и

никогда не домогались, на этомъ основаніи, особенныхъ преимуществъ въ церковной іерархіи? Конечно, потому, что любовь Господа, равно какъ и право на полученіе царствія небеснаго, пріобрѣтаются собственными достоинствами и подвигами каждаго, а не передаются по наслѣдству.

Братская любовь, совершенное равенство и единодушіе Петра съ прочими Апостолами трогательно изображаются въ слѣдующемъ повѣствованіи св. Іоанна: *бяху вкупѣ Симонъ Петръ и Ѳома, и Наѳанаилъ, и сыны Заведеевы, и ины отъ ученикъ Его два. Глагола имъ Симонъ Петръ: иду рыбы ловити; и глаголаша ему: идемъ и мы съ тобою* и проч. (Іоан. 21, 2—3). Развѣ здѣсь есть что нибудь похожее на обращеніе начальника съ подчиненными? Развѣ не видите вы, какимъ тѣснымъ *союзомъ любве* были *связуемы* Апостолы, какъ поетъ наша Церковь? Развѣ есть чтонибудь подобное этому въ теперешнихъ отношеніяхъ папы къ подчиненнымъ ему епископамъ, которые цѣлуютъ ноги его и величаютъ себя епископами — *по милости апостольскаго съдалища?* Размыслите, прошу васъ, безпристрастно объ этихъ словахъ: *епископъ по милости, или благодати* (не Духа Святаго, а) *апостольскаго съдалища!!!*

Если мои читатели утомились этимъ довольно длиннымъ и, можетъ быть, скучнымъ изслѣдованіемъ; то пусть они винятъ за это васъ. Вы заставили меня написать это; потому что вы, съ непохвальною самонадѣянностію, сказали, что «не кончили бы, если бы стали приводить всѣ мѣста св. Писанія, въ которыхъ говорится о первенствѣ и власти св. Петра.» Изъ предыдущаго изслѣдованія моего, съ достаточною очевидностію, оказывается, что Іисусъ Христосъ, во время земной жизни Своей, не предоставилъ св. Петру власти надъ его собратіями по апостольству, не назначилъ его Своимъ преемникомъ. Посмотримъ теперь, не получилъ ли св. Петръ какихъ либо чрезвычайныхъ правъ по вознесеніи Господа на небо? Вы

говорите, что въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ первенство св. Петра подтверждается событіями, фактами. Какими? По вознесеніи Господа, Петръ предлагаетъ собратіямъ своимъ избрать двѣнадцатаго Апостола, на мѣсто Іуды. Апостолы избираютъ двоихъ, потомъ молятся,—и Господь, посредствомъ жребія, утверждаетъ Матѳія. Неужели вы думаете, что это событіе говоритъ въ пользу вашей Церкви? Почему? Развѣ такъ поступаютъ ваши папы, какъ поступили въ этомъ случаѣ Петръ и Апостолы? Большею частію папа и назначаетъ и утверждаетъ епископовъ; во всякомъ случаѣ, никакое назначеніе въ епископы не можетъ быть дѣйствительнымъ, пока не утвердитъ его папа (*). Не ясно ли, что папа присвоиваетъ себѣ не ту власть, которую имѣлъ его апостольскій предшественникъ, а ту, которую Апостолы приписывали одному Іисусу Христу, какъ единственному Главѣ Церкви?! Вы называете св. Петра преемникомъ и намѣстникомъ Іисуса Христа. Когда же онъ получилъ эту должность? Когда именно онъ посвященъ въ этотъ высочайшій санъ? Въ день Пятдесятницы? Но тогда всѣмъ Апостоламъ, бывшимъ въ Сіонской горницѣ, *явишася раздѣлени языцы, яко огненни; сѣде же на единомъ коемждо ихъ; и исполнишася вси Духа Свята* (Дѣян. 2, 3—4). Нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, что св. Петръ, при этомъ величайшемъ событіи, при этомъ торжественномъ освященіи Христовой Церкви, получилъ особенное посвященіе, преимущественные дары Духа Святаго. Но онъ, говорите вы, первый возвысилъ свой голосъ для проповѣди. Такъ, потому что онъ былъ устами Апостоловъ, представителемъ, но не начальникомъ, или учителемъ ихъ. Въ обществахъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ равныхъ между собою

(*) Отъ этого теперь въ Италіи большая часть епархій безъ епископовъ! Папа не утверждаетъ въ должности тѣхъ, которыхъ избрали туземное духовенство и король, а король не принимаетъ назначенныхъ папою! Вотъ имено *царство, раздѣлившее на ся.*

членовъ, развѣ тотъ считается начальникомъ, кто говоритъ прежде и больше другихъ? Не случается ли, напротивъ того, что главный или предсѣдательствующій членъ говоритъ меньше и послѣ всѣхъ? (*) Но св. Петръ обратилъ ко Христу три тысячи, а вскорѣ потомъ еще пять тысячъ? Да, великая и чудная сила благодати дѣйствовала устами св. Петра; но припомните, что меньшій, какъ онъ самъ себя называетъ, или послѣдній, по времени, изъ Апостоловъ, — св. Павелъ больше всѣхъ ихъ потрудился! Посему Православная Церковь называетъ и св. Павла также первопрестольнымъ, какъ и Петра, но это не значитъ, что она признаетъ его, или другаго какого либо Апостола, главою Церкви.

Вы указываете еще на то обстоятельство, что св. Петръ, предъ лицемъ старѣйшинъ Іудейскихъ, говоритъ *отъ лица* всѣхъ Апостоловъ (Дѣян. 4. 8) (**). Не говоря уже о томъ, что это обстоятельство само по себѣ ничего не доказываетъ въ вашу пользу, я прошу васъ внимательно прочитать эту главу дѣяній св. Апостоловъ. Тамъ именно сказано: *видяше же Петрово дерзновеніе и Іоанново, и разумѣвше, яко человѣка некнижна еста и проста, дивляхуся; знаху же ихъ, яко со Іисусомъ бѣста* (ст. 13). Далѣе: *Петръ же и Іоаннъ отвѣщавше къ нимъ рѣста: аще праведно есть предъ Богомъ васъ послушати паче, неже-*

(*) Не лишнимъ считаю здѣсь припомнить сужденіе язычниковъ въ Листрахъ. Св. Варнаву, который молчалъ, или говорилъ мало, они сочли за Юпитера (Дія), царя боговъ, а св. Павла—за Меркурія (Ермія). *Понеже той бяше начальникъ слова,* присовокупляетъ св Лука (Дѣян. 14, 12).

(**) Изумительна сила благодати Духа Святаго, въ этомъ случаѣ, особенно потому, человѣкъ, недавно отрекшійся отъ Іисуса Христа, изъ страха предъ служанкою и рабами первосвященника, теперь, по сошествіи Святаго Духа, безбоязненно исповѣдуетъ Іисуса—Христомъ, обѣтованнымъ Искупителемъ, предъ самимъ первосвященникомъ и старѣйшинами народа! Какъ не замѣтить, при этомъ случаѣ, что вы, желая возвеличить славу человѣка, забываете, опускаете изъ вида славу Божію?

ли Бога, судите. Не можемъ бо мы, яже видѣхомъ и слышахомъ, не глаголати (19—20).

Удивительно, что вы пропустили еще одно важное событіе, которое вы могли бы объяснить также въ свою пользу. Именно: на Соборѣ Апостоловъ, бывшемъ въ Іерусалимѣ, св. Петръ подаетъ свой голосъ прежде другихъ—и его голосъ, его ученіе принимается всѣми Апостолами и братіями. Какъ это вы оставили безъ вниманія такое важное доказательство? Неужели потому, что считали свое мнѣніе, и безъ того, слишкомъ ясно и убѣдительно доказаннымъ? Однако упомянутое событіе имѣетъ такую чрезвычайную важность, что никакъ не слѣдовало умалчивать о немъ; въ немъ всего яснѣе раскрывается характеръ управленія первенствующей Церкви. Соборъ Апостольскій въ Іерусалимѣ послужилъ образцемъ для всѣхъ послѣдующихъ Соборовъ, какъ помѣстныхъ, такъ и Вселенскихъ. И потому я считаю необходимымъ сказать объ немъ нѣсколько подробнѣе, чѣмъ говорилъ о другихъ событіяхъ, на которыя вы указываете. Въ Антіохіи между Христіанами, обращенными изъ іудеевъ, образовалось мнѣніе, будто язычниковъ, желавшихъ креститься, надобно прежде подвергнуть исполненію ветхозавѣтнаго закона объ обрѣзаніи. Апостолы Павелъ и Варнава не одобряли этого мнѣнія; произошелъ споръ. Чтобы рѣшить его, христіане Антіохійскіе опредѣлили: послать Апостоловъ Павла и Варнаву съ нѣкоторыми другими въ Іерусалимъ,—вы думаете—къ Петру, какъ намѣстнику Іисуса Христа? Нѣтъ: ко всѣмъ *Апостоломъ и старцемъ!* Прибывши въ Іерусалимъ, Павелъ и Варнава приняты были отъ Церкве, *отъ Апостолъ и стареци* (пресвитеровъ), которымъ и разсказали объ успѣхахъ своей проповѣди между язычниками. Нѣкоторые изъ увѣровавшихъ фарисеевъ и здѣсь утверждали, что крестившіеся язычники должны исполнять обрядовый законъ Моусея. Тогда—то и составился въ Іерусалимѣ Соборъ изъ Апостоловъ, старцевъ—пресвитеровъ и другихъ христіанъ. Послѣ долгаго

разсужденія, *многу взысканію бывшу*, св. Петръ возсталъ посреди собратій и предложилъ имъ ученіе, что на увѣровавшихъ язычниковъ не должно возлагать ига, котораго не могли сносить сами евреи. Тогда все собраніе умолкло, возстали Павелъ и Варнава и повѣдали о чудесахъ, которыя чрезъ нихъ совершилъ Богъ между язычниками. Когда они кончили, возсталъ св. Іаковъ (братъ Господень, первый епископъ Іерусалимскій) (*) и началъ свою рѣчь съ нѣкоторою властію: *мужіе братіе, послушайте мене!... Азъ сужу нестужати отъ языкъ обращающимся къ Богу и проч.* (Дѣян. гл. 15). Послѣ рѣчи Іакова никто болѣе не возражалъ и не предлагалъ своего мнѣнія, но *изволися Апостоломъ и старцемъ со вею церковію* послать къ антіохійскимъ христіанамъ Павла, Варнаву, Іуду и Силу съ такимъ соборнымъ опредѣленіемъ: *Апостолы и старцы и братія.... братіямъ, иже отъ языкъ, о Господѣ радоватися.... Изволися Святому Духу и намъ ничтоже множае возложити вамъ тяготы* и проч. Вотъ первый церковный Соборъ и первое соборное опредѣленіе! Какое участіе принимаетъ въ этомъ соборѣ св. Петръ? Равное съ прочими Апостолами; имя его даже не упомянуто въ соборномъ опредѣленіи. На соборѣ св. Іаковъ говоритъ съ большею властію, нежели Петръ: *послушайте мене; азъ сужду*. И посмотрите, съ какимъ благоговѣніемъ было принято, и съ какою строгостію было со-

(*) Такъ учитъ св. Іоаннъ Златоустъ. Смотр. начало 33 бесѣды его на Дѣян. Апостол. Весьма замѣчательны слова этаго великаго святителя и вселенскаго учителя въ той же бесѣдѣ: «тамъ, въ Церкви первенствующей) не было никакой надменности, но великое благочиніе. И смотри: послѣ Петра говоритъ Павелъ, и никто не останавливаетъ его; Іаковъ выжидаетъ и не выступаетъ впередъ, хотя ему предоставлено было первенство». Въ концѣ той же бесѣды св. Іоан. Златоустъ говоритъ: «хотя мы имѣемъ извѣстное названіе (Христіанъ), но не начальниковъ ереси, а имѣемъ *предстоятелей нашихъ и правителей Церкви*. Мы не имѣемъ учителей на земли; но имѣемъ Единаго, *Иже на небесѣхъ* (Матѳ. 23, 10).

блюдаемо это соборное опредѣленіе самими Апостолами! *Аще мы, или Ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ,* говоритъ св. Апостолъ Павелъ (Галат. 1, 8). Между тѣмъ какъ тотъ же св. Павелъ не убоялся въ лице противостать св. Петру (Гал. 2, 11). Жаль что вы не сказали ничего о Соборѣ Апостольскомъ. Любопытно было бы узнать, какъ вы объяснили бы его въ пользу своей любимой мысли. Прошу васъ: вникните въ разсмотрѣнное мною событіе, прочитайте всю 15 главу Дѣяній Апостольскихъ. Если будете судить безпристрастно; то навѣрное яснѣйшимъ образомъ увидите, какъ неизмѣнно вѣрною осталась наша Восточная, истинно Каѳолическая Церковь и писаніямъ и примѣру св. Апостоловъ; и напротивъ того, какъ далеко уклонилась римская церковь отъ Церкви первенствующей, хоть и ваша церковь тоже присвоиваетъ себѣ названіе Апостольской!...

Не удивляюсь, что вы не указали въ своемъ сочиненіи еще одного событія, или мѣста изъ книги Дѣяній Апостольскихъ; потому что оно ясно, прямо и рѣшительно опровергаетъ ваше ученіе. Апостолы, бывшіе въ Іерусалимѣ, узнавъ, что св. Филиппъ, одинъ изъ семидесяти, обратилъ къ Господу и крестилъ жителей Самаріи, *послаша къ нимъ Петра и Іоанна, иже сошедше помолишася о нихъ, яко да пріимутъ Духа Святаго* (8, 14). Неужели Апостолы осмѣлились бы *послать* намѣстника и преемника Христова?. ... И послѣ этого, еще вы хотите убѣдить насъ своими мнимыми доказательствами? И вы надѣетесь отклонить насъ отъ истинно-Вселенской и Апостольской Церкви? Нѣтъ, мы скажемъ вамъ тоже, что сказали нѣкогда Апостолы Петръ и Іоаннъ: *аще праведно есть предъ Богомъ васъ послушати паче, нежели Бога, судите* (Дѣян. 4, 19).

Но я еще не кончилъ; еще далеко не истощились въ св. Писаніи доказательства противъ васъ, противъ жалкихъ заблуж-

дений римской Церкви. Предметъ спора между нашею Восточною Церковію и вашею Западною, по мнѣнію ученѣйшихъ вашихъ писателей, заключается въ способѣ управленія Церковію. Но изъ Боговдохновенныхъ писателей никто съ такою полнотою и опредѣленностію не говоритъ объ устройствѣ Церкви Христовой, какъ св. первоверховный Апостолъ Павелъ. А между тѣмъ вы не привели ни одного свидѣтельства изъ его рѣчей и посланій, ни для подтвержденія своего ученія, ни для опроверженія нашего. Это довольно странно, и возбуждаетъ подозрѣніе касательно вашей правдивости и искренности. Посмотримъ.

Св. Апостолъ Павелъ говоритъ объ Іисусѣ Христѣ, что *Богъ Отецъ Того даде главу выше всѣхъ Церкви, яже есть тѣло Его* (Ефес. 1, 22). Итакъ Церковь есть тѣло, или общество—видимое, а глава ея—невидима; о другой главѣ, посредствующей между видимымъ тѣломъ и невидимою Главою—ни слова Если бы св. Апостолы признавали Петра видимою главою Церкви, если бы самую должность эту—должность главы Церкви и преемника Христова—признавали необходимою и установленною Самимъ Іисусомъ Христомъ ; то св. Павелъ, или Духъ Святый, говорившій устами Павла, возвѣстилъ бы намъ объ этомъ. Но не это, а совершенно противоположное сему возвѣщаетъ намъ св. Писаніе. Апостолъ Павелъ сравниваетъ духовный союзъ Іисуса Христа и Церкви съ таинствомъ союза мужа и жены. *Мужъ глава есть жены, якоже и Христосъ глава Церкве, и Той есть Спаситель тѣла. Но якоже Церковь повинуется Христу, такожде и жены своимъ мужемъ во всемъ. Мужіе, любите своя жены, якоже и Христосъ возлюби Церковь. Никтоже бо когда плоть свою возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю, якоже и Господь Церковь* (Ефес. 5, 23—29). Итакъ — одинъ мужъ и одна жена; одинъ Іисусъ Христосъ — и одна Церковь. Не можетъ быть третьяго лица между мужемъ и же-

ною, хотя бы и въ отсутствіе мужа. Не можетъ и Церковь имѣть другой главы, кромѣ невидимой,—другаго жениха, кромѣ Небеснаго. А вы, послѣдователи и раболѣпные чтители папы, обручаете его такъ называемымъ *кольцомъ рыбака* съ Церковію Христовою; жену, уже имѣющую мужа, отдаете за другаго; притомъ же, — какъ этотъ другой мало похожъ на перваго, законнаго! (*)

Но вы скажете: «Церковь есть общество, состоящее изъ безчисленныхъ и разнородныхъ членовъ, а во всякомъ такомъ обществѣ должны быть начальники и подчиненные, правители и управляемые.» Это совершенно справедливо. Кто же видимо управляетъ Церковію? Пастыри Церкви, которыхъ Духъ Святый поставляетъ и освящаетъ Своею благодатію. Это не мое ученіе и не человѣческое, а ученіе, возвѣщенное Духомъ Святымъ устами Апостола Павла. *Внимайте убо*, говоритъ онъ епископамъ, *себѣ и всему стаду, въ немже васъ Духъ Святый постави епископы пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію Своею* (Дѣян. 20, 29). Замѣтьте здѣсь особенно слово: *пасти Церковь*,—а не *церкви* отдѣльныя, или частныя, а вообще—Церковь. Слѣдовательно не одному какому либо Апостолу, или епископу поручено пасти Церковь Господа и Бога, а всѣмъ имъ, всему собору Апостоловъ, епископовъ и пастырей Церкви. Въ другомъ мѣстѣ св. Павелъ говоритъ объ этомъ еще съ большею подробностію и опредѣленностію. *Той* (Іисусъ Христосъ) *далъ есть овы убо Апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учители, къ совершенію святыхъ въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова: дон-*

(*) Придуманныя вами сравненія папы съ главнымъ генераломъ, т. е. главнокомандующимъ, также съ древодѣлемъ Іосифомъ, обручникомъ Пресв. Дѣвы,—весьма не удачны и, при внимательномъ разсмотрѣніи, легко обращаются въ доказательства противъ васъ. Я буду говорить объ этомъ, когда займусь разсмотрѣніемъ третьей части вашего силлогизма—заключенія.

деже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова (Ефес. 4, 11—13). Итакъ Господь, для наученія и утвержденія людей въ вѣрѣ, для руководства ихъ къ высшему нравственному совершенству, поставилъ въ Церкви Своей иныхъ Апостолами, иныхъ Евангелистами, иныхъ пастырями и учителями; но никого не поставилъ главою Церкви и преемникомъ Своимъ!

Но гдѣ же, скажете вы, находится въ Церкви тотъ центръ, который соединялъ бы всѣхъ въ одно общество, давалъ всему стройность, жизнь и направленіе? Прежде всего отвѣчу вамъ на это вотъ что: еслибы Господь не указалъ намъ этого центра, то намъ не слѣдовало бы и искать его. Но этотъ центръ есть· онъ ясно указанъ въ св. Писаніи,—только это не Петръ и не папа, а кто? Самъ Іисусъ Христосъ. *Азъ есмь лоза, вы же рождіе*, говоритъ Онъ въ послѣдней бесѣдѣ Своей съ Апостолами, *и иже будетъ во Мнѣ, и Азъ въ немъ, тої сотворитъ плодъ многъ* (Іоан. 15, 5). И это сказано не объ однихъ Апостолахъ, но о всѣхъ вѣрующихъ всѣхъ временъ и народовъ. *Не о сихъ же молю, токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мя: да вси едино будутъ: якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ тебѣ, да и тіи въ Насъ едино будутъ* (Іоан. 16, 20. 21). Можно ли даже вообразить себѣ еще большее, еще совершеннѣйшее единство, какъ то, которое даетъ Своей Церкви Самъ Божественный Глава Ея? Можетъ ли сравниться съ этимъ единствомъ то насильственное и, такъ сказать, механическое единство, которымъ гордится римская Церковь? Желаете ли еще яснѣе видѣть единство Церкви, и тѣ узы, которыми неразрывно соединены всѣ многоразличные члены ея? *Едино тѣло, единъ духъ, якоже и звани бысте во единомъ упованіи званія вашего: единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе: единъ Богъ и Отецъ всѣхъ* (Ефес. 5, 4—6). Впро-

чемъ я намѣренъ впослѣдствіи поговорить подробнѣе о единствѣ Церкви, а теперь цѣль этого письма только та, чтобы показать вамъ, что св. Петръ не былъ назначенъ главою Церкви и преемникомъ Іисуса Христа, что ни св. Павелъ и никто изъ Апостоловъ не приписывалъ ему этого высокаго званія.

Однако, скажете вы, св. Павелъ оказывалъ Петру особенное уваженіе; онъ нарочно приходилъ въ Іерусалимъ, чтобы видѣть,—*соглядати* Петра (Гал. 1, 18), Такъ, онъ чрезвычайно уважалъ св. Петра (и могло ли быть иначе?), называлъ однимъ изъ *столповъ* Церкви. Но нигдѣ не видно, чтобы св. Павелъ признавалъ его своимъ учителемъ, начальникомъ, главою и даже просто—высшимъ себя. Напротивъ, онъ ясно называетъ себя такимъ Апостоломъ, который получилъ это высокое званіе «ни отъ человѣка, ни человѣкомъ, но Іисусъ Христомъ и Богомъ Отцемъ, воскресившимъ Его изъ мертвыхъ» (Гал. 1, 1). Онъ говоритъ, что ему дана такая же благодать и такая же должность, какъ и Петру,—только ему ввѣрено проповѣдывать язычникамъ, а Петру—іудеямъ (Гал. 2, 7. 8). Итакъ, еслибы римская Церковь не гонялась за мечтою о единовластительствѣ; то, конечно, признавала бы своимъ насадителемъ и первымъ епископомъ не Петра, но преимущественно Павла. Припомните, что именно св. Павелъ написалъ посланіе къ Римлянамъ, исполненное глубочайшаго ученія,—посланіе, въ которомъ однако даже не упомянуто имени Петра. Напротивъ того, св. Петръ пишетъ свои два посланія къ Іудеямъ, разсѣяннымъ по разнымъ областямъ Малой Азіи, и ни слова не говоритъ о Римлянахъ: онъ называетъ св. Павла возлюбленнымъ своимъ братомъ, который писалъ *по данной ему премудрости*, и осуждаетъ тѣхъ, которые неправильно понимаютъ его посланія, какъ и прочія священныя книги (2 Петр. 3, 15. 16).

Не могу не обратить вашего вниманія на прекрасное правило, которое преподаетъ св. Петръ пастырямъ Церкви. *Стар-*

цы, иже въ васъ, молю, яко старецъ сый и свидѣтель Христовымъ страстемъ, иже и хотящей славѣ явитися общникъ: пасите еже въ васъ стадо Божіе, посѣщающе не нуждею, но волею и по Бозѣ; ниже неправедными прибытки, но усердно; ни яко обладающе причту, но образи бывайте стаду: и явльшуюся Пастыреначальнику (Іисусу Христу), *пріимете неувядаемый славы вѣнецъ* (1 Петр. 5, 1—4). Не говоря уже о томъ, что духъ нынѣшняго управленія римской Церкви далеко не соотвѣтствуетъ тому, что совѣтуетъ св. Петръ, особенно обращаю вниманіе ваше на то, чѣмъ доказываетъ великій Апостолъ свое право давать совѣты. Онъ не приказываетъ, а умоляетъ; не говоритъ: я первый изъ Апостоловъ, я намѣстникъ и преемникъ Іисуса Христа, и потому слушайтесь меня; но проситъ вниманія и довѣрія къ словамъ своимъ на томъ основаніи, что онъ уже старецъ, что былъ очевиднымъ свидѣтелемъ страданій Христовыхъ, и надѣется, вмѣстѣ со всѣми вѣрующими, получить отъ общаго Пастыреначальника вѣнецъ славы. Такимъ ли тономъ говорятъ римскіе папы?

Вы утверждаете, что Церковь Христова основана на Петрѣ, а преемникъ Петра въ Римѣ, слѣдовательно папа есть глава и основаніе Церкви. Но слушайте, что говоритъ—не кто иной, а именно самъ Петръ, по внушеніи Духа Святаго. *Писано есть въ Писаніи: се полагаю въ Сіонѣ камень краеуголенъ, избранъ, честенъ; и вѣруяй въ Онь не постыдится* (1 Петр. 2, 6). Вотъ единственное основаніе Церкви. О Римѣ, о папѣ—ни слова, ни намека!

Съ особенною выразительностію св. Павелъ изложилъ ученіе о равенствѣ св. Апостоловъ между собою по слѣдующему случаю, который допущенъ Промысломъ, конечно, не безъ мудрой цѣли. Въ Коринѳѣ, между Христіанами, крещенными различными Апостолами, произошло соревнованіе отъ того, что нѣкоторые говорили: «*азъ убо есмь Павловъ, азъ же Апол-*

лосовъ, азъ же Кифинъ, азъ же Христовъ. Строго обличаетъ ихъ за это св. Павелъ: *еда раздѣлися Христосъ? Еда Павелъ распятся по васъ? Или во имя Павлово крестистеся?* (1 Коринѳ. 1, 12—13).... *Кто убо есть Павелъ, кто же ли Аполлосъ? Но точію служителіе, имиже вѣровасте.... Основанія бо инаго никтоже можетъ положити, паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ* (1 Кор. 3, 5, и 11). *Тѣмже,* присовокупляетъ св. Павелъ, *никтоже да хвалится въ человѣцѣхъ* (человѣками); *вся бо ваша суть: аще Павелъ, или Аполлосъ, или Кифа* (Петръ) *или міръ, или животъ, или смерть, или настоящая, или будущая: вся ваша суть; вы же Христовы, Христосъ же Божій* (1 Кор. 3, 21—23). Изреченія сіи такъ ясны, что не требуетъ толкованій; доказательства, заключающіяся въ нихъ, такъ рѣшительны, что не допускаютъ возраженій. И потому я заключаю ими свое изслѣдованіе о св. Петрѣ, или разборъ первой посылки вашего знаменитаго силлогизма (*).

Теперь, отлагая на время перо свое, я не могу не чувствовать нѣкотораго душевнаго удовольствія при мысли, что кончилъ первую и самую важную часть предпринятаго мною изслѣдованія, или заочнаго состязанія съ вами. Главу, въ которой заключаются ваши доказательства, заимствованныя изъ св. Писанія, вы начинаете слѣдующими весьма смѣлыми словами: «я намѣренъ доказать, что Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ Самъ вручилъ св. Петру первенство суда надъ всѣми Апостолами и вселенскою Церковію; я разсмотрю также: составляетъ ли это первенство личное преимущество великаго Апостола, или оно есть постоянное учрежденіе въ Церкви»

(*) Мнимыя доказательства, которыя вы, въ слѣдъ за нѣкоторыми единовѣрнымъ вамъ мнителями, заимствуете изъ нашихъ богослужебныхъ книгъ, будутъ разсмотрѣны впослѣдствіи, и составятъ предметъ особеннаго письма, отдѣльной статьи.

(стр. 32). Нельзя не благодарить васъ за такое откровенное выраженіе вашихъ мыслей, и за то, что весь споръ между Восточною Церковію и Западною вы главнымъ образомъ отнесли на судъ непогрѣшительнаго свидѣтеля—слова Божія. Но сообразивши все, что, хотя и не искусною рукою, написано въ этихъ письмахъ, скажите по чистой совѣсти: доказали ли вы св. Писаніемъ то, что хотѣли доказать? Я готовъ у подножія алтаря Господня, предъ всею Церковію, засвидѣтельствовать, что—нѣтъ, не доказали. Можете ли вы опровергнуть все, что здѣсь сказано и доказано противъ васъ? При искреннемъ разсмотрѣніи, — не можете. Впрочемъ я готовъ съ благодарностію читать ваши опроверженія.

Однако, какъ ни сильны, какъ ни неопровержимы доказательства св. Писанія противъ вашихъ мнѣній, какъ ни ясно открывается въ немъ торжество православія надъ системою папизма, я не могу удержаться отъ нѣкотораго чувства грусти за васъ и за все западное христіанство. Конечно, я не хочу сомнѣваться, что вы, можетъ быть, искренно преданы своей Церкви. Однако мнѣ кажется, что вы, при вашемъ образованномъ умѣ, не можете не чувствовать слабости, а иногда даже ничтожности доказательствъ, приводимыхъ защитниками папизма изъ св. Писанія; припомните, что неправильное толкованіе слова Божія, особенно если это дѣлается умышленно, есть не просто ошибка ученаго, а—нравственное преступленіе, грѣхъ. Остерегитесь! Припомните особенно, что на насъ, на нашу борьбу, смотрятъ не только наши друзья и единомышленники, но и общіе наши враги и противники. Если діаволу пріятно видѣть взаимныя раздѣленія и вражду Христіанъ; то для невѣрующихъ и вольнодумцевъ не менѣе весело будетъ смотрѣть, какъ Христіане поражаютъ другъ друга такимъ оружіемъ, которое должно было бы служить для нихъ союзомъ взаимной любви и мира. Въ слѣдующихъ письмахъ я съ особенною охотою и готовностію выступлю, для собесѣдованія съ

вами, на широкое поприще исторіи и общихъ, такъ сказать, философскихъ соображеній. Тогда постараюсь воздать должную справедливость вашей Церкви, ея историческимъ заслугамъ, и показать въ судьбѣ ея пути Провидѣнія.

А теперь примите увѣреніе въ искреннемъ уваженіи и доброжелательствѣ къ вамъ отъ вашего единоплеменника.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Исполняя ваше собственное желаніе, я началъ въ 1858 году разборъ вашей статьи, въ которой вы старались доказать законность притязаній римскаго епископа на главенство его въ Церкви вселенской. Мнѣ казалось, что я достаточно объяснилъ тогда вамъ, что во всемъ священномъ Писаніи нѣтъ ясныхъ и прямыхъ доказательствъ въ пользу мнимаго вашего догмата, и что приводимыя вами мѣста изъ Писанія понимаются вами неправильно и съ явными натяжками. Зная, какъ усердно желали вы услышать изъ Россіи и особенно отъ русскаго духовенства отвѣтъ на ваше сочиненіе, я полагалъ, что вы не оставите моего отвѣта безъ возраженія, если найдете что—нибудь возразить на него. Но предположенія мои не оправдались, возраженій съ вашей стороны не послѣдовало. А между тѣмъ, есть причина думать, что если не мои, то чьи нибудь опроверженія вашей статьи были вамъ извѣстны. Въ четвертомъ томѣ предпринятаго вами сборника, преобразованнаго, начиная съ этого тома, въ періодическое изданіе, вы говорите, что поднятый вами вопросъ «о возсоединеніи Греческой Церкви съ римскою (не на оборотъ ли?) обратилъ на себя вниманіе весьма немногихъ; разсѣянная толпа отвѣчаетъ на него съ презрѣніемъ; мало помалу проявляется сочувствіе къ этому вопросу, но рѣдко и не дружно; въ тоже время онъ встрѣтилъ и сильныя противорѣчія....» Но къ этимъ словамъ, какъ бы въ утѣшеніе себѣ, вы присовокупляете: «впрочемъ, если этой идеѣ суждено имѣть будущность; то она должна

идти своимъ путемъ; собирая вокругъ себя большее и большее число приверженцевъ, она наконецъ будетъ съ восторгомъ принята цѣлыми массами и займетъ свое мѣсто въ ряду историческихъ событій» (*). Итакъ вы не обѣщаетесь, что будете продолжать ученыя изслѣдованія объ этомъ вопросѣ, но предоставляете рѣшеніе его неизвѣстному теченію будущаго времени и даже увѣренность свою въ успѣхѣ этого дѣла ограждаете частицею «если».

Между тѣмъ, какъ вы продолжали хранить молчаніе, явилось въ минувшемъ году на французскомъ и даже на русскомъ языкахъ нѣсколько сочиненій, написанныхъ съ тою же цѣлію, съ какою писаны были ваши. Не знаю, какой они имѣли успѣхъ и отвѣчалъ-ли кто-нибудь на нихъ. Но тѣ, которыя удалось мнѣ прочитать, едвали заслуживали подробнаго разсмотрѣнія; они слабѣе вашихъ и неотличается характеромъ умѣренности и приличія. Въ тоже время старался я прочитать и другія сочиненія, прежде писанныя въ защиту папства, какъ напримѣръ, пресловутое сочиненіе де-Местра: Du pape (о папѣ). И потому, не обинуясь, могу сказать, что я познакомился съ доказательствами вашихъ единовѣрцевъ не поверхностно. Но, говоря безъ лести, ваша статья, помѣщенная во второмъ томѣ извѣстнаго сборника, заключаетъ въ себѣ почти все главное, что было сказано въ защиту папства, особенно противъ православія. Она имѣетъ еще то важное преимущество предъ другими подобными, что написана съ большою искренностію, спокойствіемъ и даже добросовѣстностію. Судя по одобрительнымъ отзывамъ, которыми встрѣтили эту статью ваши единовѣрцы, по неоднократнымъ изданіямъ ея въ нѣмецкомъ переводѣ, подъ вашимъ руководствомъ,

---

(*) L'Ami de la Religion. 19 April, 1859. Слова эти заимствованы изъ рецензіи на упомянутую книгу, написанной, къ сожалѣнію, также бывшимъ нашимъ соотечественникомъ (Августиномъ Голицынымъ).

надобно думать, что и вы съ вашими единовѣрцами приписываете ей важное значеніе. Статью эту можно принять за послѣдній выводъ вашихъ ученыхъ изслѣдованій, за послѣднее ваше слово о важномъ вопросѣ, раздѣляющемъ римскую Церковь отъ православной.

Всѣ эти соображенія заставляютъ меня продолжать мои замѣчанія на эту именно статью, избрать ее главнымъ центромъ, на который будутъ обращены мои духовныя орудія, около котораго будуъ сосредоточиваться мои изслѣдованія о вопросѣ, насъ занимающемъ. Теперь я уже не буду дожидаться вашихъ возраженій, или новыхъ изслѣдованій, но постараюсь по порядку, отчетливо и безпристрастно, разсмотрѣть собранныя вами доказательства, поставить противъ нихъ другія и, по возможности, разсмотрѣть всѣ разности, отдѣляющія западную Церковь отъ православно-каѳолической-восточной. Одному Богу извѣстно, когда кончится этотъ печальный разрывъ между Востокомъ и Западомъ. Но бѣдствія, проистекающія отъ него, очевидны всякому. Внѣшнія страданія православныхъ народовъ на Востокѣ продолжаются такъ долго, конечно, главнымъ ѳразомъ вслѣдствіе непріязни и даже открытой ненависти, какую питаетъ къ нимъ неправославная, особенно папистическая, Европа. Состояніе римской Церкви также не завидно; въ ней происходитъ внутренній раздоръ, жаркая, хотя и сдержанная пока, вражда за самыя начала, за понятія о самомъ существѣ папской власти. Уже раздаются, въ средѣ самаго римскаго клира, голоса въ пользу перенесенія папскаго престола изъ Рима въ Іерусалимъ, (*) дальше отъ Европы. Въ этомъ безконечномъ спорѣ, среди разнорѣчивыхъ возгласовъ, голосъ изъ Россіи, стоящій внѣ этой борьбы, голосъ православнаго

(*) См. Aѣbé Michon. Papauté a Jerusalem Сочиненіе это имѣло уже нѣсколько изданій и посвящено было одному изъ кардиналовъ, живущихъ въ самомъ Римѣ, близъ папы. Еще смѣлѣе возсталъ противъ свѣтской власти папы аббатъ Пассаглія; не говоримъ уже о Гавацци.

священника, конечно, не будетъ излишнимъ. А если онъ, этотъ, хотя не громкій, но искренній и доброжелательный, голосъ и не дойдетъ до васъ, если вы не захотите, какъ должно, внять ему; то и въ такомъ случаѣ, надѣюсь, онъ не будетъ безполезнымъ. Наши соотечественники, особенно люди, получающіе полуиностранное воспитаніе, нерѣдко бываютъ холодны и равнодушны къ своей Вѣрѣ именно потому, что мало или почти совсѣмъ не знаютъ ея, а прибывши за границу, легко дѣлаются добычею различныхъ пропагандистовъ. Счастливымъ себя почту, если хоть одного изъ нихъ удержу отъ того неблагоразумнаго и, можетъ быть, невозвратимо—гибельнаго шага, который здѣлали вы и подобные вамъ. Итакъ, призвавъ на помощь благословеніе Божіе, приступаю къ дѣлу.

Вы начинаете свое изслѣдованіе прекрасными словами, которыя я постараюсь перевести здѣсь какъ можно ближе къ подлиннику. «Это право высшаго суда, эта власть, которую папа имѣетъ надъ всею Церковію, можетъ имѣть двоякое происхожденіе. Она могла быть установлена Самимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, и въ такомъ случаѣ она происходитъ непосредственно отъ Бога и основывается на правѣ Божественномъ. Но могло быть, что Господь не сказалъ ничего опредѣленнаго касательно управленія въ Церкви Его и предоставилъ ей самой устроить дѣла свои, какъ ей будетъ нужно; въ такомъ случѣ, Церковь, чрезъ посредство Соборовъ и святыхъ Отцевъ, могла, если считала это нужнымъ, поручить тому, или другому епископу большую предъ другими власть. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, Церковь всегда сохраняетъ за собою право отнять власть, которую она же дала. Если епископъ римскій не непосредственно отъ Іисуса Христа, а отъ Церкви, чрезъ посредство Соборовъ и святыхъ Отцевъ, получилъ извѣстную власть, обнимающую собою Востокъ и Западъ; то эта власть будетъ основана не на правѣ божественномъ, но на правѣ церковномъ, и слѣдовательно подлежитъ измѣненію, ограниченію, или даже совсѣмъ можетъ быть унич-

тожена (стр. 30)». Что сказать вамъ на это? Ничего болѣе, какъ поблагодарить васъ за искренность и выразить вамъ полное и безпрекословное согласіе съ вашимъ мнѣніемъ. Только прошу васъ не отступаться отъ своихъ словъ и чистосердечно принять всѣ слѣдствія, которыя вытекаютъ изъ нихъ.

«Верховная власть римскаго епископа надъ всею Церковію установлена Іисусомъ Христомъ, подтверждается священнымъ Писаніемъ?» Не только у подножія алтаря, куда вы приглашали православныхъ священниковъ для размышленія о поднятомъ вами вопросѣ, но и предъ лицемъ Господа, предъ лицемъ неба и земли, я готовъ сказать, что это несправедливо. Гдѣ же въ священномъ Писаніи говорится о римскомъ епископѣ, какъ главѣ Церкви? Есть ли въ Евангеліи хотя малѣйшее упоминаніе о папѣ? Нѣтъ, и тысячу разъ-нѣтъ. Вся сила вашихъ словъ, которыя, конечно, дѣлаютъ честь вашей смѣлости и откровенному характеру, держится на слѣдующемъ, весьма шаткомъ умозаключеніи. Считая дѣломъ рѣшеннымъ и вполнѣ доказаннымъ, что Господь поставилъ св. Петра Своимъ намѣстникомъ и главою Церкви, вы говорите далѣе: что «такая власть не могла принадлежать лично одному Петру и какъ бы умереть вмѣстѣ съ нимъ; онъ долженъ былъ имѣть преемника своего могущества. Было бы нелѣпо предположить, что Іисусъ Христосъ облекъ Петра въ санъ главы Церкви только для того, чтобы удовлетворить его суетной гордости и тщеславію (такъ-то выражаетесь вы о первоверховномъ Апостолѣ!). Господь нашъ имѣлъ съ виду пользу Церкви, а верховная власть гораздо болѣе необходима для Церкви во всякое другое время, чѣмъ при Петрѣ, когда Апостолы, наученные самимъ Іисусомъ Христомъ, исполненные Духа Святаго, соединенные между собою узами самой пламенной любви, могли сами по себѣ удовлетворять всѣмъ потребностямъ вѣрныхъ, безъ всякаго отношенія къ Петру. Итакъ надобно заключить, что въ Церкви всегда долженъ быть преемникъ власти Петра: и этотъ

преемникъ есть епископъ римскій! (стр. 73) (*). Положите руку на сердце и скажите: еслибы и дѣйствительно вамъ удалось доказать, что св. Петръ былъ князь Апостоловъ и глава Церкви Христовой, то и тогда можно ли было бы сказать, что власть римскаго епископа опирается на св. Писаніи и установлена Іисусомъ Христомъ—непосредственно? Почему же не епископъ Іерусалимскій, не епископъ Антіохійскій должны считаться преемниками св. Петра? Но мы видѣли уже, какъ слабы, какъ неправильны доказательства, приводимыя вами въ пользу той мысли, что св. Петра Господь назначилъ Своимъ намѣстникомъ и главою всей Церкви. Теперь посмотримъ, на чемъ основывается ваша увѣренность, что преемникомъ св. Петра, въ званіи главы Церкви, долженъ быть некто нибудь другой, а именно папа, римскій епископъ.

Прежде всего рѣшимъ вопросъ: точно ли Господь передалъ всю власть надъ Церковію одному св. Петру, или кому-либо изъ Апостоловъ? Точно-ли Онъ Самъ установилъ въ ней монархическое правленіе?... Разкройте Евангеліе, въ которомъ вы думаете на каждой страницѣ видѣть подтвержденіе своей мысли, и читайте у св. Матѳея въ главѣ 18-й. *Аще согрѣшитъ къ тебѣ* (предъ тобою) *братъ твой*, говоритъ Спаситель, *иди и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ. Аще тебе послушаетъ, пріобрѣлъ еси брата твоего. Аще ли тебе не послушаетъ, поими съ собою еще единаго, или два, да при устѣхъ двою, или трієхъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ. Аще же не послушаетъ ихъ, повѣждь Церкви; аще же и Церковь не послушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь* (ст. 15—17). Итакъ видите, что Господь не оставилъ перѣшен-

(*) Да не подумаютъ наши русскіе читатели, что такія слабыя и нѣсколько дѣтскія умствованія произошли отъ излишней простоты нашего бѣднаго соотечественника, сбитаго съ толку іезуитами; мы увидимъ, что умствованія другихъ, природныхъ папистовъ—не лучше этихъ.

нымъ вопроса о томъ, кому принадлежитъ верховная власть въ Церкви. И замѣтьте, что самъ св. Петръ слова Спасителя, сказанныя всѣмъ ученикамъ вообще, относилъ въ частности и къ самому себѣ; потому что тотчасъ послѣ этихъ словъ онъ вопросилъ Господа: «сколько разъ ему можно простить согрѣшившему брату?» Если же слова Спасителя: *повѣждъ Церкви*—относились и къ Петру; то очевидно, что Господь не назначалъ его полновластнымъ главою Церкви, какимъ былъ Самъ Господь, но поручилъ власть надъ Церковію—самой Церкви, и пребываетъ вѣчнымъ Главою ея. Впрочемъ, объ этомъ мы довольно уже говорили прежде. Вы утверждаете, что преемникомъ св. Петра и главою Церкви долженъ быть епископъ римскій, кто бы и каковъ бы онъ ни былъ. Но я предложу вамъ вопросъ: Господь Іисусъ Христосъ назначалъ ли какое нибудь мѣсто, какой нибудь городъ столицею, учрежденной Имъ на землѣ, Церкви,—такъ чтобы глава, или епископъ этого города былъ непремѣнно главою всѣхъ вѣрующихъ во всемъ мірѣ? Нѣтъ! Далѣе: укажите мнѣ въ св. Писаніи хотя одно мѣсто, хотя одинъ намекъ, изъ котораго можно было бы заключить, что этою столицею долженъ быть Римъ. Конечно, не укажете. А между тѣмъ, есть въ св. Писаніи прямое свидѣтельство, что Господь не только не назначилъ Рима столицею возвѣщенной Имъ Вѣры, но даже Іерусалиму не дано было этой чести; что Онъ основалъ Церковь не *римскую*, или другую какую-либо мѣстную, *а вселенскую*. *Жено*, говорилъ Онъ Самарянкѣ, *вѣру Ми іми, яко грядетъ часъ, егда ни въ горѣ сей, ни въ Іерусалимѣхъ поклонитеся Отцу* (Іоан. 4, 21). Но если бы точно угодно было Господу назначить какое-либо мѣсто главнымъ центромъ Церкви христіанской; то такимъ мѣстомъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ бы Іерусалимъ. Въ самомъ дѣлѣ, есть ли на всемъ земномъ шарѣ городъ болѣе священный, чѣмъ этотъ? Колыбель его повита священною таинственностію. Прообразъ Іисуса Христа, св. Мелхиседекъ, былъ

здѣсь царемъ и священникомъ. Другій великій прообразъ и праотецъ Спасителя; св. Давидъ, сдѣлалъ Іерусалимъ своею столицею. Самъ Господь Іисусъ Христосъ называлъ Іерусалимъ *градомъ великаго Царя* (Матѳ. 5, 25). Онъ проливалъ слезы изъ пречистыхъ очей Своихъ, когда говорилъ о будущемъ опустошеніи самаго града; предъ вознесеніемъ Своимъ Онъ повелѣлъ Апостоламъ не отлучаться отъ Іерусалима, но ожидать здѣсь сошествія Святаго Духа. Посылая ихъ на всемірную проповѣдь, Онъ говорилъ: *тако подобаше пострадати Христу и воскреснути отъ мертвыхъ въ третій день и проповѣдатися во имя Его покаянію и отпущенію грѣховъ во всѣхъ языцѣхъ,—начеше отъ Іерусалима* (Лук. 24, 48). Видете ли, что не въ Римѣ, а въ Іерусалимѣ начало, какъ бы центръ христіанской Вѣры? Здѣсь, въ Іерусалимѣ, страдалъ, умеръ и воскресъ Господь, здѣсь сошелъ на Апостоловъ Духъ Святый и получила основаніе христіанская Церковь, здѣсь былъ первый апостольскій Соборъ, послужившій образцемъ для всѣхъ послѣдующихъ, вселенскихъ и частныхъ. Іерусалимъ и Сіонъ сдѣлались синонимическими названіями Церкви, какъ воинствующей, такъ и торжествующей. *Благословенъ Господь отъ Сіона, живый во Іерусалимѣ*, воспѣваетъ наша православная Церковь, разумѣя, конечно, не географическій Сіонъ, или Іерусалимъ, а вселенскую Церковь Христову, въ которой живетъ и которою управляетъ самъ Божественный Основатель и Глава ея. Въ этомъ смыслѣ употребляются имена Сіона и Іерусалима и въ священномъ Писаніи. *Приступите*, говоритъ св. Апостолъ Павелъ, *къ Сіонской горѣ и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному, и тмамъ Ангеловъ, торжеству и Церкви первородныхъ, на небесѣхъ написанныхъ* (Евр. 12, 22). Въ откровеніи св. Іоанна Богослова Церковь торжествующая, вѣчное царство Христово, изображается подъ именемъ и образомъ *новаго Іерусалима*. Въ Іерусалимѣ первымъ епископомъ былъ св. Іа-

ковъ, братъ Господень, по древле-отеческому преданію, назначенный въ этотъ санъ Самимъ Господомъ и рукоположенный соборомъ Апостоловъ... Здѣсь было послѣднее жилище и гробъ (хотя и временный) Богоматери.

Перенесемся же теперь мыслію къ Риму и посмотримъ: можетъ ли онъ быть соперникомъ, или преемникомъ Іерусалима? Если уже и градъ Великаго Царя — Бога не остался столицею христіанской Церкви; то какое право имѣетъ на это городъ языческихъ кесарей? Какія воспоминанія соединяются съ основаніемъ Рима? Два незаконно-рожденные сына одной знатной дѣвицы, брошенные дѣдомъ своимъ на произволъ судьбы, вскормленные волчицею, заводятъ притонъ разбойниковъ, за право назвать этотъ притонъ своимъ именемъ одинъ изъ братьевъ убиваетъ другаго, и братоубійца даетъ свое имя городу. Вся исторія Рима испещрена ужасными злодѣйствами и мерзостями. Умный варваръ назвалъ его *продажнымъ* городомъ (*), и это названіе какъ нельзя болѣе прилично Риму, точно—также, какъ названіе *святаго* прилично Іерусалиму и усвоено ему всѣми народами, даже нехристіанскими.

Чѣмъ не торговалъ, чего не продавалъ Римъ, особенно папскій! Папы, какъ увидимъ, *продали* догматъ о Пресвятой Троицѣ, (**) продали вѣрность свою, въ которой клялись законнымъ императорамъ, въ пользу франко-германскихъ королей, за мнимое наслѣдіе Петра, т. е., за нѣсколько квадратныхъ миль земли; они продали..... знаете ли — что? — васъ, любезнѣйшій соотечественникъ, вашъ іезуитскій орденъ,— не далѣе, какъ въ прошломъ столѣтіи... (***) А о торговлѣ

(*) Югурта, за деньги возведенный римскимъ сенатомъ на престолъ нумидійскій, назвалъ Римъ: urbem venalem et mature perituram, si emptorem invenerit Sallust.

(**) Мы не сказали бы *такого* слова, но оно не наше, его сказалъ г. Абу, который выдаетъ себя за усерднаго сына римской Церкви. См. Question romain стр. 17.

(***) Папа Климентъ XIV въ 1773 году уничтожилъ орденъ іезуитовъ, по

совѣстію, о продажѣ грѣховъ,—и упоминать нечего: римская базилика св. Петра выстроена на эти деньги, цѣлые миллионы бывшихъ членовъ римской Церкви отложились отъ нея изъ за этой торговли... Начало лютеранства положено—въ Римѣ; оно зародилось въ душѣ Лютера, бывшаго пламеннымъ приверженцемъ папизма, зародилось именно тогда, когда онъ своими глазами увидѣлъ продажность римской куріи, о которой, еще раньше Лютера, сложилася пословица: caria romana non curat oves sine lana!

И послѣ этого, вы утверждаете, что Самъ Іисусъ Христосъ поставилъ въ Римъ Своего намѣстника, главу Своей святой Церкви! Іерусалимъ—и Римъ, Голгоѳа—и Капитолій, гора Елеонская—и скала Тарпейская· это почти все ровно, что небо—и преисподняя, рай—и адъ, добро—и зло!

Но вы скажете, что Іерусалимъ, за избіеніе пророковъ, особенно за убіеніе Мессіи, отверженъ Богомъ, осужденъ на запустѣніе. Такъ; но припомните, что, по непреложнымъ словамъ Самаго Спасителя, Іерусалимъ будетъ попираемъ не вѣчно, не до скончанія міра, но *дондеже скончаются времена языкъ* (Лук. 21, 24). И св. Апостолъ Павелъ пишетъ Римлянамъ, что ослѣпленіе *отчасти*, до времени приключилось Израилю, до тѣхъ поръ, *дондеже исполненіе языковъ внидетъ*, и пока не придетъ *отъ Сіона избавляяй* (11, 25). Итакъ всемірное значеніе Іерусалима не навсегда кончилось; его ждетъ еще славнѣйшая участь.... А что тогда будетъ съ вашимъ Римомъ, который вы, не шутя, называете иногда *вѣчнымъ* городомъ?

Въ самомъ дѣлѣ, есть ли въ св. Писаніи хотя нѣкоторое указаніе на будущую судьбу и назначеніе Рима? Нигдѣ, ни въ Евангеліи, ни въ посланіяхъ св. Петра, ни въ посланіи св. Павла къ Римлянамъ,—ни въ одной священной книгѣ не сказа-

требованію нѣкоторыхъ государей, чтобы не лишиться ихъ милостей — помѣстьевъ и денегъ.

но объ этомъ,... кромѣ Апокалипсиса возлюбленнаго ученика Господня, св. Іоанна Богослова. Но посмотримъ, благопріятствуетъ ли Апокалипсисъ почитателямъ Рима и понтифекса римскаго? Многіе ученые богословы, въ томъ числѣ и римско-католическіе, признаютъ, что и св. Іоаннъ Богословъ въ Апокалипсисѣ и св. Петръ въ своемъ первомъ посланіи (5, 13), подъ именемъ Вавилона разумѣютъ Римъ (*). Итакъ раскроемъ Апокалипсисъ и посмотримъ, что̀ открылъ Духъ Святый Богослову о будущей судьбѣ Рима, или втораго Вавилона? «И повелъ меня (Ангелъ) въ духѣ въ пустыню, и я увидѣлъ жену сидящую на звѣрѣ багряномъ, преисполненномъ именами богохульными, съ семью головами и десятью рогами. И жена облечена была въ порфиру и багряницу, украшена золотомъ, драгоцѣннымъ каменьемъ и жемчугомъ, и держала золотую чашу въ рукѣ своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодѣянія своего. И на челѣ ея написано имя: «тайна! Вавилонъ великій, мать блудницамъ и мерзостямъ земнымъ.» Я видѣлъ, что жена упоена была кровію святыхъ и кровію свидѣтелей (мучениковъ) Іисусовыхъ. И сказалъ мнѣ Ангелъ: что ты дивишься?... Жена, которую ты видѣлъ, есть великій городъ, царствующій надъ земными царями.» (Апок. 17, 3—6, 18). Вы скажете, что все это относится къ Риму языческому, Риму цезарей, гонителей христіанства, а не къ Риму христіанскому, или папскому. И я не отвергаю этого. Однако, если бы этому городу назначено было Провидѣніемъ сдѣлаться священною столицею христіанства; то, безъ сомнѣнія, тайновидцу была бы открыта и эта тайна; Ангелъ сказалъ бы ему, что эта блудница будетъ нѣкогда дѣвою чистою, и городъ, исполненный мерзостей, сдѣлается городомъ святымъ и вѣчнымъ.

(*) Такъ думали Евсевій, Іеронимъ, Климентъ Александрійскій и въ новѣйшее время Бенедиктинецъ Сельве (Ceillier), который и приводитъ въ своей книгѣ мнѣнія упомянутыхъ писателей. См. Histoire general des auteurs sucrés et ecclesiastiques. T. 1. p. 437.

Но послушайте далѣе, что открыто о будущей судьбѣ нынѣшней столицы папъ. «Послѣ сего я увидѣлъ инаго Ангела, сходящаго съ неба и имѣющаго власть великую; земля освѣтилась отъ славы его. И воскликнулъ онъ сильно громкимъ голосомъ, говоря: «палъ, палъ Вавилонъ, великая блудница, сдѣлалась жилищемъ бѣсовъ и пристанищемъ всякой нечистой и отвратительной птицѣ...» И услышалъ я иной голосъ съ неба, который говорилъ: выди изъ нея, народъ Мой (т. е., народъ христіанскій), дабы не участвовать вамъ въ грѣхахъ ея и не подвергнуться язвамъ ея: ибо грѣхи ея дошли до неба, и Богъ вспомянулъ неправды ея... И взялъ одинъ сильный Ангелъ камень, какъ большой жерновъ, и повергъ въ море, говоря: съ такимъ стремленіемъ повергнъ будетъ Вавилонъ, великій градъ,—и уже не будетъ его» (18, 1—5. 21) (*).

За избіеніе пророковъ и самаго Мессіи, Іерусалимъ осужденъ на запустѣніе и попраніе языками,—но на время: Риму, за избіеніе Апостоловъ и мучениковъ и за другія безчисленныя беззаконія и мерзости, предсказано запустѣніе полное и вѣчное: «и уже не будетъ его.» Судьбы Божіи неисповѣдимы; мы не знаемъ, когда именно исполнится это предреченіе о Римѣ. Однако и теперь уже не можемъ не видѣть, что нѣтъ благословенія Божія на этомъ городѣ, что какъ будто проклятіе тяготѣетъ надъ окрестностями его и надъ самымъ городомъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ новѣйшіе путешественники по Италіи говорятъ, въ какомъ ужасномъ состояніи запустѣнія находятся обширныя поля, простирающіяся отъ самыхъ стѣнъ Рима вплоть до моря; заразительныя испаренія (malaria), образующіяся отъ гнилой почвы этихъ полей, запущенныхъ небрежностію папскаго правительства, распространяютъ болѣзни и

(*) Подробное изъясненіе этого пророчества и примѣненіе его къ Риму можно читать въ превосходномъ сочиненіи Ѳ. Яковлева: *Апостолы*. Выпускъ второй.

смерть даже въ Римѣ, и самъ папа боится жить въ Ватиканѣ во время лѣта. И что это за столица христіанства, когда повелитель и глава ея держится на своемъ тронѣ только по милости французскихъ штыковъ, когда дѣти и подданные папы открыто говорятъ, что если французы сегодня выдутъ изъ Рима, то завтра же они сдѣлаютъ съ папою тоже самое, что нѣкогда сдѣлалъ одинъ изъ его предшественниковъ съ несчастнымъ Конрадиномъ?! (*) Итакъ римскій понтифексъ, нѣкогда дерзновенно наступавшій ногою на шею коронованныхъ особъ, теперь трепещетъ за свою собственную!... Впрочемъ мы уклонились отъ главнаго предмета; извините за небольшое отступленіе.

Если вы внимательно и безпристрастно прочитали и обдумали все, что было извлечено нами изъ священнаго Писанія; то, конечно, согласитесь, что оно не на вашей сторонѣ, говоритъ не въ вашу пользу. Я даже думаю вотъ что: благоразумно ли вы поступили, что такъ ясно и рѣшительно отдали весь судъ такому безпристрастному и непогрѣшительному судіи, какъ слово Божіе? Мнѣ, конечно, пріятно убѣдиться изъ этого, что въ васъ, безъ вашего сознанія и воли, сохранился остатокъ православія, что ваша честная, славянская натура не совсѣмъ искажена хитростями іезуитскими. Но я увѣренъ, что настоящій, такъ сказать, природный папистъ, и особенно іезуитъ, не сказалъ бы того, что вы сказали. Нѣтъ, коренные паписты боятся Библіи. Иначе не стали бы они, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, такъ упорно и рѣшительно противиться переводу Библіи на понятный народу языкъ; не стали бы истреблять огнемъ и мечемъ цѣлое народонаселеніе Вальден-

(*) Вполнѣ бѣдственное состояніе папской области, и въ нравственномъ и внѣшнемъ отношеніи, подробно описано въ извѣстной книгѣ: Question romaine, par About, и въ сочиненіи Аббата Мишона: L'Italie politeque et religieuse. Нежеланіе увеличивать объемъ книги не позволяетъ намъ дѣлать изъ этихъ книгъ выписки

совъ, главнымъ образомъ за переводъ св. Писанія. Иначе ваши священники не запрещали бы мірянамъ читать Библію, не отбирали бы у духовныхъ дѣтей своихъ даже книгъ Новаго Завѣта, которыя даются имъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ;... наконецъ, ваши собратія,—іезуиты, не написали бы для Венгерцевъ такого истинно удивительнаго «исповѣданія Вѣры». Извѣстно ли вамъ оно? Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ него: «исповѣдуемъ, что все, что папа установилъ вновь, на основаніи ли священнаго Писанія, или *вопреки ему*, все, что онъ ни повелитъ, есть истинно, божественно и спасительно; и потому должно быть уважаемо мірянами болѣе, чѣмъ заповѣди Бога живаго. Исповѣдуемъ, что чтеніе св. Писанія есть источникъ ересей и расколовъ, родникъ богохульства (scaturiginem blasthemiae). Исповѣдуемъ, что папа римскій имѣетъ власть измѣнять (immutandi) священное Писаніе, дополнять и сокращать его по своей волѣ. Исповѣдуемъ, что св. Писаніе несовершенно, что оно есть мертвая буква, пока верховный понтифексъ (папа) не изъяснитъ его и не уступитъ мірянамъ для чтенія». Не буду приводить прочихъ пунктовъ этого исповѣданія; оно, по нашему мнѣнію, есть не что иное, какъ гнусное кощунство. А между тѣмъ, оно было въ Венгріи преподано всенародно, publice prescripta et proposita, и напечатано въ книгѣ: Libri simbolici Ecclesiae Romano—Catholicae, изданной докторомъ богословія, профессоромъ Данцемъ, и посвященной папѣ Григорію XVI (смот. стр. 338—340). Я знаю, что въ наше время и папа и паписты отрекутся отъ этого исповѣданія; но тѣмъ не менѣе, оно выражаетъ вполнѣ ихъ искреннее мнѣніе, задушевную мысль. Мнѣ жаль будетъ васъ, любезнѣйшій соотечественникъ, если вы, за свою откровенность и простоту, подвергнетесь гнѣву вашего... генерала, или даже самаго папы. О, какъ я желалъ бы, чтобы вы, узнавши ближе римскую Церковь, почувствовали въ душѣ своей этотъ небесный голосъ, слышанный нѣ-

когда Тайнозрителемъ: *изыдите изъ нея, людіе Мои, да не причаститеся грѣхомъ ея и отъ язвъ ея да не вредитеся* (Апокал. 18, 4). Будемъ же вмѣстѣ изучать римскую Церковь.

Прощаюсь съ вами до скораго, какъ надѣюсь, свиданія на широкомъ полѣ церковной исторіи.

1860 г.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

Въ прежнихъ письмахъ моихъ къ вамъ было доказано, на основаніи св. Писанія, что Господь Іисусъ Христосъ не назначалъ никого изъ Апостоловъ единственнымъ Своимъ преемникомъ, или главою учрежденной Имъ Церкви, что никому изъ нихъ Онъ не назначилъ главнаго мѣстопребыванія на землѣ, какого нибудь города, къ которому, такъ сказать, приковалъ бы на вѣчныя времена и благодать новозавѣтнаго священства, и непогрѣшимость ученія, и верховную власть суда и управленія церковнаго. Въ послѣднемъ письмѣ мы, также на основаніи св. Писанія, показали, что, еслибы для пользы Церкви и надлежало быть такому городу, который считался бы столицею христіанства; то менѣе другихъ городовъ, напримѣръ,—Іерусалима, имѣетъ право на это преимущество нынѣшняя столица папства, Римъ. Теперь посмотримъ, имѣетъ ли епископъ римскій какое-либо особенное право называть себя главою вселенской Церкви, намѣстникомъ Іисуса Христа?

Предположивъ, что св. Апостолъ Петръ былъ княземъ Апостоловъ, главою Церкви, преемникомъ и намѣстникомъ Іисуса Христа, вы говорите, что всѣ эти права и преимущества св. Петра наслѣдовалъ епископъ римскій. По почему именно—римскій, а не другой,—объ этомъ вы не говорите ни слова. Отъ чего произошло такое важное опущеніе, такой перерывъ въ цѣпи доказательствъ, которыми вы хотѣли убѣдить насъ въ истинѣ вашего ученія? Можетъ быть, отъ того, что вы считали эту вторую посылку римскаго силлогизма такъ очевидною, такъ

несомнѣнною, что она не требуетъ доказательствъ; а можетъ быть отъ того, что не видѣли для нея достаточныхъ основаній и не хотѣли прибѣгать къ выдумкамъ, какъ дѣлаютъ другіе, менѣе совѣстные, ваши единовѣрцы. Какъ бы то ни было, этотъ пропускъ въ вашей статьѣ мы должны восполнить изъ другихъ источниковъ. Неблагоразумно было бы оставить это безъ вниманія, потому что притязанія римскихъ епископовъ на вселенское главенство основывается единственнымъ, исключительнымъ образомъ на приписываемомъ ими себѣ правѣ наслѣдовать Петру. Но, по моему искреннему убѣжденію, вторая или меньшая посылка, равно какъ и заключеніе Римскаго силлоизма, о которомъ было сказано въ третьемъ моемъ письмѣ къ вамъ, не сильнѣе первой, или большей посылки.

Избираю соперникомъ своимъ, вмѣсто васъ, не какого-нибудь темнаго и слабаго писателя, но многоученаго, многоизворотливаго и многознаменитаго на западѣ богослова, одного съ вами ордена и даже одноименнаго вамъ, *о. Іоанна Перроне*. Сочиненіе его: Praelectiones theologicae достигло въ 1855 году уже 21 изданія (несчитая переводовъ на другіе языки). Я буду пользоваться новѣйшимъ латинскимъ изданіемъ его, вышедшимъ въ Регенсбургѣ, въ 1854 и 1855 годахъ. Перроне прямо говоритъ, что «все ученіе о наслѣдованіи римскими епископами главенства (primatus) Петрова виситъ (pendeat) на томъ, что св. Петръ прибылъ въ Римъ и былъ здѣсь епископомъ до самой своей кончины, на этомъ фактѣ, какъ на основаніи и фундаментѣ (veluti basi ac fundamento), надобно утвердить означенное наслѣдованіе» (*). На чемъ же само основывается это единственное основаніе папскихъ притязаній на право наслѣдовать св. Апостолу Петру? Во всемъ св. Писаніи нѣтъ ни одного слова, ни одного даже косвеннаго намека о пребываніи св. Петра въ Римѣ. А если мы и согласны допустить

(*) Praelectiones theologicae t. 2 p. 272.

преданіе о томъ, что первопрестольный Апостолъ, подъ конецъ своего проповѣдническаго поприща, прибылъ въ Римъ и претерпѣлъ здѣсь мученическую кончину, вмѣстѣ съ другимъ также первопрестольнымъ Апостоломъ св. Павломъ; то, на основаніи св. Писанія, мы можемъ ясно доказать, что не Петръ основалъ римскую Церковь и что онъ былъ въ Римѣ весьма недолго. Припомните же теперь ваше смѣлое увѣреніе, что, если право папы на вселенское главенство не можетъ быть доказано св. Писаніемъ, то значитъ, что оно имѣетъ не божественное, а человѣческое происхожденіе, и можетъ быть нетолько ограничено, но и совсѣмъ отнято у римскаго епископа.... Но позвольте на время оставить васъ въ размышленіи о сказанныхъ вами словахъ и обратиться къ противнику, болѣе васъ ловкому и хитрому.

Перроне доказываетъ предложеніе свое, что св. Петръ пришелъ въ Римъ и былъ здѣсь епископомъ до самой кончины, слѣдующими доводами: а) свидѣтельствами древнѣйшихъ Отцевъ и писателей Церкви, которые единогласно говорятъ, что св. Петръ умеръ въ Римѣ; б) каталогами римскихъ епископовъ, гдѣ св. Петръ занимаетъ первое мѣсто; в) тѣмъ, что, по свидѣтельству древнихъ писателей, Евангеліе св. Марка писано было въ Римѣ, подъ руководствомъ св. Петра; г) древними памятниками, которыми означалось мѣсто погребенія св. Апостоловъ—Петра и Павла; д) древнимъ и всеобщимъ обычаемъ христіанъ ходить въ Римъ на поклоненіе гробамъ св. Апостоловъ. Вотъ и всѣ доказательства! Свидѣтельства древнихъ св. Отцевъ и писателей мы разсмотримъ въ послѣдствіи подробно. А прочія доказательства подтверждаютъ только то, что св. Петръ скончался въ Римѣ. Но этого мало. Чтобы имѣть право считать св. Петра первымъ епископомъ римскимъ, надлежало бы вамъ доказать, что онъ первый проповѣдывалъ въ Римѣ христіанскую Вѣру, что именно онъ, а не другой Апостолъ, основалъ римскую Церковь, что римскіе епископы имѣютъ осо-

бенное, преимущественное предъ другими, право называть св. Петра своимъ предшественникомъ. Но этого не только Перроне, но и цѣлый соборъ римскихъ ученыхъ доказать не могутъ.

Въ книгѣ дѣяній св. Апостоловъ мы читаемъ, что св. Петръ проповѣдывалъ слово Божіе въ Іерусалимѣ, Лиддѣ, Іоппіи, Кесаріи, Самаріи, Антіохіи и снова въ Іерусалимѣ. Оба посланія свои онъ писалъ къ іудеямъ, разсѣяннымъ въ Понтѣ, Галатіи, Каппадокіи, Асіи и Виѳиніи. Но о пребываніи св. Петра въ Римѣ, о проповѣди его римлянамъ — въ этихъ священныхъ книгахъ не сказано ни слова. Чтобы какъ нибудь защитить свою мысль о пребываніи св. Петра въ Римѣ, писатели римской Церкви согласно усвояютъ Риму названіе Вавилона, надъ которымъ такъ грозно гремятъ проклятія библейскія—ветхозавѣтныя и новозавѣтныя. Мы не имѣемъ причины отвергать, что св. Петръ писалъ свои посланія не въ старомъ, а новомъ Вавилонѣ, то есть, въ Римѣ. Однако изъ самыхъ этихъ посланій видно, что св. Апостолъ писалъ ихъ въ глубокой старости и не за долго до своей кончины. *Старцы, иже въ васъ, молю, старецъ сый* (1 Петр. 5, 1); *вѣдый, яко скоро есть отложеніе тѣлесе моего, якоже и Господь нашъ Іисусъ Христосъ сказа мнѣ* (2 Петр. 1, 14). Изобрѣтательные паписты выдумали въ среднихъ вѣкахъ сказаніе, будто св. Петръ два раза былъ въ Римѣ: въ первый разъ въ 42 году, во второй — передъ кончиною; такъ что будтобы онъ управлялъ римскою Церковію, лично и чрезъ своихъ намѣстниковъ, всего двадцать пять лѣтъ. Но и самъ рѣшительный Перроне не рѣшился доказывать этого слишкомъ произвольнаго предположенія. Одинъ изъ германскихъ ученыхъ (Бауръ) неопровержимо доказалъ хронологическою таблицею событій, что св. Петръ не могъ быть въ Римѣ, по крайней мѣрѣ, раньше 52 года по Р. Хр. Перроне съ нѣкоторою досадою замѣчаетъ: «этотъ фонатическій писатель (*нефанатическому* Перроне было тяжело, должно быть, даже назвать Баура по фамиліи)

въ своей хронологической таблицѣ оставилъ пропускъ между 52 и 70 годами; въ этотъ промежутокъ времени почему Петръ не могъ придти въ Римъ»? (Р. Т. t. 2, стр. 288, примѣч. 57). Мы и не говоримъ, что онъ не могъ придти, равно какъ и вы не можете несогласиться, что онъ могъ и не придти; однако предположеніе о двадцатипятилѣтнемъ епископствѣ св. Петра въ Римѣ падаетъ само собою въ томъ и другомъ случаѣ, такъ какъ кончина Апостоловъ Петра и Павла относится историками никакъ не далѣе 67 года по Р. Хр.

Священное Писаніе не позволяетъ намъ согласиться съ вами и въ томъ, что св. Петръ, вскорѣ послѣ Іерусалимскаго собора, или 52 года, прибылъ въ Римъ и слѣдовательно могъ пробыть въ немъ, по крайней мѣрѣ, 15 лѣтъ. Св. Апостолъ Павелъ написалъ свое посланіе къ Римлянамъ изъ Коринѳа во время третьяго, предпослѣдняго своего путешествія, слѣдовательно въ 59, или 60 году по Р. Хр. Въ послѣдней XVI главѣ этого посланія св. Апостолъ пишетъ свои привѣтствія весьма многимъ, извѣстнымъ ему, жителямъ Рима, но ни слова не говоритъ о св. Петрѣ. Еслибы онъ былъ въ это время въ Римѣ; то св. Павелъ не опустилъ бы случая привѣтствовать первопрестольнаго Апостола, для свиданія съ которымъ онъ нѣкогда нарочно приходилъ въ Іерусалимъ (Галат. 1, 18). Положимъ, что это доказательство противъ папистическихъ мнѣній только отрицательное, какъ говоритъ Перроне; но оно весьма важно. Чтобы ослабить его силу, Перроне замѣчаетъ, что, умозаключая такимъ образомъ, можно бы отвергнуть и епископствованіе св. Іакова въ Іерусалимѣ; потому что св. Павелъ въ посланіи къ Евреямъ не привѣтствуетъ его по имени. Но это замѣчаніе весьма неосновательное. Еще не извѣстно, писалъ ли св. Павелъ собственно къ жителямъ Іерусалима, или къ Евреямъ, жившимъ въ другомъ какомъ либо городѣ; а главное то, что посланіе къ Евреямъ, послѣднее, по времени и по списку, изъ посланій Павловыхъ, писано уже послѣ смер-

ти св. Іакова. Какимъ же образомъ могъ привѣтствовать его св. Павелъ въ своемъ посланіи?

Впрочемъ въ самомъ посланіи къ Римлянамъ есть и положительныя свидѣтельства, что прежде написанія его, прежде 60 года, св. Петръ не былъ и не проповѣдывалъ въ Римѣ и что вообще не онъ основалъ римскую Церковь. Въ самомъ началѣ послания Апостолъ говоритъ: *Павелъ, рабъ Іисусъ Христовъ,... Имже пріяхомъ благодать и апостольство въ послушаніе вѣры во всѣхъ языцѣхъ о имени Его, въ нихже есте и вы звани Іисусу Христу* (ст. 1—6). Сказавши далѣе, что вѣра римскихъ христіанъ возвѣщается во всемъ мірѣ, Апостолъ присовокупляетъ, что онъ давно имѣетъ желаніе видѣть ихъ лично въ самомъ Римѣ, *да нѣкое подамъ вамъ*, говоритъ, *дарованіе, ко утвержденію вашему* (ст. 11). Изъ этихъ словъ видно, что св. Павелъ писалъ къ Римлянамъ, не какъ къ чужимъ, а какъ къ своимъ собственнымъ ученикамъ. Если бы уже прежде него проповѣдывалъ въ Римѣ первоверховный Петръ и былъ здѣсь епископомъ; то едва ли бы св. Павелъ считалъ нужнымъ еще подавать Римлянамъ *нѣкое духовное дарованіе ко утвержденію*, особенно когда вспомнимъ слова его, написанныя въ томъ же самомъ посланіи: *потщахся благовѣстити, не идѣже именовася Христосъ, да не на чуждомъ основаніи созижду* (15, 20). Припомните такъ же, что св. Павелъ причисляетъ Римлянъ къ тѣмъ языческимъ народамъ, къ которымъ именно онъ, Апостоловъ языковъ, посланъ проповѣдывать имя и ученіе Христово.

Кто же основалъ въ Римѣ христіанскую Церковь? Кто первый проповѣдывалъ здѣсь Евангеліе? Въ св. Писаніи нѣтъ прямаго отвѣта на эти вопросы. Однако съ достаточною достовѣрностію можно полагать, что первыми христіанами и проповѣдниками Евангелія были здѣсь тѣ изъ Евреевъ, которые были въ Іерусалимѣ во время сошествія Св. Духа,—эти *прихо-*

дящіи Римляне (Дѣян. 2, 10), а потомъ тѣ изъ учениковъ св. Павла, которыхъ обратилъ онъ во время неоднократныхъ своихъ путешествій по разнымъ городамъ Европы и Азіи; они могли приходить къ нему изъ Рима въ другіе города и, принявши крещеніе, снова возвратиться въ Римъ. Такъ, напримѣръ, св. Павелъ обратилъ въ Коринѳѣ іудея Аквилу и жену его Прискиллу; также—Эпенета, который былъ первый изъ обратившихся въ Ахіи; а въ посланіи къ Римлянамъ привѣтствуетъ ихъ—уже какъ жителей Рима, и притомъ *съ домашнею ихъ церковію* (*).

Хотя св. Павелъ и говоритъ, что вѣра Римлянъ славится во всемъ мірѣ; однако Церковь римская, до прибытія его въ Римъ, была весьма немногочисленна, потому что когда онъ прибылъ сюда и пригласилъ къ себѣ знатнѣйшихъ іудеевъ; то оказалось, что они не имѣли даже понятія о христіанской Вѣрѣ и откровенно говорили ему: *молимся, да слышимъ отъ тебе, яже мудрствуеши; о ереси бо сей* (т. е. о христіанскомъ Вѣроученіи) *вѣдомо есть намъ, яко всюду сопротивъ глаголемо есть* (Дѣян. 28, 22). Итакъ, до пребытія Апостола Павла въ Римъ, знатнѣйшіе изъ іудеевъ знали о христіанской Вѣрѣ только то, что объ ней вездѣ спорятъ. два ли бы это явленіе было возможно, если бы въ это время (въ 63 году по Р. Хр., значитъ, за три, или за четыре только года до кончины обоихъ верховныхъ Апостоловъ), даже раньше того, св. Петръ жилъ уже въ Римѣ и былъ здѣсь епископомъ, да еще не одинъ, а съ двумя викаріями, римскими же епископами, какъ говоритъ Перроне (стр. 291, § 570) (**). Мы знаемъ изъ книги Дѣяній Апостольскихъ, какъ могу-

(*) Изъ этихъ словъ видно, что христіанскіе жители Рима собирались, для молитвы и поученія, въ домѣ Аквилы, и, если имѣли у себя епископа; то, по крайней мѣрѣ, не первопрестольнаго Апостола. Иначе св. Павелъ не упустилъ бы случая привѣтствовать его, или упомянуть объ немъ.

(**) Перроне не замѣчаетъ, что, давая Риму двухъ и трехъ епископовъ

щественна, какъ многоплодна была проповѣдь св. Петра въ Іерусалимѣ и Антіохіи.

Припомните, наконецъ, что во всѣхъ посланіяхъ св. Павла, писанныхъ изъ Рима. къ Филиппійцамъ, Ефесянамъ, Колоссянамъ, Евреямъ, къ Титу, Филимону и двухъ посланіяхъ къ Тимоѳею, ни одного раза не упомянуто имя св. Петра; тогда какъ, посылая привѣтствія къ различнымъ отсутствующимъ лицамъ, св. Павелъ обыкновенно пишетъ имъ привѣтствія и отъ лица ближнихъ ему людей, живущихъ въ Римѣ. Мало того: въ посланіи къ Колоссянамъ, писанномъ изъ римской темницы, св. Павелъ говоритъ, что только Аристархъ, сплѣнникъ его, Маркъ и Іустъ были единственными сотрудниками его для царствія Божія и утѣшеніемъ въ скорби (4, 10—11). Во второмъ посланіи къ Тимоѳею великій и святый узникъ пишетъ: *въ первый мой отвѣтъ никтоже бысть со мною, но вси мя оставиша* (4, 16). Итакъ очевидно, что и въ это время еще не было св. Петра въ Римѣ. Когда же онъ прибылъ сюда? На это мы не можемъ отвѣчать опредѣленно, по недостатку историческихъ свидѣтельствъ. Но съ полною увѣренностію можно сказать, что св. Петръ прибылъ въ Римъ послѣ св. Павла, который, даже находясь въ узахъ, проповѣдывалъ здѣсь слово Божіе съ величайшимъ успѣхомъ и простеръ свою Евангельскую мрежу даже *до кесарева дома* (Филип. 4, 22), то есть, обратилъ въ христіанскую Вѣру нѣкоторыхъ членовъ императорскаго семейства, или особъ близкихъ къ нему. Припомните, что и первыми епископами римскими были ученики св. Павла, а не Петра Линъ и Климентъ.

въ одно время, онъ допускаетъ безчиніе, какое могло случиться, и случалось, только въ средніе вѣка, когда римская Церковь имѣлано два, по три, и болѣе папъ въ одно время. Или св. Петръ не былъ епископомъ римскимъ въ собственномъ смыслѣ; или первыхъ папъ: Лина и Анаклета, жившихъ еще при св. Петрѣ, надобно исключить изъ числа епископовъ римскихъ, какъ бывшихъ только викаріями дѣйствительнаго епископа,—Апостола Петра,

Повторяю: мы не отвергаемъ преданія (*), что св. Петръ былъ въ Римѣ и претерпѣлъ здѣсь мученическую смерть. Но что же отсюда слѣдуетъ? Вы утверждаете, что отсюда вытекаетъ право римскихъ епископовъ, и притомъ—божественное, непосредственно отъ Бога данное, — право быть наслѣдниками св. Петру. Но въ какомъ отношеніи, въ какомъ званіи? Св. Петръ былъ Апостолъ, то есть, непосредственный ученикъ Іисуса Христа, Самимъ Господомъ избранный и посланный на всемірную проповѣдь. Неужели же и всѣ римскіе папы,— до Пія IX включительно, имѣютъ право называться Апостолами? Но этого права они никогда не присвоивали себѣ, хотя и говорятъ, что они занимаютъ каѳедру Апостольскую. Вы скажете, что званіе Апостола заключало въ себѣ и званіе епископа, и что въ этомъ послѣднемъ званіи епископы римскіе могло наслѣдовать св. Петру. Справедливо. Но св. Петръ имѣлъ первенство между Апостолами,—какъ епископъ, или какъ Апостолъ? Конечно, какъ Апостолъ; потому что епископская власть состоитъ въ томъ, чтобы проповѣдывать слово Божіе, совершать таинства, руководить вѣрующихъ на пути къ царствію

(*) Но Перроне не уступчивъ; онъ не хочетъ сознаться, что въ св. Писаніи нѣтъ свидѣтельствъ о пребываніи св. Петра въ Римѣ, и приводитъ,— что вы думаете? слова Спасителя, сказанныя Петру на морѣ Тиверіадскомъ: *егда же состарѣешися, воздѣжеши руцѣ твои—и инъ тя поясетъ и ведетъ, аможе не хощеши* (Іоан. 21, 18). Но что изъ этихъ словъ слѣдуетъ? То, что св. Петръ, состарѣвшись, претерпитъ мученическую смерть, а гдѣ и когда именно, этого изъ словъ Спасителя не видно. Или, можетъ быть, Господь этими словами предрекъ Петру, что онъ не добровольно придетъ въ Римъ, но приведенъ будетъ сюда, какъ узникъ? То и другое ничего не говоритъ въ пользу папистовъ; мы только удивляемся легкомыслію многоученаго Перроне. Если бы св. Петру Самимъ Господомъ назначено имѣть въ Римѣ каѳедру вселенскаго епископа и главы Церкви; то Спаситель не сказалъ бы, что Симона Петра, когда онъ состарѣется, *поведутъ туда, куда онъ не хотѣлъ бы идти*. Неужели св. Петръ вступилъ на римскую каѳедру противъ собственной воли? Очевидно, что подъ словомъ: *аможе не хощеши*, надобно разумѣть страданія и смерть, которыхъ трепещетъ человѣческая природа.

небесному; а эту власть имѣли всѣ Апостолы одинаково. Итакъ, если бы св. Петръ и имѣлъ между Апостолами какое либо особенное значеніе, какъ Апостолъ; то никакъ не могъ бы оставить его въ наслѣдство какому—либо епископу,—не—Апостолу. Три Апостола, ближайшіе къ Божественному Учителю: Іаковъ, Петръ и Іоаннъ, называвшіеся *столпами Церкви*, скончались въ различное время и въ разныхъ мѣстахъ: св. Іаковъ въ Іерусалимѣ, Петръ въ Римѣ, Іоаннъ въ Ефесѣ. Отъ чего же епископы, возсѣдавшіе на Апостольской каѳедрѣ въ Ефесѣ, никогда ни домогались преимущества предъ другими каѳедрами, основанными чрезъ другихъ, менѣе знаменитыхъ, Апостоловъ, напримѣръ, предъ Константинопольскою, основанною св. Андреемъ, или предъ Александрійскою, основанною св. Маркомъ,—однимъ изъ семидесяти? Не ясно ли, что значеніе епископовъ зависѣло всегда не отъ важности Апостола, основавшаго епископскую каѳедру, а отъ важности города, въ которомъ епископъ имѣлъ свое пребываніе. Извѣстно, что епископъ старѣйшей и важнѣйшей каѳедры—Іерусалимской одно время уступалъ преимущество даже епископу Кесаріи Палестинской; потому что Іерусалимъ, при языческихъ императорахъ, особенно послѣ опустошенія Адріаномъ, потерялъ свою важность. И впослѣдствіи патріархъ Іерусалимскій, по каноническимъ постановленіямъ, всегда занималъ въ церковной іерархіи мѣсто *послѣ* патріарховъ Константинопольскаго, Александрійскаго и Антіохійскаго, хотя Іерусалимская Церковь справедливо называлась и называется—*матерію Церквей*, по древнему пророчеству богодухновеннаго царя—пророка: *мати Сіонъ, речетъ человѣкъ* (Псалом. 86, 5).

Апостольское сѣдалище! Святое сѣдалище! Легатъ отъ ребра апостольскаго сѣдалища! (Siege apostolique, la sainte siege; lagatus a latere)—паписты произносятъ эти слова съ какимъ-то благоговѣніемъ, какъ будто въ нихъ заключается что-то особенно важное, собственно принадлежащее епископу римско-

му. Но вѣдь извѣстно, что всѣ каѳедры, основанныя Апостолами, называются *Апостольскими*, даже всѣ истинные, законные епископы въ цѣломъ свѣтѣ суть преемники Апостоловъ, и православная Церковь, сохранившая вмѣстѣ съ преемствомъ Апостольской благодати, и ученіе Апостоловъ, еще съ большимъ правомъ называется Апостольскою, чѣмъ римская, во многомъ, какъ увидимъ, отступившая отъ чистаго апостольскаго ученія и управленія.

Но въ римской Церкви, скажете. первымъ епископомъ былъ св. Петръ, князь Апостоловъ, намѣстникъ Іисуса Христа. Мы уже видѣли, что св. Петръ не былъ ни княземъ Апостоловъ, ни единственнымъ намѣстникомъ Іисуса Христа, ни епископомъ римскимъ—въ собственномъ смыслѣ. Званіе Апостола и санъ епископа различны между собою. Напрасно Перроне указываетъ на св. Іакова, брата Господня, который былъ вмѣстѣ и Апостолъ и епископъ Іерусалимскій. Св. Іаковъ не былъ изъ лика двунадесяти Апостоловъ, которымъ Господь сказалъ: *шедше научите вся языки; шедше въ міръ весь, проповѣдите Евангеліе всей твари.* Св. Іаковъ, хотя и имѣлъ званіе Апостола, какъ непосредственный ученикъ Іисуса Христа, однако онъ не былъ всемірнымъ проповѣдникомъ, какими были Апостолы: Петръ, Іоаннъ, Андрей, Павелъ и другіе; онъ былъ истинный *епископъ* Іерусалимскій и, во всю жизнь свою, отъ вознесенія Господня и до своей кончины, управлялъ именно и только Іерусалимскою Церковію. Можно ли же сказать, что св. Петръ былъ тѣмъ же для Церкви римской, чѣмъ былъ св. Іаковъ—для іерусалимской? Мы знаемъ изъ св. Писанія, что св. Петръ проповѣдывалъ въ Іерусалимѣ, Антіохіи и другихъ городахъ Палестины, Сиріи и Малой Азіи. Гдѣ же была его епископская каѳедра? Вездѣ, гдѣ онъ проповѣдывалъ, и нигдѣ—въ особенности. Мы не отвергаемъ, что, можетъ быть, св. Петръ участвовалъ вмѣстѣ съ св. Павломъ въ рукоположеніи кого-либо изъ первыхъ епископовъ римскихъ, и слѣдо-

вательно было основаніе называть каѳедру римскую каѳедрою Апостоловъ Петра и Павла, и епископовъ римскихъ—преемниками св. Петра. Но по какому праву вы той же чести и названія лишаете каѳедры и епископовъ другихъ городовъ, гдѣ св. Петръ несомнѣнно, и прежде другихъ Апостоловъ, насаждалъ Христіанство и одинъ могъ рукополагать епископовъ, напримѣръ—въ Кесаріи, Антіохіи, Іоппіи и прочихъ? Не ужели св. Петръ сталъ тѣмъ, за кого вы его почитаете, только съ того времени, какъ онъ прибылъ въ Римъ? Не думаю; потому что вы утверждаете, что онъ поставленъ главою Церкви отъ самаго истиннаго Главы ея—Іисуса Христа, еще во время Его земной жизни. Слѣдовательно, всѣ епископы, которыхъ св. Петръ рукоположилъ до прибытія въ Римъ, суть преемники его. И напрасно Перроне увѣряетъ, что ни одна изъ церквей, кромѣ римской, въ каталогѣ своихъ епископовъ не поставляетъ во главѣ ихъ св. Петра. Древнѣйшій церковный историкъ Евсевій говоритъ: «Игнатій, *вторый послѣ Петра епископъ* Антіохійскій «(Истор. кн. 3, гл 36). Впрочемъ, исчисляя епископовъ, преемниковъ Апостольскихъ, Евсевій всегда отдѣляетъ отъ нихъ—самихъ Апостоловъ. Такъ, о римскихъ епископахъ онъ говоритъ, что послѣ Петра и Павла, *первымъ* (а не вторымъ) епископомъ былъ Линъ, вторымъ Анаклетъ, третьимъ Климентъ. Точно также и объ Антіохійскихъ епископахъ онъ говоритъ, что первымъ, послѣ Петра, былъ Еводій, вторымъ Игнатій. Если же позднѣйшіе составители епископскихъ каталоговъ римской Церкви писали св. Петра первымъ епископомъ, а слѣдующихъ за нимъ—вторымъ, третьимъ и такъ далѣе: то это рѣшительно ничего не доказываетъ: вольному воля!

Паписты говорятъ: «св. Петръ скончался въ Римѣ, слѣдовательно епископъ римскій долженъ быть единственнымъ наслѣдникомъ власти и всѣхъ преимуществъ сего князя Апостоловъ.» На законность такого умствованія не подтверждается

ни св. Писаніемъ, ни примѣрами исторіи, ни даже здравымъ смысломъ. Вы, конечно, и сами не станете увѣрять насъ, что папа долженъ считаться наслѣдникомъ св. Петра, на основаніи яснаго и прямаго свидѣтельства св. Писанія; ибо о папахъ римскихъ и помину нѣтъ въ словѣ Божіемъ. Посмотримъ въ исторію. Первый первосвященникъ ветхозавѣтный, св. Ааронъ скончался въ пустынѣ на горѣ Оръ: неужели и преемнику его слѣдовало оставаться здѣсь же? Великій вождь еврейскій, св. Моисей умеръ на горѣ Нававъ: неужели Іисусъ Навинъ поступилъ незаконно, что перешелъ Іорданъ и не возвращался на мѣсто кончины своего предшественника? Св. Петръ скончался въ Римѣ, а одинъ изъ ближайшихъ и знаменитѣйшихъ преемниковъ его—св. Климентъ скончался въ *нашемъ* Херсонесѣ, а мощи его перенесены св. Владиміромъ въ Кіевъ: не надлежало ли бы тогда каѳедру преемника Петрова и главы Церкви перенесть изъ Рима въ Херсонесъ, или Кіевъ? Одинъ знатный и богатый человѣкъ, во время путешествія, остановился въ домѣ чужаго человѣка, заболѣлъ и—померъ: неужели хозяинъ дома, гдѣ померъ путешественникъ, долженъ сдѣлаться наслѣдникомъ всѣхъ богатствъ и титуловъ его?... Даже простолюдинъ русскій невольно убыбнется, когда ему будутъ приводить такіе и подобные имъ *резоны*, или доводы. А между тѣмъ многоученые богословы преважно утверждаютъ, что папа законный наслѣдникъ Петра, потому что гробъ св. Апостола въ Римѣ, гдѣ живетъ папа!...

Но, должно быть, папская система у приверженцевъ своихъ извращаетъ законы мышленія, портитъ здравый смыслъ, наполняетъ головы густымъ тумапомъ... Мы увидимъ впослѣдствіи, что слова наши не насмѣшка, не преувеличеніе. Приведемъ пока два, три примѣра. Въ минувшемъ 1859 году, 1-го января, начальникъ французскаго горнизона въ Римѣ, генералъ Гойонъ, въ главѣ подчиненныхъ ему офицеровъ, явился въ тронномъ залѣ Ватикана, для поздравленія папы съ новымъ

годомъ, и держалъ ему рѣчь. Надававши папѣ обѣщаній, которыхъ, какъ оказалось послѣ, не имѣлъ права давать и не могъ исполнить, Гойонъ съ приличною оффиціальному лицу важностію присовокупилъ «привѣтствуемъ, въ твоемъ лицѣ, монарха и вмѣстѣ достойнаго и благороднаго преемника св. Петра» (*). Можетъ быть, эта фраза чрезвычайно нравится папистамъ. Но свѣжаго посторонняго человѣка она заставитъ невольно призадуматься. «Монархъ и вмѣстѣ преемникъ св. Петра,»—и преемникъ не только «достойный, но и благородный!» Св. Петръ былъ, положимъ, епископомъ римскимъ и, конечно, никогда не думалъ быть монархомъ; напротивъ, повелѣвалъ духовнымъ чадамъ своимъ повиноваться царю *Господа ради* (1 Петр. 2, 13). Подождемъ, впрочемъ, можетъ быть, нынѣшнія событія не разъяснятъ—ли этого страннаго сочетанія властей и наслѣдствъ? Не отдѣлится-ли снова монархъ отъ епископа?

Положимъ, что военный человѣкъ не можетъ быть большимъ знатокомъ богословія; положимъ, что Гойонъ сказалъ нелѣпость. Но вотъ образованные французскіе епископы пишутъ не лучше своего генерала. Во время послѣдняго столкновенія Франціи съ Австріей въ Италіи, французскіе прелаты издали множество пастырскихъ посланій (**), сказали множество рѣчей, изъ которыхъ мы ясно видимъ, какъ образъ мышленія папистовъ противорѣчитъ обыкновенному разсудку человѣческому. Во всѣхъ этихъ посланіяхъ и рѣчахъ французское духовенство приглашаетъ свою паству молиться о томъ, чтобы среди политическихъ треволненій не потонула «барка св. Петра» (barque de saint Pierre). Какое же отношеніе, какое сходство лодка св. Петра, плававшая по Геннисарстскому озеру, имѣетъ съ папскою областію, или римскою Церковію? Пра-

(*) L'Ami de la Religion, 1859 an. 13 Ianv. p. 105

(**) Большая часть ихъ напечатана въ журналѣ L'Ami de la Religion, за 1859 годъ

вославный человѣкъ опять задумывается. Неужели почтенные прелаты хотѣли сказать, что какъ св. Петръ бросилъ свою Виѳсаидскую лодку, чтобы слѣдовать за Господомъ, такъ духъ св. Петра, духъ евангельскій и апостольскій, оставилъ римскую Церковь, когда епископы римскіе присвоили себѣ несовмѣстимый съ саномъ епископскимъ титулъ монарховъ?..

Но допустимъ, что рѣчи и посланія французскихъ прелатовъ писались наскоро и сгоряча. Раскроемъ же книгу, которая считается классическою въ полемической литературѣ римской Церкви, имѣла множество изданій и, по отзыву одного русскаго писателя, не безопасна для православныхъ читателей, недостаточно знакомыхъ съ богословскими науками (*). На первыхъ страницахъ сочиненія Графа Местра «о папѣ» мы читаемъ слѣдующія фразы: «Церковь католическую (то есть римскую) можно представить въ видѣ эллипсиса съ двумя центрами: въ одномъ мы видимъ св. Петра, а въ другомъ... Карла Великаго; а церковь Галликанская (то есть, французская, во время царствованія во Франціи законныхъ королей) какъ будто сближаетъ эти центры и соединяетъ ихъ въ великолѣпномъ единствѣ» (**). А понашему мнѣнію, все это только однѣ пустыя фразы, къ которымъ паписты могутъ прибѣгать, за недостаткомъ дѣльныхъ мыслей....

Впрочемъ я отклонился отъ своего предмета, забѣжалъ нѣсколько впередъ; новѣйшіе французскіе писатели настроиваютъ рѣчь мою на тонъ, можетъ быть, несвойственный разсужденію о важномъ предметѣ; оставляю ихъ въ покоѣ до времени. Съ

(*) Духов. Бесѣд. 1859 г. № 19 стр. 194.

(**) Du pape, edit. 1854 an. Paris p. g. Кстати о графѣ Местрѣ. Когда папа Пій VI согласился ѣхать въ Парижъ для коронованія Наполеона I, то графъ Местръ, или Де-Местръ, восторженный почитатель папы, но врагъ Наполеона, писалъ въ одномъ изъ писемъ своихъ, недавно изданныхъ въ свѣтъ, что онъ желалъ бы, чтобы папа какимъ бы то ни было образомъ умеръ на пути. Стоитъ Вентуры! О Вентурѣ сказано будетъ въ приложеніи къ этимъ «Письмамъ».

полною охотою и удовольствіемъ займусь въ слѣдующемъ письмѣ разсмотрѣніемъ писаній древнихъ Отцевъ и писателей Церкви. А теперешнее письмо заключаю покорнѣйшею просьбою къ вамъ: извините меня, если я оскорбилъ васъ своей откровенной рѣчью.

Прибавлю еще одно замѣчаніе касательно мнѣнія вашихъ единовѣрцевъ, будто съ должностію Апостола соединялись должность и званіе епископа. Нѣтъ; должность Апостола выше должности епископа, какъ и должность епископа выше должности пресвитера, хотя обязанности ихъ почти одинаковы. И древняя Церковь различала Апостола отъ епископа. Въ Іерусалимѣ проповѣдывалъ и мученически скончался св. Іаковъ, одинъ изъ двунадесяти Апостоловъ, одинъ изъ трехъ столповъ Церкви Христовой. Въ Іерусалимѣ же скончался Іаковъ—*меньшій*, изъ лика семидесяти. Однако св. Іаковъ-большій не называется епископомъ, и не отъ него ведутъ свое рѣемство епископы и патріархи Іерусалимскіе, а отъ Іакова—меньшаго. Тоже надобно сказать и о св. Петрѣ: онъ былъ Апостолъ, но не епископъ, хотя имѣлъ власть поставлять епископовъ.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ.

«Мы разсматривали тексты св. Писанія; теперь остается вопросить св. Отцевъ». Такъ, или почти такъ начинаете вы шестую главу разсматриваемаго мною сочиненія. Такими же словами прилично и мнѣ начать осьмое письмо мое къ вамъ. Нѣсколько разъ пересматривалъ я написанное вами, взвѣшивалъ силу, приведенныхъ вами изъ св. Писанія, доказательствъ. Если эти строки мои будутъ когда-нибудь предъ вашими глазами, то я попросилъ бы васъ снова прочитать и обдумать все, написанное мною до сего времени, сравнить число, важность и силу приведенныхъ мною доказательствъ, съ числомъ и важностію тѣхъ, которыя собраны вами. А потомъ я охотно пойду съ вами «вопрошать св. Отцевъ.

Однако позвольте: вы слишкомъ широко шагаете, дѣлаете такіе большіе скачки, что я долженъ просить васъ остановиться немного. Прямо изъ перваго вѣка вы переноситесь въ четвертый; отъ боговдохновенныхъ писаній св. Апостоловъ переходите къ твореніямъ св. Григорія Нисскаго, не коснувшись даже однимъ словомъ писаній мужей апостольскихъ и другихъ древнѣйшихъ отцевъ. Вы, правда, приводите и причину такого быстраго перехода и такого большаго и важнаго пропуска. Постараюсь представить эту причину моимъ русскимъ читателямъ, чтобы большинство вашихъ бывшихъ соотечественниковъ имѣли новую причину—уважать васъ за искренность и добросовѣстность, на сколько позволяло вамъ имѣть эти добродѣтели ваше нынѣшнее положеніе. Приступая къ разсмотрѣ-

нію свято отеческихъ свидѣтельствъ, вы говорите: «не надобно ожидать, что св. Отцы первыхъ вѣковъ, говоря о главенствѣ папы, употребляли столь же точныя и столь же ясныя выраженія, какъ писатели вѣковъ позднѣйшихъ. Надобно принять во вниманіе послѣдовательное развитіе въ ученіи католическомъ и въ устройствѣ самой Церкви. Св. Петръ, въ силу словъ, сказанныхъ ему Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, поставленъ княземъ Апостоловъ, намѣстникомъ Іисуса Христа, главою Церкви (мы видѣли уже, какъ все это несправедливо, какъ далеко отъ духа и буквы Евангелія). Эта чрезвычайная важность св. Петра перешла и къ преемникамъ его; она и теперь заключается въ Піѣ IX, какъ была въ св. Липѣ и св. Климентѣ. Но хотя она была въ сущности всегда одинакова, однако обнаруживалась не всегда одинаковымъ образомъ. Въ первые вѣки, многія причины не позволяли епископамъ римскимъ дѣлать изъ своей власти такое же обширное употребленіе, какое дѣлали они изъ нея впослѣдствіи. Въ тоже время, многія причины дѣлали полное употребленіе этой власти менѣе необходимымъ. Жестокость преслѣдованій, трудность сообщеній, препятствія всякаго рода, какія Церковь встрѣчала на каждомъ шагу, не позволяли такихъ частыхъ сношеній съ Римомъ, какія видимъ, на примѣръ, въ наше время. Какъ бы въ восполненіе того, чего не доставало Церкви съ этой стороны, Божественное Провидѣніе распространило на всѣ страны, гдѣ была Церковь, большее изобиліе свѣта, большее изліяніе духа любви (чѣмъ послѣ?). Церковное единство, для своего сохраненія въ неприкосновенности, менѣе требовало возбужденія отъ центра; оно поддерживалось Духомъ Святымъ, Который жилъ въ сердцахъ всѣхъ этихъ мучениковъ, всѣхъ этихъ учителей, просвѣщалъ всѣхъ ихъ одинаковымъ свѣтомъ, внушалъ имъ одинаковую ревность и возбуждалъ ихъ къ тому, чтобы жить одною и тою же жизнію. Что среди такого чуднаго единодушія, такого стремленія умовъ и сердецъ къ Іисусу

Христу, направленіе, исходящее отъ епископа римскаго, было менѣе чувствительно и потому намъ труднѣе замѣтить его,— въ этомъ мы охотно сознаемся. Но заключать изъ этого, что слова, сказанныя Іисусомъ Христомъ, не усвоили св. Петру истинной важности, авторитета, и что эта важность не сохранялась всегда и всецѣло въ его преемникахъ, — вотъ этого не сдѣлаютъ никогда (?), если будутъ добросовѣстно и безъ предубѣжденія вопрошать писанія св. Отцевъ и свидѣтельства церковной исторіи».

Не стану теперь подробно разсматривать, насколько правды и основательности въ этихъ словахъ, сказанныхъ, надобно сознаться, съ необыкновенною авторскою ловкостію. Сдѣлаю на нихъ только два замѣчанія: если св. Петръ и ближайшіе къ нему епископы римскіе, сіявшіе святостію жизни и чудными дарами благодати, не имѣли необходимой и замѣтной власти надъ своими собратіями; то какое имѣли право добиваться ея— позднѣйшіе преемники ихъ, часто не славившіеся доброю жизнію и ничѣмъ не обнаружившіе въ себѣ присутствія благодати Духа Святаго?..... Второе замѣчаніе: изъ вашихъ словъ слѣдуетъ, что при обиліи благодатныхъ даровъ между вѣрующими первыхъ вѣковъ, менѣе было необходимо и замѣтно вліяніе внѣшней, іерархической власти. Дѣйствительно, въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ мы видимъ, что св. Апостолы, возложеніемъ рукъ, сообщали дары благодати, даже даръ чудотворенія и пророчества, всѣмъ—истинно вѣрующимъ. Однако мы замѣчаемъ, что все общество вѣрующихъ безпрекословно повиновалось непосредственнымъ ученикамъ Христовымъ, что св. Апостолы въ полномъ смыслѣ *управляли* Церковію. Да и сами Апостолы, для рѣшенія важнаго вопроса, сходились на соборъ, подчинялись сами и строго требовали отъ другихъ подчиненія соборному опредѣленію. Итакъ власть, управленіе въ Церкви—были всегда: но исключительнаго главенства, въ лицѣ одного человѣка, — не было. И неужели вы не замѣчаете, какую по-

блажку, какую важную уступку дѣлаете вы протестантамъ, квакерамъ, иллюминатамъ, ирвингіанамъ, которые отвергаютъ іерархію, подъ тѣмъ предлогомъ, что они управляются непосредственно Духомъ Божіимъ? Мы знаемъ, напротивъ, что *и дуси пророчествіи пророкамъ повинуются.*

Впрочемъ, повторяю: я не намѣренъ теперь подробно разсматривать ваши, приведенные выше, слова. Поставляю только на видъ ваше мнѣніе, что въ первые три вѣка власть папы была менѣе замѣтна, чѣмъ въ послѣдствіи. И на этомъ-то, какъ думаю, основаніи вы переноситесь прямо отъ временъ апостольскихъ въ четвертый вѣкъ. Охотно и я послѣдовалъ бы за вами въ этомъ быстромъ переходѣ, если бы ваши единовѣрцы думали и писали одинаково съ вами. Но они не такъ совѣстливы и разборчивы на доказательства, какъ вы. По вашему мнѣнію, вліяніе папы на дѣла вселенской Церкви, въ теченіе первыхъ вѣковъ христіанства, было почти не примѣтно. А ваши единовѣрцы увѣряютъ, что оно всегда было ясно, какъ день. Перроне говоритъ, что ни одна христіанская истина не можетъ быть такъ несомнѣнно доказана свидѣтельствомъ всѣхъ вѣковъ, какъ главенство, или власть наслѣдниковъ Петровыхъ во вселенской Церкви; такъ что онъ, бѣдный, находитъ себя *задавленнымъ* многочисленностію разнородныхъ свидѣтельствъ (*). Жалкій авторъ нелѣпой брошюры: «la Russie est-elle schismatique?» начинаетъ свое сочиненіе такою громкою фразою: «среди ужасныхъ испытаній, которымъ подвергалось раждающееся христіанство, мы находимъ такіе глубокіе слѣды важности преемниковъ св. Петра, такіе, такъ сказать, живые отпечатки ихъ владычества надъ цѣлымъ сословіемъ пастырей Церкви, что труднѣе опровергнуть это владычество, чѣмъ бытіе самой Церкви»; то есть, легче доказать, что въ первые три вѣка совсѣмъ не было христіанской Церкви,

(*) Adeo ut monumentorum omnigenorum copia veluti obruamur.

чѣмъ то, что папа не былъ ея главою! Вотъ какъ пишутъ ревностные защитники папизма! Можно ли же было намъ оставить ихъ безъ вразумленія, ихъ доказательства — безъ опроверженія?

Мы не могли пройти молчаніемъ христіанскихъ писателей первыхъ трехъ вѣковъ еще и потому, что творенія ихъ имѣютъ особенную важность для всего христіанскаго міра. Послѣ св. Писанія, они составляютъ важнѣйшій источникъ вѣроученія, какъ драгоцѣнѣйшая сокровищница апостольскихъ преданій. Св. Отцы послѣдующихъ вѣковъ и вселенскіе Соборы ссылались на нихъ, какъ на несомнѣнныхъ свидѣтелей истины, во время споровъ своихъ съ еретиками. Особенно важны эти творенія древнихъ Отцевъ въ настоящее время. Протестанты различныхъ исповѣданій, сознавши, наконецъ, шаткость основанія, на которомъ стоитъ ихъ Вѣра, не видя у себя ничего прочнаго, опредѣленнаго, всѣми признаннаго и для всѣхъ обязательнаго (*), ни въ вѣроученіи, ни въ богослуженіи, ни въ церковномъ устройствѣ, обратились къ изученію исторіи и отеческихъ твореній первыхъ трехъ вѣковъ, чтобы въ нихъ найти для себя хоть нѣкоторую опору и оправданіе. Не смотря на все стараніе быть безпристрастными въ этомъ изученіи, они все-таки смотрятъ протестантами. Удачно выставляя на видъ то, что противорѣчитъ заблужденіямъ римской Церкви, они не имѣютъ довольно твердости, что бы воздать должное тому, что несогласно съ ихъ собственными предубѣжденіями. Конечно, нѣкоторые изъ нихъ, въ слѣдствіе добросовѣстнаго изученія древлеотеческихъ писаній, дошли до того, что открыто признаютъ

(*) Касательно этого предмета любопытно читать чрезвычайно замѣчательную статью, напечатанную въ 1-й книжкѣ богословскаго журнала, издаваемаго въ Дерптѣ протестантскими учеными Статья эта имѣетъ заглавіемъ: «Что такое церковность» (Was heisst Kirchlichkeit?). Съ этой статьей, переведенной уже нами на русскій языкъ, мы познакомимъ читателей «Духовной Бѣседы».

и необходимость церковнаго преданія, и богоучрежденность іерархіи, и дѣйствительную силу таинствъ, и недостаточность одной вѣры для спасенія, слѣдовательно отвергаютъ самую сущность протестантизма. Однако другіе, твердо держась основныхъ началъ лютеранства, дѣлаютъ важныя уступки папизму, чтобы, давши ему мало, взять много. Они, какъ напримѣръ, и знаменитый Неандеръ, допускаютъ, что папская власть надъ всею Церковію началась, точно, съ первыхъ вѣковъ, но—почему? потому что, по ихъ мнѣнію, *все* христіанское вѣроученіе, *вся* Церковь Христова подверглась порчѣ, измѣненію, вскорѣ послѣ Апостоловъ. Итакъ на насъ лежитъ долгъ раскрыть истину, показать подлинное ученіе мужей Апостольскихъ и древнихъ отцевъ Церкви. Мы не будемъ приводить ихъ свидѣтельствъ урывками, отдѣльными фразами, какъ дѣлаетъ Перроне, но, сколько возможно, въ цѣломъ составѣ, въ связи и логическомъ порядкѣ. Мы не будемъ, съ преднамѣренною цѣлію, какъ дѣлаютъ и паписты и протестанты, умалчивать о томъ, что показалось бы намъ несогласнымъ съ нашимъ собственнымъ мнѣніемъ; потому что, слава Богу, не будемъ имѣть въ этомъ нужды. Благословясь, приступимъ къ дѣлу.

Первое и сильнѣйшее, по мнѣнію папистовъ, доказательствъ въ пользу ихъ мнѣнія о преобладаніи римскаго епископа надъ всею Церковію состоитъ въ томъ, что коринѳская Церковь, еще при жизни св. Іоанна Богослова, обращалась къ св. Клименту съ просьбою умиротворить нѣкоторое волненіе, возбужденное въ обществѣ коринѳскихъ христіанъ людьми, не покорявшимися своимъ законнымъ пастырямъ, и что св. Климентъ отвѣчалъ на это прошеніе длиннымъ и прекраснымъ посланіемъ, которое было читано въ древнихъ Церквахъ почти съ такимъ же уваженіемъ, какъ слово Божіе. И въ обширныхъ богословскихъ системахъ, и въ отдѣльныхъ трактатахъ о папской власти, и въ проповѣдяхъ и катихизическихъ бесѣдахъ, это доказательство выставляется съ большимъ или меньшимъ искуствомъ, какъ

несомнѣнное, какъ непоколебимое. Мнѣ особенно нравится тонкость, или ловкость, съ которою говоритъ объ этомъ, составитель весьма хорошаго «учебника Римско-католической Вѣры, имѣвшаго уже множество изданій, Конрадъ Мартинъ, епископъ Падеборнскій. «Когда въ первомъ столѣтіи, еще при жизни св. Іоанна, христіанское общество въ Коринѳѣ, взволнованное печальнымъ раздоромъ, обратилось въ Римъ къ св. Клименту, третьему преемнику св. Петра, и умоляло его о вліятельномъ совѣтѣ и помощи; то онъ благосклонно принялъ ихъ желаніе и чрезъ свое посланіе, полнымъ воздѣйствіемъ своей важности, привелъ къ тишинѣ и единодушію разрываемое партіями общество (*). Тонкій намекъ, заключающійся въ томъ обстоятельствѣ, что коринѳская Церковь обратилась къ св. Клименту въ то время, какъ она могла бы обратиться къ св. Іоанну Богослову, мы разберемъ въ концѣ этого письма. А теперь замѣтимъ прежде всего, что выраженіе ученаго паписта: «коринѳское общество умоляло св. Климента о вліятельномъ совѣтѣ и помощи»,—чистая натяжка, или выдумка; потому что мы ни изъ посланія св. Климента, ни изъ другихъ какихъ-либо источниковъ не можемъ узнать, въ какихъ выраженіяхъ просили коринѳяне римскаго епископа, или римскую Церковь, и какое было дѣйствіе его посланія. Остается несомнѣннымъ только одно голое событіе, или фактъ: св. Климентъ написалъ къ Коринѳянамъ, по ихъ просьбѣ, посланіе, которое и сохранилось до нашего времени. Если бы въ самомъ посланіи заключалось что-нибудь благопріятствующее нынѣшнему римскому ученію; то римскимъ богословамъ слѣдовало бы разобрать содержаніе этого посланія и указать въ немъ мѣста, которыми подтверждалось бы ихъ смѣлое увѣреніе. Но никогда и никто изъ нихъ, сколько знаемъ, не дѣлалъ этого; всѣ твердятъ одно: св. Климентъ написалъ посланіе къ Коринѳя-

(*) Lehrbuch der katholischen Religion. B. 1, S 213, Aufl. 7.

намъ, при жизни св. Іоанна. Хотя бы вспомнили они, что св. Павелъ написалъ къ Коринѳянамъ два посланія, еще при жизни самого Петра, на важности котораго паписты основываютъ и важность св. Климента. По ихъ логикѣ слѣдовало бы заключить, что для жителей Коринѳа голосъ св. Павла былъ важнѣе, чѣмъ голосъ св. Петра, что одинъ Апостолъ—выше другаго. Но раскроемъ самое посланіе (*).

Оно начинается слѣдующими словами: «Церковь Божія, пришельствующая, (временно пребывающая, странствующая, παροικοῦσα), въ Римѣ, Церкви Божіей, пришельствующей въ Коринѳѣ, званнымъ (призваннымъ въ Церковь Христову), освященнымъ, по волѣ Божіей, Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. Благодать вамъ и миръ отъ Вседержителя Бога чрезъ Іисуса Христа да умножится.» (стр. 52). Если бы римскіе ученые желали хоть нѣсколько быть безпристрастными и добросовѣстными; то этихъ однихъ словъ, одного этого начала въ посланіи св. Климента достаточно было бы для нихъ, чтобы убѣдиться, какъ ложны ихъ умствованія о главенствѣ и могуществѣ ихъ папы. Они говорятъ, что жители Коринѳа обратились къ св. Клименту съ просьбою о своихъ духовныхъ нуждахъ потому, что онъ былъ преемникъ св. Петра и слѣдовательно глава Церкви, высшій не только всѣхъ епископовъ, но и самыхъ Апостоловъ. Но чтоже? Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать на Коринѳянъ важностію своего сана, вліяніемъ личной своей власти, въ качествѣ преемника Петрова, св. Климентъ скрываетъ свое имя и значеніе за именемъ частной Церкви—римской, и эту Церковь ставитъ на одну степень съ другою частною Церковію — коринѳскою. Неужели св. Климентъ меньше зналъ свои права и преимущества, чѣмъ позд-

(*) Свидѣтельства изъ твореній св. мужей Апостольскихъ будутъ приводимы мною по превосходному изданію ихъ, имѣющему заглавіе: Patrum apostolicorum opera; textum recognovit et cet. C. I. Hefele, edit 4. Tubingae, 1855 ann.

нѣйшіе его преемники? Этого, конечно, не скажутъ и паписты. Можетъ быть, онъ поступилъ такъ по смиренію? Но тамъ, гдѣ шло дѣло о пользѣ Церкви, о томъ, чтобы внушить уваженіе и покорность къ пастырямъ церковнымъ, возстановить порядокъ, такое смиреніе было бы неумѣстно и незаконно. Или, какъ думаютъ нѣкоторые изъ римскихъ ученыхъ, св. Климентъ написалъ посланіе не отъ себя, а отъ лица всей Церкви, для того, чтобы внушить Коринѳянамъ большее уваженіе къ словамъ своимъ? Можетъ быть; но въ такомъ случаѣ, ясно до очевидности, что ни св. Климентъ, ни жители Коринѳа ничего не знали о вселенскомъ главенствѣ и личной неногрѣшимости папы.

Впрочемъ ни то, ни другое предположеніе не объясняютъ достаточно разсматриваемаго теперь нами обтоятельства. Мы видимъ, что не только св. Апостолы. Павелъ, учитель св. Климента, и Петръ, его предшественникъ, но и почти всѣ древніе епископы, напримѣръ: св. Игнатій Богоносецъ, св. Поликарпъ, св. Кипріанъ, писали посланія къ различнымъ Церквамъ и лицамъ обыкновенно отъ своего собственнаго имени, которое и означали въ самомъ началѣ посланія. Отъ чего же св. Климентъ не послѣдовалъ этому обыкновенію? Для рѣшенія этого вопроса, необходимо допустить весьма простую и правдоподобную мысль, которую отчасти раздѣляетъ съ нами и знаменитѣйшій вашъ - историкъ аббатъ Флери (*); именно: св. Климентъ, въ то время, какъ писалъ свое посланіе къ Коринѳянамъ, еще не былъ епископомъ римскимъ. Изъ примѣра Церквей—антіохійской, по смерти св. Игнатія, и смирнской, послѣ кончины св. Поликарпа, мы видимъ, что въ случаѣ смерти или отсутствія мѣстнаго епископа, пресвитеры цер-

(*) Флери говоритъ: Saint Clement, deja pape, ou seulement encore pretre, fit reponse à l'eglise de Corinthe, то есть, св. Климентъ, будучи папою, или *только еще пресвитеромъ*, написалъ отвѣтъ Церкви коринѳской. Histoire Ecclesiast. livre 2, cap. 33.

ковные писали посланія къ другимъ христіанскимъ обществамъ отъ лица всей своей Церкви. Посланіе смирнской Церкви о мученической кончинѣ св. Поликарпа начинается даже тѣми же самыми словами, какъ Климентово посланіе къ Церкви коринѳской. Итакъ, по всей вѣроятности, св. Климентъ писалъ свое посланіе, когда былъ еще только пресвитеромъ Церкви римской, и слѣдовательно никакъ не могъ называться преемникомъ св. Петра, главою Вселенской Церкви. Но почему же, скажете вы, коринѳяне обратились именно къ св. Клименту? Рѣшеніе этого вопроса легко и просто. Церковь коринѳская насаждена и утверждена св. Апостоломъ Павломъ. Когда, послѣ кончины великаго учителя вселенной, произошло неустройство между коринѳскими христіанами; тогда къ кому же ближе и естественнѣе было обратиться имъ за совѣтомъ, какъ не къ ученику св. Павла,—ученику, котораго самъ учитель называлъ даже своимъ *сопоспѣшникомъ* (Филип. 4, 3)? И за чѣмъ имъ было отправлять посланіе въ отдаленный Патмосъ, или еще болѣе отдаленный Ефесъ, когда они были увѣрены, что всѣ Апостолы и всѣ вѣрные ученики ихъ проповѣдывали одно и тоже ученіе,— и когда весьма близко отъ нихъ жилъ знаменитѣйшій ученикъ св. Павла,—отца ихъ по вѣрѣ? Вотъ, почему коринѳяне обратились за совѣтомъ въ Римъ къ св. Клименту, а не въ Ефесъ къ св. Іоанну Богослову!

Но вина римскихъ ученыхъ предъ Богомъ и Церковію Его состоитъ не въ томъ только, что они изобрѣтаютъ ложь, но и въ томъ, что не видятъ истины тамъ, гдѣ она сіяетъ полнымъ блескомъ. Вмѣсто того, чтобы злоупотреблять драгоцѣннѣйшимъ памятникомъ вѣка апостольскаго, находя въ немъ мечтательное доказательство противу нашего православія, они должны были бы подробно разсмотрѣть содержаніе этого памятника и указать въ немъ то, что служитъ къ обличенію протестантовъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ посланіи св. Климента такъ

ясно выражено ученіе о богоучрежденности церковной іерархіи, о святости и важности пастырскаго званія, это ученіе такъ согласно съ ученіемъ слова Божія, что только развѣ свирѣпая ненависть протестантовъ противъ іерархіи папской могла затемнить предъ взорами ихъ истину.

Похваливъ вѣру, согласіе и любовь, царствовавшія между коринѳскими христіанами, св. Климентъ сожалѣетъ, что между ними поселился теперь раздоръ, причиною котораго была зависть, и потомъ изчисляетъ зло, происходящее отъ зависти, указываетъ на Каина, братьевъ Іосифа, и потомъ присовокупляетъ: «по зависти и ненависти, величайшіе и праведнѣйшіе *столпы Церкви* были гонимы и дошли даже до смерти. Представимъ предъ очи наши блаженныхъ Апостоловъ. Петръ претерпѣлъ, чрезъ неправедную зависть, не одно и не два огорченія, но многія, и такимъ образомъ, пострадавши мученически, отошелъ въ подобающее мѣсто славы. По причинѣ зависти (іудеевъ и язычниковъ), и Павелъ получилъ награду за терпѣніе... Бывши проповѣдникомъ на востокѣ и западѣ, онъ получилъ знаменитую славу за свою вѣру; научивъ весь міръ праведности, достигнувъ самыхъ крайнихъ предѣловъ запада, пострадалъ мученически отъ начальствующихъ» (гл. 5). Замѣтьте, что св. Климентъ не даетъ ни малѣйшаго преимущества св. Петру предъ св. Павломъ, но обѣимъ вмѣстѣ даетъ названіе величайшихъ столповъ Церкви, а послѣдняго изъ нихъ, сверхъ того, называетъ проповѣдникомъ всемірнымъ, прошедшимъ съ проповѣдію отъ востока до запада. Какъ все это согласно съ словомъ Божіимъ и какъ мало благопріятствуетъ папистическимъ умствованіямъ!

Преподавши прекрасныя правила смиренія, покаянія, дружелюбія, терпѣнія, послушанія (въ примѣръ котораго указываетъ всю природу, небо и землю), св. Климентъ говоритъ о воскресеніи мертвыхъ, о всеобщемъ судѣ Христовѣ, о воздаяніи праведнымъ и грѣшнымъ и наконецъ переходитъ къ главному

предмету посланія: «итакъ, мужіе—братіе, будемъ со всякимъ стараніемъ воинствовать по непорочнымъ заповѣдямъ Его (Господа). Подумаемъ о воинахъ, какъ стройно, съ какимъ послушаніемъ, съ какою покорностію исполняютъ они повелѣнія вождей своихъ. Не всѣ они воеводы—тысяченачальники, стоначальники, пятидесятиначальники и такъ далѣе; но всякій изъ нихъ въ своемъ чинѣ исполняетъ распоряженія царя и вождей своихъ. Не могутъ быть высшіе безъ низшихъ, также низшіе безъ высшихъ. Во всемъ есть нѣкоторая связь, и отсюда—польза. Возмемъ наше тѣло. голова безъ ногъ ничего не значитъ, такъ и ноги безъ головы; самые даже малѣйшіе члены нашего тѣла необходимы и полезны цѣлому тѣлу; но всѣ они согласны между собою и подчинены одинъ другому для здравія всего тѣла (гл. 37). Итакъ, мужіе—братіе, да сохранится въ здравіи все тѣло наше (Церковь) во Христѣ Іисусѣ и да подчинится каждый изъ насъ ближнему своему, какъ поставила кого благодать Господа (гл. 38). Апостолы благовѣстили намъ отъ Господа Іисуса Христа; Іисусъ Христосъ—отъ Бога. Итакъ Іисусъ Христосъ былъ посланъ отъ Бога и Апостолы отъ Христа: то и другое было благоустроено по волѣ Божіей. Такимъ образомъ, получивъ повелѣнія, и вполнѣ укрѣпившись въ вѣрѣ воскресеніемъ Господа нашего Іисуса Христа и утвердившись словомъ Божіимъ, они съ увѣреніемъ отъ Духа Святаго вышли въ міръ, благовѣствуя о пришествіи царствія Божія. Такимъ образомъ, проповѣдуя по селамъ и городамъ, начатки (первыхъ изъ) увѣровавшихъ, по испытаніи духомъ, Апостолы поставляли въ епископы и діаконы для тѣхъ, которые увѣруютъ впредь. И это не нововведеніе; но задолго еще до того было написано о епископахъ и діаконахъ; ибо такъ говоритъ Писаніе: поставлю епископовъ ихъ въ правдѣ и діаконовъ ихъ въ вѣрѣ (*) (гл. 42). Апо-

(*) Иса. 60, 17. Въ нашей Библіи этотъ стихъ читается нѣсколько иначе.

столы наши знали отъ Господа нашего Іисуса Христа, что будетъ раздоръ о достоинствѣ епископскомъ. Итакъ, по этой причинѣ, получивъ совершенное предвѣдѣніе, они поставили выше-названныхъ (епископовъ и діаконовъ) и потомъ дали заповѣдь, чтобы когда они почіютъ, другіе испытанные мужи принимали на себя ихъ служеніе. И потому считаемъ незаконнымъ дѣломъ лишать служенія тѣхъ, которые поставлены апостольскими или другими знаменитыми мужами, съ согласія всей Церкви, и служили стаду Христову непорочно, съ смиренномудріемъ, тихо и честно (гл. 44). Возмите посланіе блаженнаго Апостола Павла. Что онъ писалъ вамъ въ началѣ благовѣствованія своего? Истинно — по вдохновенію (отъ Духа Святаго) онъ написалъ вамъ какъ о себѣ самомъ, такъ и о Киѳѣ (Петрѣ) и Аполлосѣ; ибо тогда еще произошли у васъ раздѣленія. Но тогдашнее раздѣленіе подвергало васъ меньшему грѣху, ибо вы раздѣлялись на партіи изъ уваженія къ Апостоламъ знаменитымъ и мужу, отъ нихъ испытанному. А теперь, подумайте, какіе люди развратили васъ и уменьшили славу вашего знаменитаго братолюбія. Постыдное дѣло, и весьма постыдное, возлюбленные, и съ христіанскимъ подвижничествомъ несогласное, что, какъ слышимъ, твердѣйшая и древняя Церковь коринѳская, чрезъ одного или двухъ человѣкъ, возмутилась противъ пресвитеровъ» (гл. 47). Въ послѣднихъ главахъ своего посланія св. Климентъ увѣщеваетъ коринѳянъ покаяться, изображаетъ имъ высокое достоинство взаимной любви и согласія, для сохраненія котораго всякій членъ Церкви долженъ быть готовъ на самопожертвованіе. «Кто изъ васъ благороденъ? Кто милосердъ? Кто исполненъ любви? Пусть тотъ скажетъ: «если изъ за меня волненіе, распря и раздѣленія; то я отхожу, удаляюсь, куда вы ни пожелаете; я исполню все, что ни повелитъ *большинство*; только бы стадо Христово жило въ мирѣ съ поставленными пресвитерами». Кто такъ поступитъ, тотъ пріобрѣтетъ себѣ великую славу въ Гос-

подѣ и всякое мѣсто приметь его, ибо *Господня земля и исполненіе ея* (гл. 44). Итакъ вы, положившіе начало возмущенію, покоритесь пресвитерамъ, примите наказаніе— въ знакъ покаянія, преклонивъ колѣна сердецъ вашихъ. Научитесь покаряться, отложивъ хвастливую и надменную дерзость языка вашего. Ибо лучше вамъ быть хоть малыми въ стадѣ Христовомъ, но съ доброю славою, нежели высокомудрствуя, лишиться упованія его» (гл. 57) (то есть, вѣчнаго спасенія, пріобрѣтеніе котораго возможно только въ нѣдрахъ истинной Церкви).

Вотъ главныя мысли въ посланіи св. Климента! Вотъ ученіе мужа апостольскаго! Оно также далеко отъ ученія протестантовъ, какъ и отъ ученія мнимыхъ преемниковъ св. Климента—позднѣйшихъ епископовъ римскихъ. Св. Климентъ ясно учитъ, что епископы суть законные преемники Апостоловъ, что должность, или власть ихъ, какъ и власть апостольская, имѣетъ происхожденіе божественное, что вѣрные вообще и всякій христіанинъ въ частности должны повиноваться епископамъ и пресвитерамъ, подъ страхомъ лишиться надежды спасенія. Но что св. Петръ былъ княземъ Апостоловъ и что преемники его по римской каѳедрѣ должны имѣть власть надъ всею Церковію,—этому св. Климентъ не только не училъ, но прямо говорилъ противное тому. Это мы видимъ какъ изъ разсмотрѣннаго нами посланія, такъ и изъ другихъ письменныхъ памятниковъ, которые древнею Церковію приписываются св. Клименту; таковы: *Правила св. Апостоловъ* (числомъ 85), собранныя св. Климентомъ; *Постановленія Апостольскія*, изложенныя имъже; *Бесѣды св. Климента*, въ другой редакціи извѣстныя подъ именемъ *встрѣчь*, или свиданій (recognitiones).

Позднѣйшіе богословы не допускаютъ, чтобы все, что содержится въ твореніяхъ св. Климента, принадлежало именно ему, но почти всѣ, какъ римско-католическіе, такъ и проте-

стантскіе писатели согласны въ томъ, что эти творенія принадлежатъ самымъ первымъ вѣкамъ христіанской Церкви, и во всякомъ случаѣ, написаны ранѣе перваго вселенскаго Собора (325 года). Вопросимъ же эти драгоцѣнные памятники вѣроученія, благочинія и богослуженія первенствующей Церкви. Замѣтимъ прежде всего, что римскіе писатели обыкновенно смотрятъ на эти памятники какъ-то холодно, стараются обойти ихъ, или уменьшить ихъ важность. Не мудрено. Почти всѣ позднѣйшія заблужденія и нововведенія римской Церкви яснѣйшимъ образомъ обличаются твореніями знаменитаго и святаго епископа римскаго. Тоже самое надобно сказать и о протестантахъ. Укажемъ теперь только на то, что относится къ епископской власти. «Епископа да поставляютъ два, или три епископа,» говоритъ первое апостольское правило. Объ утвержденіи или инвеститурѣ со стороны папы—ни слова. «Пресвитеры и діаконы безъ воли епископа ничего да не совершаютъ; ибо ему ввѣрены людіе Господни, и онъ воздастъ отвѣтъ о душахъ ихъ» (прав. 39). Конечно, это правило не можетъ нравиться протестантамъ; но оно не благопріятствуетъ и папистамъ, у которыхъ діаконы—кардиналы и аббаты—легаты отъ ребра имѣютъ высшую власть и значеніе не только предъ епископами, но даже предъ митрополитами и титулярными патріархами. А между тѣмъ, вотъ что сказано у св. Климента о власти областныхъ епископовъ, впослѣдствіи получившихъ названіе митрополитовъ и патріарховъ: «Епископамъ всякаго народа подобаетъ знати перваго въ нихъ и признавати его, яко главу, ничего превышающаго ихъ власть не творити безъ его разсужденія, творити же каждому токмо то, что касается до его епархіи и до мѣстъ, къ ней принадлежащихъ. Но и первый ничего да не творитъ безъ разсужденія всѣхъ. Ибо тако будетъ единомысліе и прославится Богъ и Господь во Святомъ Духѣ, Отецъ и Сынъ и Святый Духъ» (прав. 34). Въ дополненіе къ этому правилу, укажемъ еще слѣдующее: «дважды въ

году да бываетъ соборъ епископовъ, и да разсуждаютъ они другъ съ другомъ о догматахъ благочестія, и да разрѣшаютъ случающіяся церковныя прекословія (прав. 37). Не ясно ли, что здѣсь нѣтъ не только опредѣленнаго ученія, но и самаго отдаленнаго намека о главенствѣ и непогрѣшимости папы? Не ясно ли, что только православная Церковь сохранила у себя истинно древній и апостольскій образъ управленія?

Еще яснѣе, еще подробнѣе этотъ образъ управленія древней Церкви описанъ въ книгѣ Постановленій апостольскихъ, изложенныхъ св. Климентомъ. Книга эта пользовалась въ первыхъ вѣкахъ чрезвычайнымъ уваженіемъ; но, по свидѣтельству шестаго вселенскаго Собора, оказалась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поврежденною еретиками. Мы теперь не можемъ сказать, всѣ ли списки этой книги были повреждены, или только нѣкоторые, и тѣ, которые намъ теперь извѣстны, относятся ли къ числу поврежденныхъ, или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, глубокая древность этой книги несомнѣнна. По крайней мѣрѣ, то, что сказано въ ней касательно управленія церковнаго и правъ епископскихъ, вѣроятно, не было повреждено еретиками; потому что древнѣйшія ереси касались обыкновенно догматовъ вѣроученія, а не управленія, или благочинія. Книга эта начинается такъ: «Апостолы и пресвитеры (старцы) всѣмъ изъ язычниковъ увѣровавшимъ въ Господа Іисуса Христа. Благодать вамъ и миръ... да умножатся». Особенно во второй книгѣ Постановленій апостольскихъ изложены превосходныя и самыя подробныя правила касательно правъ и обязанностей епископовъ. Но какъ въ этой, такъ и во всѣхъ восьми книгахъ постановленій не найдется ни одной строки, которая благопріятствовала бы притязаніямъ римскихъ епископовъ. Было бы утомительно излагать содержаніе этого обширнаго творенія. Укажемъ только одно весьма замѣчательное мѣсто, гдѣ говорится объ епископскихъ каѳедрахъ, установленныхъ самими Апостолами, и объ епископахъ, ими рукоположенныхъ.

«Касательно же епископовъ, рукоположенныхъ нами во время нашей жизни, да будетъ вамъ извѣстно, что они суть слѣдующіе: въ Іерусалимѣ Іаковъ—братъ Господень, а по кончинѣ его,—Симеонъ—сынъ Клеопы, а послѣ него третій Іуда Іаковлевъ. Въ Кесаріи Палестинской епископомъ былъ сначала Закхей, бывшій мытарь, послѣ него—Корнилій, а третій Ѳеофилъ. Въ Антіохіи поставлены были: Еводій—*мною Петромъ*, а Игнатій—Павломъ. Въ Александріи первый епископъ Анніанъ рукоположенъ Маркомъ Евангелистомъ, а вторый Авилій—Лукою—также Евангелистомъ. А въ римской Церкви *первый*—Линъ, сынъ Клавдіи, *рукоположенъ Павломъ*, а послѣ смерти Лина,—Климентъ, вторый епископъ—посвященъ мною Петромъ (*). Въ Ефесской Церкви Тимоѳей—Павломъ, а Іоаннъ—мною Іоанномъ (Богословомъ) рукоположены». Далѣе исчисляются епископы городовъ: Смирны, Пергама, Филадельфіи, Коринѳа, острова Крита, Аѳинъ, Триполя, Лаодикіи, Колоссъ, областей Галатіи, Асіи и острова Эгины. Въ заключеніе этого списка епископовъ, святые Апостолы заповѣдуютъ вѣрнымъ слѣдовать ихъ ученію, какъ ученію самихъ Апостоловъ (книга 7, гл. 46) (**). Кажется, нѣтъ надобности дѣлать примѣчанія и толкованія по этому драгоцѣнному свидѣтельству первенствующей Церкви. Ясно, что древняя христіанская Церковь

(*) Историкъ Евсевій считаетъ вторымъ римскимъ епископомъ Анаклита, а Климента третьимъ. Можетъ быть, св. Климентъ рукоположенъ св Петромъ въ санъ пресвитера и назначенъ преемникомъ Анаклиту, послѣ смерти послѣдняго. Въ такомъ случаѣ, свидѣтельство книги постановленій апостольскихъ не будетъ противорѣчить высказанному нами выше предположенію, что св. Климентъ писалъ свое посланіе, бывши еще только пресвитеромъ. Мы увѣрены, что посланіе св. Климента написано раньше 70 года по Р. Х. и вскорѣ послѣ кончины св. Петра и Павла, потому что въ немъ говорится о храмѣ Іерусалимскомъ, какъ еще существуемъ (гл. 41).

(**) Постановленія апостольскія напечатаны въ изданіи Котелера: Viri Apostolici. Не имѣя подъ рукою котелерова изданія, я пользовался книгою *Ульцена* (Ulzen), напечатанною въ Ростокѣ, въ 1853 году, подъ заглавіемъ; Constitutiones Apostolicae. См. стр. 186.

почитала св. Петра наравнѣ съ прочими Апостолами, а св. Климента — наравнѣ съ прочими епископами. Лина, перваго епископа римскаго, рукоположилъ св. Павелъ, а Климента — св. Петръ. Чьи же преемники позднѣйшіе епископы римскіе? Св. Павла, или св. Петра должно почитать основателемъ каѳедры римской?.. Св. Климентъ подробно изчисляетъ епископскія каѳедры, основанныя Апостолами; онъ ясно свидѣтельствуетъ, что многія изъ нихъ основаны прежде и слѣдовательно старше римской, а о первенствѣ и какихъ либо преимуществахъ ея не говоритъ ни слова. Не наносятъ ли же самаго дерзкаго оскорбленія памяти великаго первосвятителя римскаго тѣ писатели, которые увѣряютъ, что онъ былъ, а слѣдовательно и самъ считалъ себя не только главою всѣхъ епископовъ вселенской Церкви, но, по кончинѣ св. Петра,—и главою самихъ Апостоловъ, не изключая и возлюбленнаго ученика Христова, Іоанна Богослова, а слѣдовательно—и св. Павла, если бы онъ остался на землѣ послѣ своего первопрестольнаго сослужителя?.. Подумайте объ этомъ!

Впрочемъ мы навѣрное знаемъ какъ смотрѣлъ на свои отношенія къ св. Апостоламъ самъ св. Климентъ. Уже въ разсмотрѣнномъ нами, несомнѣнно и всецѣло принадлежащемъ ему посланіи мы видимъ, съ какимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ приводитъ и повторяетъ онъ слова св. Апостола Павла, какъ въ частности называетъ боговдохновеннымъ то мѣсто изъ посланія его къ Коринѳянамъ, гдѣ Апостолъ языковъ упрекаетъ ихъ за беззаконное раздѣленіе, по причинѣ неразумнаго предпочтенія, питаемаго ими къ Петру, или Павлу, или Аполлосу (гл. 47). Но вотъ посмотримъ, какъ обращался св. Климентъ даже къ тѣмъ изъ Апостоловъ, которые не были изъ лика двенадесяти, но только слышали ученіе Вѣры непосредственно отъ Самаго Спасителя. Чрезвычайно любопытное и въ древности весьма знаменитое (извѣстное Оригену) твореніе св. Климента, называемое *свиданія*, или *встрѣчи*, изложено въ ви-

дѣ посланія къ св. Іакову, епископу Іерусалимскому, и начинается такъ: «Климентъ Іакову, господину и епископу и епископовъ епископу, правящему Святою Церковію Христіанъ въ Іерусалимѣ и Церквами Христа Бога нашего, провидѣніемъ Божіимъ преславно водруженными во вселенной,—купно съ пресвитерами и діаконами и всѣми прочими братіями,—миръ съ вами да будетъ присно (*). Мы не смѣемъ утверждать, что это несомнѣнно собственныя слова св. Климента, но во всякомъ случаѣ слова древнѣйшаго христіанскаго писателя, котораго мы не имѣемъ причины подозрѣвать въ неправославіи. Если бы въ нихъ заключалось что либо прямо противное ученію св. Климента и Вселенской Церкви; то древніе Отцы Церкви отвергли бы всю книгу, въ заглавіи которой стоятъ эти слова, не только какъ подложную, но и какъ вредную, еретическую. А этого мы не видимъ. И такъ св. Климентъ называлъ и, по суду древней Церкви, могъ справедливо называть св. Іакова епископомъ епископовъ, правящимъ всѣми Церквами во вселенной. Что же отсюда слѣдуетъ? Неужели преемники Іакова, епископы Іерусалимскіе, должны также называться епископами епископовъ? Никакъ! Что было сказано объ епископѣ Апостолѣ и сродникѣ Господнемъ, того нельзя относить къ ппископу, не имѣющему этихъ преимуществъ.

Теперь могъ бы я кончить нынѣшнее, и безъ того чрезъ мѣру длинное, письмо. Но я прошу у васъ и у всѣхъ читателей моихъ еще нѣсколько минутъ терпѣливаго вниманія. Не только моихъ единославныхъ соотечественниковъ, но и всѣхъ, у кого есть еще въ душѣ вѣра, совѣсть и здравый смыслъ, прошу быть свидѣтелями и судіями. Я представлю имъ на судъ одного безъименнаго писателя, который выдаетъ себя не только за русскаго, но и за православнаго, между тѣмъ какъ

(*) Названное нами твореніе св. Климента имѣетъ и другія названія; мы пользовались новѣйшимъ изданіемъ его, имѣющимъ слѣдующее заглавіе: Clementinorum editomae duae, edita cura *Albl Dresse*. Libsiae, 1859 an.

сочиненія его причиняютъ русскимъ стыдъ, православнымъ — горе. Можетъ быть, онъ, жертва превратнаго воспитанія, и самъ не понимаетъ этого; и потому нашъ долгъ вразумить его. Такіе писатели, конечно, не приносятъ ни малѣйшей пользы той сторонѣ, которую взялись поддерживать; напротивъ, они выставляютъ наружу ея слабыя стороны, думая прикрыть ихъ. Но они, эти жалкіе писатели — безъ призванія, возмущаютъ душу въ людяхъ, любящихъ добро и правду. Этому безъименному писателю принадлежатъ два сочиненія на Русскомъ языкѣ, изданныя въ Лейпцигѣ: «О возможномъ соединеніи Россійской Церкви съ Западною, безъ измѣненія обрядовъ православнаго богослуженія,» и «Замѣчанія на Русскія письма А. Н. Муравьева.» Мы увѣрены, что не ошибемся, если тому же перу припишемъ и двѣ французскія брошюры, однородныя по предмету, по манерѣ, по цѣли и внутреннимъ достоинствамъ въ сейчасъ названными: «La Russie est—elle schismatique?« и Quelques mots sur le schisme orientale, par J. de Sergy.» Сверхъ того, едва-ли не тотъ же самый сочинитель пишетъ с. петербургскія корреспонденціи въ журналѣ: «L'Ami de la Religion. (*)».

Прежде всего, что непріятно поражаетъ читателя въ этихъ брошюрахъ, такъ это неестественная, самая свирѣпая ненависть сочинителя къ единовѣрной намъ св. Восточной Церкви и особенно къ знаменитѣйшему архипастырю ея, блаженному страдальцу, Свитѣйшему Патріарху Фотію. Сочинитель брошюръ называетъ его то лжепатріархомъ, то «злодѣемъ,» не указывая рѣшительно ни одного злаго дѣла, за которое онъ заслужилъ бы это названіе, кромѣ того, что онъ *дерзнулъ* обличать заблужденія и злоупотребленія папъ. Читая эти непри-

(*) Въ одной изъ этихъ корреспонденцій онъ пишетъ, что блистательный въ Россіи успѣхъ книги «о возможномъ соединеніи» привелъ русское духовенство въ ужасъ. Кто могъ сказать такую небылицу, кромѣ самого автора книги?

стойныя ругательства, невольно припоминаемъ слова: *аще не бы сей былъ злодѣй*, сказанныя о самомъ Божественномъ Пастыреначальникѣ нашемъ. Съ какимъ-то непонятнымъ для нашего времени злорадствомъ сочинитель припоминаетъ ужаснѣйшее, почти ни съ чѣмъ несравнимое, злодѣйство папскихъ пословъ, которые подписали безмысленныя проклятія на невиннаго патріарха—кровію Христа Спасителя! Не потому ли папы и отняли у мірянъ чашу жизни, чашу спасенія, чтобы обмакивать въ нее перо для подписыванія богохульныхъ проклятій на православныхъ пастырей (*)?... Но мы вѣруемъ, что правосудный Господь обратитъ эти проклятія на главу тѣхъ, которые такъ беззаконно пролили таинственную кровь Сына Божія, подобно іудеямъ, пролившимъ кровь Его естественную. Пусть остережется безъименный сочинитель, чтобы своимъ соуслажденіемъ беззаконію не навлечь на себя участи, ожидающей самихъ беззаконниковъ!...

Мы желали бы спросить у мнимо-русскаго писателя: за что преслѣдуетъ онъ ругательствами человѣка, давно почившаго, память котораго должна быть священна не только для всякаго добраго христіанина, но и для всякаго образованнаго человѣка? Какое зло онъ сдѣлалъ ему? За что онъ, мнимо-православный писатель, съ такою злобною радостію смотритъ на бѣдствія нынѣшнихъ православныхъ грековъ? Его ненависть къ грекамъ непонятнѣе и неизвинительнѣе, чѣмъ ненависть, которую питали къ евреямъ—жителямъ Іерусалима сыны *Едомстіи, глаголющіи: истощайте, истощайте до основанія его* (Псал. 136, 7). Ненависть идумеянъ къ іерусалимлянамъ объяснялась и нѣсколько оправдывалась старинною враждою, соперничествомъ, во время войны и мира, между двумя націями. А отъ грековъ мы не получили ничего, кромѣ добра,

(*) О возможномъ соединеніи и проч. ст. 35 и 26 La Russie est—elle schismatique? стр. 27

и съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлались христіанами, почти никогда съ ними не воевали. Какое благо на землѣ можетъ сравниться съ христіанскою Вѣрою и просвѣщеніемъ? А мы получили ихъ отъ грековъ!

«Восточные христіане», говоритъ безъименный сочинитель, «заслужили вѣковое наказаніе многократными клятвопреступленіями въ дѣлахъ Вѣры» (*). Примѣръ друзей Іова, умствовавшихъ подобно безъименному сочинителю, долженъ былъ бы, кажется, научить его осторожности, чтобы не считать внѣшнихъ бѣдствій непремѣнно слѣдствіемъ гнѣва Божія за грѣхи и невѣріе человѣка. Но если бы это было такъ, какъ вы говорите, то скажите: за что папскій Римъ многократно подвергался страшному опустошенію и разграбленію, а папы—изгнанію? За что папистическая Испанія нѣсколько вѣковъ страдала подъ игомъ мавровъ? За что африканскія Церкви, принадлежавшія къ римскому патріархату, исчезли съ лица земли? Но, скажете, Римъ всегда возникалъ въ новомъ блескѣ, а Испанія свергла мусульманское иго? Подождите; не даромъ существуетъ древнее предсказаніе, извѣстное всему Востоку и Западу, туркамъ и англичанамъ, грекамъ и французамъ,—предсказаніе, что градъ св. Константина нѣкогда сброситъ съ себя иноплеменное и иновѣрное иго и процвѣтетъ новою славою, и что мы, русскіе, примемъ въ этомъ не маловажное участіе. А существуетъ ли какое-нибудь предсказаніе о грядущей судьбѣ столицы Ромула и Рема, Нерона и папы? Несомнѣнно существуетъ. Это пророчество не какое нибудь темное, неизвѣстно кѣмъ сказанное, неизвѣстно кѣмъ писанное. Нѣтъ, оно произнесено—слушайте!—устами великаго угодника Божія, прозорливца и чудотворца, а записано не менѣе великимъ праведникомъ, мудрымъ и знаменитымъ епископомъ римскимъ. Св. Григорій Великій, бывшій епископомъ римскимъ съ 590

(*) О возможномъ соединеніи стр. 25.

по 604 годъ, пишетъ въ извѣстной книгѣ своей, за которую онъ и получилъ названіе Двоеслова, слѣдующее: «къ рабу Божію Венедикту (подвизавшемуся въ Италіи, не задолго до св. Григорія) имѣлъ обыкновеніе ходить предстоятель капуцинской церкви, котораго Венедиктъ очень любилъ за его жизнь. Въ бесѣдѣ съ Венедиктомъ о нашествіи царя Тотилы и разореніи Рима предстоятель (епископъ) сказалъ: царь этотъ такъ разоритъ городъ, что въ немъ никто уже не будетъ жить. Святый мужъ отвѣчалъ ему. «Римъ не будетъ истребленъ язычниками; но, претерпѣвши жестокія бури, напасти и землетрясенія, *самъ собою увянетъ* (Dialog. lib. 2 cap. 15). Сравните это предсказаніе съ пророчествомъ св. Іоанна въ Апокалипсисѣ и съ тѣми свидѣтельствами новѣйшихъ путешественниковъ объ *увяданіи* Рима, на которыя мы указали въ шестомъ письмѣ,—и вы согласитесь съ нами, что, можетъ быть, въ той мѣрѣ, какъ приближается освобожденіе и слава Царяграда, близится и это увяданіе Рима (*). Не за то ли паписты и дышутъ такою демонскою злобою на восточную Церковь? Но судьбы Божіи неизмѣнны; онѣ совершатся, когда придетъ назначенный часъ ихъ.

Всѣ паписты, за весьма немногими исключеніями, ненавидятъ восточную Церковь. Но еще ниодинъ, сколько намъ извѣстно, даже изъ самыхъ ярыхъ папистовъ, ниодинъ протестантъ, ниодинъ изъ самыхъ отчаянныхъ вольнодумцевъ не

(*) Вопреки свидѣтельству двухъ святыхъ мужей о будущей судьбѣ Рима, нашъ безъименный авторъ пророчествуетъ объ немъ по своему. Не знаемъ только, кто внушилъ ему это пророчество. Вотъ оно «престолъ римскій, поставленный выше всѣхъ прочихъ,—это тотъ самый престолъ, о которомъ Спаситель сказалъ· *того послушайте;* онъ существуетъ неколебимо болѣе 18 столѣтій и будутъ существовать до скончанія вѣка. Взгляните на *вѣчный* Римъ...» и проч. (стр. 93). Что это такое? Что двигало устами и перомъ автора, когда онъ писалъ эти строки? грубое ли невѣжество (приписавшее Спасителю слова, сказанныя о Немъ Богомъ Отцемъ), или преднамѣренный обманъ?...

изрыгалъ такой хулы на восточную Церковь, какую позволилъ себѣ безъименный сочинитель, называющій себя православнымъ. «Россія, говоритъ онъ, не имѣетъ ничего общаго съ Востокомъ, ни даже въ вѣроисповѣданіи, потому что тамъ, гдѣ тяготѣетъ анаѳема вселенской Церкви, тамъ мерзость запустѣнія должна быть, и она есть» [стр. 25]. Что-то недоброе, что-то нечеловѣческое звучитъ въ этихъ словахъ. Какъ повернулся бы у человѣка языкъ сказать такія слова о четырехъ святѣйшихъ вселенскихъ патріархахъ, о безчисленномъ множествѣ Церквей съ ихъ архипастырями, пастырями и паствою? И въ чемъ же видитъ онъ эту мерзость запустѣнія? Въ томъ, что среди вѣковыхъ, самыхъ ужасныхъ страданій со стороны варваровъ, среди безпрестанныхъ, самыхъ хитрыхъ и самыхъ безсовѣстныхъ обольщеній со стороны папистовъ, Восточная Церковь сохранила свято и неизмѣнно свою Вѣру и не покорилась папѣ! Въ такомъ случаѣ, осужденіе безъименнаго автора падаетъ и на первенствующую Церковь, съ ея мучениками и исповѣдниками, потому что она также терпѣла гоненія и не пресмыкалась у подножія папскаго трона. Итакъ пусть остерегается безъименный сочинитель, чтобы анаѳема Вселенской Церкви, дѣйствительно, не пала на чью нибудь голову...

«Россія не имѣетъ ничего общаго съ Востокомъ, ни даже въ вѣроисповѣданіи», говоритъ безъименный сочинитель. Какъ же это? Неужели еще нужно доказывать, что Россія содержитъ исповѣданіе «каѳолической и апостольской Церкви восточной», какъ сказано въ книгѣ «Православное исповѣданіе?» Съ кѣмъ же имѣемъ мы общее въ вѣроисповѣданіи? Неужели съ Римомъ? Но этого нельзя сказать даже въ шутку. Пусть паписты тѣшатъ себя ребяческими выдумками, будто Церковь Россійская сначала признавала папу главою Церкви, потому что будто бы св. Владиміръ принялъ православную Вѣру въ то время, какъ Церковь Восточная была въ общеніи и единомысліи съ римскою. Но если, какъ говоритъ безъименный сочини-

тель, въ 1054 году «мятежный патріархъ Михайло Керулларій прервалъ это общеніе съ Римомъ»: то вмѣстѣ съ нимъ прервала его и Россійская Церковь. Кому же не извѣстно, что первосвятители россійскіе, изъ которыхъ нѣкоторые прославились нетлѣніемъ и чудесами, въ теченіе четырехъ вѣковъ, посвѣщались въ свой санъ отъ Константинопольскихъ патріарховъ, преемниковъ Михаила Керулларія, и большею частію были родомъ греки? Только съ половины XV вѣка перестали присылать къ намъ митрополитовъ изъ Константинополя, и начиная съ св. Іоны, митрополиты Всероссійскіе посвящались соборомъ россійскихъ епископовъ. Но отъ чего произошла такая перемѣна? Отъ того, именно, что послѣдній, присланный къ намъ изъ Царя-града, митрополитъ Исидоръ хотѣлъ было «поработить насъ», какъ говоритъ св. Іона, «подъ отлученную, многихъ ради ересей—святыми отцы, римскую церковь, подъ римскаго папу» (*). Когда же флорентинскій соборъ (или какъ у насъ писали въ старину, «сборище»), былъ отвергнутъ всею восточною Церковію, всѣми четырьмя патріархами; то общеніе Россійской Церкви съ Константинопольскою и со всѣми восточными патріархами немедленно возобновилось и до сихъ поръ не прекращается и не прекращалось ни на одинъ день, ни на одинъ часъ (**). Кто же, имѣющій хоть нѣсколько здраваго смысла и совѣсти, станетъ увѣрять, что у Россіи нѣтъ ничего общаго съ Востокомъ—даже въ вѣроисповѣданіи?

Впрочемъ безъименный писатель, чрезмѣрно строгій къ Во-

(*) Акты историческіе, томъ 1. стр. III.

(**) «А мы о всемъ хочемъ, Божію благодатію, по изначальству нашего православнаго христіанства, посыланіе и совопрошаніе и любовь имѣти съ святымъ царемъ, и святѣйшаго ти (т. е. твоего, цареградскаго патріарха) благословенія и молитвы требовати и желати хощемъ, донелѣже Богъ благоизволитъ и земля наша доколѣ имать стояти, а никакоже отъ васъ разлучно имать быти наше православное христіанство до вѣка». Акт. истор. Т. 1, стр. 75.

сточной Церкви, не щадитъ и своей,—россійской. Онъ весьма откровенно, только не совсѣмъ учтиво, увѣряетъ, что наши пастыри находятся въ «непреодолимомъ невѣдѣніи, то есть, сами не знаютъ, чему вѣруютъ. И на этомъ основаніи, находя одного себя истинно понимающимъ православіе, онъ считаетъ себя въ правѣ оставаться въ нѣдрахъ православной Церкви, хотя всею душею, всѣмъ сердцемъ и всѣми помышленіями принадлежитъ къ Церкви папской. Мы не будемъ опровергать обвиненіе, возводимое сочинителемъ на всѣхъ насъ православныхъ пастырей; потому что считаемъ неприличнымъ защищаться предъ человѣкомъ, который бросаетъ грязью изъ за угла, прячется подъ маскою анонима, или псевдонима (лжеименника). Но жалѣя его, замѣтимъ ему, что его положеніе ложное, и весьма опасное для его душевнаго мира и спасенія. Это видно и изъ его сочиненій. Вы, напримѣръ, почтенный соотечественникъ, къ которому я пишу эти письма, сдѣлали свое дѣло прямо и открыто, подписываете свое настоящее имя полными буквами; отъ того въ вашихъ словахъ есть приличіе и умѣренность, въ мысляхъ стройность и теплота, съ вами говорить пріятно. Но ничего этого и тѣни нѣтъ у безъименнаго автора; въ его мысляхъ и выраженіяхъ замѣтна какая-то разтрепанность, безпорядокъ, нелѣпая раздражительность. Не отъ того ли это происходитъ, что подъ нимъ почва колеблется, что онъ храмлетъ на оба кокѣна, какъ нѣкогда іудеи, колебавшіеся между служеніемъ Іеговѣ и поклоненіемъ Ваалу?

Какъ ни пріятна, казалось бы, должна быть папистамъ восторженная привязанность нашего автора къ римской Церкви; однако и они замѣтили ему, что онъ сбился съ толку и не понимаетъ дѣла. Одинъ французскій духовный журналъ, хотя и значительно пропитанный ультрамонтанскими идеями, однако не потерявшій здраваго смысла, ккк напримѣръ, покойный L'Univers, дѣлаетъ слѣдующій отзывъ о брошюрѣ

нашего автора: La Russie est elle-schismatique? «Одушевляемый мыслію о мирѣ и примиреніи...., сочинитель однако впадаетъ въ *важное заблужденіе*, когда говоритъ:» мы, члены Церкви россійской, зная, что она сохранила законное рукоположеніе, должны смотрѣть на своихъ приходскихъ пастырей, какъ на законныхъ пастырей, которые въ отношеніи къ вопросу о единствѣ Церкви, находятся въ непобѣдимомъ невѣжествѣ (видите-ли: любезность, сказанную по-русски, нужно было еще повторить по-французски, чтобы вся Европа знала, каково, по мнѣнію автора, духовевство русское)! Такимъ образомъ, я могу, безъ задней мысли (*), приступать къ таинствамъ, преподаваемымъ Русскою Церковію, вполнѣ оставаясь чуждымъ схизмѣ Фотіевой. Я не колеблюсь объявить, что Россія—*католичка, сама не зная того;* она не есть и никогда не была схизматичкою—по доброй волѣ, сознательно». Приведя эти слова, и вѣроятно, затаивъ насмѣшливую улыбку, рецензентъ съ важностію замѣчаетъ:» когда авторъ говоритъ объ историческихъ событіяхъ, то онъ всегда правъ (конечно, французы вѣрили и не такимъ небылицамъ); но онъ менѣе бываетъ отчетливъ (какая деликатность!), когда вступаетъ въ область богословія. Чтобы принимать божественныя тайны въ извѣстной Церкви, для этого рукоположеніе, дѣйствительное и законное въ одномъ смыслѣ, недостаточно; она никакъ не можетъ сама собою поставлять законныхъ пастырей (можемъ увѣрить нашихъ русскихъ читателей, что мы переводимъ съ французскаго буквально, а понимать просимъ ихъ, какъ угодно). Надобно, чтобы законный пастырь получилъ свое посланничество отъ того, кто имѣетъ право послать его» и проч. Итакъ «Церковь православная» продолжаетъ французскій критикъ «есть истино схизматическая! И потому непозволительно (безъименному автору брошюры) оставаться

(*) Sans restriction mentale.

въ ней членомъ, участвовать въ ея таинствахъ и повиноваться ея пастырямъ» (*). Не знаемъ, послѣдуетъ ли нашъ бѣдный авторъ, отъ своихъ отставшій, къ чужимъ не приставшій, этому совѣту, которому нельзя отказать, по крайней мѣрѣ, въ логичности.

Впрочемъ мнѣ думается, что франнузскіе паписты не стали бы такъ холодно обращаться съ нашимъ жалкимъ сочинителемъ, если бы надѣялись получить много пользы для себя отъ его сочиненій. Жестокіе критики, вѣроятно, замѣтили, что неизвѣстный Русскій, выступившій такъ неудачно на литературное поприще, не сказалъ и никогда не скажетъ чего-нибудь дѣльнаго и новаго въ пользу папизма, а пожалуй, въ порывѣ усердія, можетъ и повредить ему: потому что новый ратоборецъ въ писательной арміи папы только пылитъ старымъ хламомъ, фальшиво поетъ съ чужаго голоса, пересоливаетъ чужую кашу. Вотъ и примѣръ тому. Мы выше видѣли, какъ тонко и осторожно названный нами составитель богословскаго учебника намекнулъ на то обстоятельство, что св. Климентъ написалъ свое посланіе при жизни св. Іоанна Богослова. Но нашъ авторъ гораздо смѣлѣе; онъ рубитъ съ плеча, не смотря ни на кого и ни на что, не затрудняясь никакими препятствіями и возраженіями. «Несомнѣнно, говоритъ авторъ, благоговѣніе къ Апостоламъ и ученникамъ Христа (такъ!) Церковь питала и по кончинѣ Петра, но въ дѣлахъ Вѣры частныя Церкви относились не къ нимъ (Апостоламъ), а къ римскому епископу. Это доказывается слѣдующимъ фактомъ. Въ исторіи Евсевія Кесарійскаго мы читаемъ, что при жизни Іоанна Богослова, возлюбленнаго ученика Христова, возникли несогласія въ коринѳской Церкви, и что эта Церковь, вмѣсто того, чтобы обратиться къ Апостолу Іоанну (этого впрочемъ у Евсевія мы не читаемъ), представила этотъ споръ на разрѣшеніе римска-

(*) L'Ami de la Religion, 7 Iuin 1859 an. № 36, pag. 715—716.

го епископа, чтобы *помочь злу*. Св. Климентъ занималъ тогда каѳедру Петра, и онъ написалъ отъ себя коринѳянамъ замѣчательное по этому случаю посланіе, которое еще читалось въ этой Церкви, спустя нѣсколько столѣтій, и во время Евсевія. Изъ сего видно, что и при жизни Іоанна Богослова, верховное церковное судилище находилось въ Римѣ, слѣдовательно и власть главы Церкви Христовой почиталась выше власти самаго Іоанна Богослова» (*). Итакъ, по мнѣнію автора, жители Коринѳа обратились за совѣтомъ къ св. Клименту не по тому, что онъ былъ ученикъ св. Павла, мужъ святый и мудрый, а потому, что былъ епископомъ римскимъ, преемникомъ св. Петра. Слѣдовательно, если бы на римскомъ престолѣ въ то время сидѣлъ не Климентъ 1, а Климентъ, напримѣръ, VII, Іоаннъ XXIII, или Александръ VI (Борджія); то коринѳяне и къ нимъ обратились бы съ такимъ же уваженіемъ, какъ къ Клименту святому? Слѣдовательно, всѣ римскіе папы, даже и тѣ, имена которыхъ произносятся въ потомствѣ съ неуваженіемъ самими папистами, какъ напримѣръ, сей часъ названные нами,—всѣ они выше не только святителей, напримѣръ, Іоанна Златоустаго, но и всѣхъ Апостоловъ Христовыхъ, кромѣ св. Петра; власть и ученіе ихъ важнѣе Евангелія и посланій св. Іоанна Богослова! И вы не ужасаетесь, вы не трепещете при этомъ, безъименный авторъ? Припомните, что св. Іоаннъ Богословъ былъ изъ числа тѣхъ Апостоловъ, на которыхъ видимо и торжественно сошелъ Духъ Святый, сообщивъ имъ даръ чудотворенія, даръ языковъ, даръ непогрѣшимости. Каждое слово святыхъ Апостоловъ—законъ для Церкви Христовой, писанія ихъ—слово Божіе. Можно-ли же тоже самое сказать о буллахъ и декретахъ папскихъ? Припомните, что какъ ни высоко цѣнилось посланіе св. Климента, однако ни римская, ни греческая Церковь не включили

(*) О возможномъ соединеніи, стр. 85.

его въ число книгъ каноническихъ. А если бы, по просьбѣ коринѳянъ, св. Іоаннъ Богословъ написалъ имъ посланіе; то кто усумнился бы назвать его боговдохновеннымъ и присовокупить къ числу книгъ священныхъ?

Мы сказали выше, что писатели, подобные нашему безъименному, скорѣе вредны, чѣмъ полезны той сторонѣ, которую защищаютъ; потому что обнаруживаютъ ея слабыя стороны. Мы замѣтили уже однажды, что римская Церковь, въ глубинѣ своего сознанія, вслѣдствіе коренныхъ своихъ началъ, не уважаетъ, какъ должно, Библію, что она даже боится Евангелія. Теперь мы видимъ новое тому доказательство въ русскомъ неофитѣ и поборникѣ папства. Конечно, ни Мелеръ, ни Гиршеръ, ни Боссюэтъ, ни Фенелонъ не написали бы того, что написалъ новый адвокатъ римской Церкви. Но онъ и подобные ему горячіе и неопытные писатели тѣмъ-то и полезны истинѣ, что, взявши у другихъ ложное начало, доводятъ его до крайнихъ выводовъ и чрезъ то обнаруживаютъ предъ всѣми ихъ лживость, искусно замаскированную болѣе ловкими писателями.

Все, что мы до сихъ поръ сказали о безъименномъ писателѣ, можетъ быть объяснено и, въ нѣкоторой степени, даже оправдано превратнымъ, совсѣмъ не русскимъ воспитаніемъ его (онъ и теперь по русски пишетъ плохо), авторскою неопытностію, недостаткомъ богословскихъ познаній, излишнимъ увлеченіемъ къ возлюбленной его римской Церкви. Но какъ судить о слѣдующемъ поступкѣ, который мы желали бы представить на судъ всего христіанскаго міра? Выбирая изъ нашихъ богослужебныхъ книгъ доказательства въ пользу римскаго догмата о папѣ, нашъ отважный и трудолюбивый писатель говоритъ, что въ нихъ есть, между прочимъ, слѣдующее мѣсто: «Церкви божественный пиргове, благочестія божественный столпъ, Климентъ съ Петромъ всехвальный (*). Невнимательный и

(*) Замѣчаніе на Римскія письма А. Н. Муравьева (стр. 42).

мало знакомый съ богослужебнымъ языкомъ читатель, прочитавши это мѣсто, сохраиитъ въ памяти только общее понятіе, что православная Церковь называетъ св. Климента божественнымъ пиргомъ (этого слова свѣтскій читатель, пожалуй, и не пойметъ), столпомъ благочестія, и прославляетъ наравнѣ съ Петромъ, вѣроятно, — Апостоломъ, подумаетъ читатель. Этого, конечно, только и хотѣлось сочинителю, или выбирателю. Но кто имѣетъ желаніе и досугъ вникать въ смыслъ прочитаннаго, того невольно остановитъ прежде всего явная неправильность славянскаго языка въ приведенномъ мѣстѣ. Пиргъ (πυργος) греческое слово и значитъ башня, укрѣпленіе, замокъ. Пиргове—множественное, или двойственное число. Какъ же прилагательное — божественный стоитъ въ единственномъ числѣ? Еще неправильность. слово—столпъ должно быть въ звательномъ падежѣ: *столпе*. Климентъ (вмѣсте Клименте) съ Петромъ—опять не по-славянски. Такія три важныя ошибки на двухъ строкахъ заставляютъ внимательнаго читателя, знакомаго съ правильностію нашего богослужебнаго языка, навести справку съ подлинникомъ, тѣмъ болѣе, что самъ сочинитель указалъ, откуда взятъ этотъ стихъ, именно—изъ службы 25 ноября. Что же оказывается? Въ этотъ день православная Церковь празднуетъ память «святыхъ священномучениковъ Климента папы римскаго и Петра александрійскаго, который, по мнѣнію папистовъ, былъ не болѣе, какъ подданный Климента, князя не только архіепископовъ, но и Апостоловъ. Уже эти простыя и краткія слова нашихъ святцевъ, уже одно это сопоставленіе и равночестное прославленіе двухъ святителей: римскаго и александрійскаго, краснорѣчиво говорятъ прямо противъ умствованій папистовъ. Но то мѣсто изъ ноябрской Минеи, на которое ссылается авторъ, и которое онъ имѣлъ смѣлость привести въ искаженномъ видѣ, говоритъ противъ любимой мысли его еще яснѣе, еще рѣшительнѣе. Вотъ какъ оно читается въ подлинникѣ: «Церкве неподвижиміи и божественніи

пиргове, благочестія божественніи столпи, воистину крѣпціи, Клименте съ Петромъ, всехвальніи, вашими молитвами соблюдите вся» (кондакъ по 3 пѣсни). Теперь судите: что сказалъ бы Пій IX, если бы кто-нибудь обратился къ нему съ такою рѣчью: «Пій IX и кардиналъ Антонелли истинные правители и столпы Церкви»?....

Сверхъ того, если бы собиратель дѣйствительно самъ и безъ предубѣжденія читалъ наши богослужебныя книги, то не могъ бы оставить безъ вниманія слѣдующіе стихи изъ той же службы св. Клименту римскому и Петру александрійскому. «Нынѣ благонарочитъ явися намъ день, имуще святыхъ преемникъ священныхъ Апостолъ, — Петра купно и Климента, проповѣдники вѣры и непобѣдимыя мученики, ихъ же лѣтнюю память совершаемъ» (свѣтиленъ послѣ канона). Здѣсь какъ Петръ, такъ и Климентъ называются одинаково преемниками Апостоловъ, и имя александрійскаго святителя поставлено прежде римскаго. А вотъ какъ православная Церковь восхваляетъ одного Петра: «отъ вышняго суда Христова предстательствовавъ стаду, на пажитехъ благожизненныхъ упаслъ еси, всемудрыми твоими догматы, отгнавъ Арія, яко волка не кроткаго (сѣдаленъ по 3 пѣсни). Между тѣмъ, въ этой же службѣ есть дѣйствительно одинъ стихъ, въ которомъ св. Климентъ называется преемникомъ Апостола Петра; но собиратель почему то не замѣтилъ этого стиха. «Ученикъ бывъ Петровъ, божественныя нравы того подражая, Клименте страдальче; тѣмже и престола преемникъ истинно показался еси.» Мнѣ кажется, что собиратель не привелъ этого мѣсца потому, что здѣсь наслѣдіе Петра усвояется Клименту за то, что онъ подражалъ нравамъ св. Петра. А можно ли сказать это о позднѣйшихъ папахъ, которые не только не подражали жизни св. Апостола, но и отступили отъ чистоты Вѣры его? Слѣдовательно, они не могутъ и называться истинными преемниками св. Петра. Для благочестивыхъ императоровъ греческихъ: Ѳеодосія Перваго, или

Іустиніана Великаго составляло, конечно, великую славу и почесть называться преемниками Константина Равноапостольнаго. Но было ли это названіе почетнымъ для Юліана—отступника?..

Разумѣется, мы не стали бы обвинять собирателя только за то, что онъ собралъ тѣ, а не другія мѣста изъ нашихъ богослужебныхъ книгъ. Но не можемъ не удивляться: какъ онъ рѣшился представить ихъ въ преднамѣренно искаженномъ видѣ? Можетъ быть, онъ хотѣлъ услужить этимъ римской Церкви, а на самомъ дѣлѣ много повредилъ ей. Теперь русскіе читатели и читательницы, для которыхъ онъ издалъ двѣ брошюры на русскомъ языкѣ, имѣютъ полное право сказать: «если писатели, принадлежащіе, или приверженные къ римской Церкви, искажаютъ свидѣтельства изъ книгъ печатныхъ, священныхъ, всякому изъ насъ доступныхъ и понятныхъ; то что они дѣлаютъ съ тѣми, которыя переведены ими съ другихъ языковъ, или извлечены изъ рукописей? Можетъ быть, и тѣ немногія и далеко неубѣдительныя мѣста изъ древнихъ отцевъ и писателей Церкви, которыя они приводятъ для убѣжденія насъ въ правовѣріи римской Церкви, прибавлены, или ередѣланы ими при печатаніи рукописей, или при переводѣ ихъ на другой языкъ. Можетъ быть, таковъ духъ и характеръ римской Церкви вообще, что члены ея не считаютъ грѣхомъ лгать, обманывать, нарушать вѣрность и присягу и дѣлать все, что угодно, только бы это служило къ пользѣ и прославленію римскаго папы»! Едвали римскіе писатели поблагодарятъ русскаго за такую плохую услугу!

Но нашъ соотечественникъ, хотя и преданный всею душею латинству, еще не отрекся явно отъ православія (*); онъ

(*) Чьято, родственная безъименному сочинителю, рука писала намъ въ 1860 году, что онъ исправляется, что его надобно щадить, какъ выздоравливающаго больнаго. Но уже послѣ этого письма, явилось за границей новое произведеніе того же автора, гдѣ видно, что онъ точно *болѣнъ* и едвали способенъ къ излеченію; такая безсвязность мыслей, такое самохвальство,

ходитъ въ наши церкви, пріобщается съ нами св. Таинъ. Какая-то благодѣтельная рука держитъ еще его на краю пропасти, которая тянетъ, влечетъ его къ себѣ. Но это положеніе не можетъ оставаться долго неизмѣннымъ. И потому мы просимъ, умоляемъ неизвѣстнаго намъ писателя одуматься, пока есть время, сбросить съ очей своихъ пыль, навѣянную ему воспитаніемъ и чтеніемъ папистическихъ сочиненій. Жаль намъ будетъ бѣднаго сочинителя, если онъ, подобно, недавно умершей въ Парижѣ, нашей соотечественницѣ, г-жѣ Свѣчиной, увидитъ свое заблужденіе только въ послѣднія, предсмертныя минуты своей жизни, увидитъ, что паписты «обокрали» его душу, его совѣсть, что въ устахъ ихъ не было «истины» (*).

Мы писали эти строки не для того, чтобы обличать, опровергать, или огорчать неизвѣстнаго сочинителя, а для того,

---

такое искаженіе правды и здраваго смысла,—точно, несвойственно здоровому человѣку.

(*) Мы намѣрены, какъ скоро удосужимся, написать подробный разборъ книги, изданной въ Парижѣ и возбудившей противорѣчивые толки за границей и въ Россіи: Madame Swetchine, sa vie et ses oeuvres publiés par comte de Falloux. Госпожа Свѣчина, совращенная въ папизмъ хитрымъ Местромъ, жила постоянно за границей, получая значительный доходъ съ своихъ русскихъ крестьянъ; такъ что устроила въ своей квартирѣ—каплицу. Умирая, въ полу-бреду, она говорила своимъ иноплеменнымъ единовѣрцамъ, что они хотятъ обокрасть ее, унести всѣ ея бумаги и мебель. Когда авторъ названной нами книги сталъ говорить ей, что это ей только такъ кажется, что они не хотятъ обманывать ее; то она отвѣчала: «вы не хотите меня обманывать? Но вы хочете руководить, управлять мною; а я не нуждаюсь въ другомъ руководствѣ, кромѣ—истины» (т. е., истины, которой я незнала подъ вашимъ руководствомъ, и которая теперь для меня всего нужнѣе и дороже). Потомъ, возвысивъ голосъ, она энергически сказала: «да, истины! Я лучше любила бы больничную кровать, но обладая истиною (т. е. имѣя истинную вѣру), чѣмъ всѣ эти драгоцѣнности, *но безъ* истины». И это сообщаетъ усерднѣйшій папистъ, издавшій свою книгу именно для славы своей Церкви и для приманки личностей, подобныхъ покойницѣ. Но что отсюда слѣдуетъ? Можетъ быть, душа нашей соотечественницы, готовясь разлучиться съ тѣломъ, прозрѣла наконецъ истину, искала и звала ее, но—было уже поздно... Madame Swetchine et cet. T. 1, pag. 501.

чтобы раскрыть ему состояніе души его, показать опасность пути, на которомъ онъ находится. И потому мы отъ всей души желаемъ, чтобы онъ, убѣдившись въ этомъ самъ, покаялся предъ Богомъ и служителемъ Его—православнымъ священникомъ, — безъ лицемѣрія и безъ затаенной мысли о его непобѣдимомъ невѣжествѣ, но съ полнымъ смиреніемъ, уваженіемъ и покорностію, пріобщился св. Таинъ со страхомъ Божіимъ и вѣрою, и потомъ посвятилъ всю свою любовь, всѣ силы души своей—служенію общей матери нашей—Церкви православной, Восточной, Грекороссійской.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ.

«Игнатій, называемый также Богоносцемъ, Церкви, одаренной милостями отъ величія вышняго Отца и Единороднаго Сына Его Іисуса Христа,—Церкви, возлюбленной и просвѣщенной по благоволенію Того, Кто благоволитъ ко всему, согласному съ любовію Іисуса Христа, Бога нашего,—Церкви, предстательствующей въ предѣлахъ страны римлянъ,—Церкви, достойной Бога, достойной славы, достойной быть блаженнѣйшею, достойной похвалъ, достойной своего назначенія, достойной называться непорочною, первенствующей въ любви, назнаменованной именемъ Христа, именемъ Бога—Отца, которую и привѣтствую во имя Іисуса Христа, Сына Божія, всѣмъ тѣмъ, которые плотію и духомъ соединены между собою во всякой заповѣди Его, всецѣло исполнены благодати Божіей и очистились отъ всякой чуждой примѣси, желаю величайшей и непорочной радости о Христѣ Іисусѣ, Богѣ нашемъ» (*).

Такъ писалъ нѣкогда епископъ антіохійскій Церкви римской. И, конечно, достойна тогда была она такихъ возвышенныхъ похвалъ, такой пламенной любви! И благоговѣйно и покорно внимала она словамъ антіохійскаго святителя, не опасаясь чрезъ то унизить мнимое первенство римской каѳедры. Слав-

(*) Считаю нужнымъ напомнить, что мѣста изъ посланій св. Игнатія Богоносца, я привожу исключительно по изданію ихъ, напечатанному въ Тибингенѣ профессоромъ Гефеле, стараясь, какъ можно ближе, держаться греческаго текста Желающіе могутъ всегда повѣрить нашъ переводъ съ подлинникомъ по этому изданію.

ное и блаженное, хотя и тяжкое, было это время для Церкви христіанской! Едва успокоилась она послѣ страшныхъ казней и гоненій отъ Нерона и Домиціана, какъ снова подверглась преслѣдованію отъ фанатическихъ намѣстниковъ Траяна. Ученикъ св. Апостоловъ, знаменитый жизнію и ученіемъ, епископъ антіохійскій, подъ стражею и въ узахъ, веденъ былъ въ Римъ, гдѣ ждалъ его вѣнецъ мученическій!..

Отъ временъ давно минувшихъ перенесемся мыслію къ нынѣшнему времени и посмотримъ на теперешній Римъ и Антіохію... Что же видимъ? На обагренномъ христіанскою кровію тронѣ кесарей римскихъ сидитъ не кто другой, какъ епископъ римскій, и во всѣ страны свѣта шлетъ двумъ стамъ милліонамъ духовныхъ чадъ своихъ то благословенія,—то проклятія! Какое величіе, какая слава, какой хвалебный шумъ окружаютъ каѳедру преемника св. Петра!

А что въ Антіохіи? Увы! Епископы антіохійскіе, вмѣстѣ съ каѳедрою св. Игнатія, наслѣдовали и узы его, и страданія, и уничиженіе. Истинно, они могутъ сказать теперь западнымъ своимъ собратіямъ словами св. Апостола Павла: *мы убо буіи Христа ради, вы же мудри* (но не) *о Христѣ; мы немощны, вы же крѣпцы; вы славни, мы же бесчестни. До нынѣшняго часа и алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ, и страждемъ, и скитаемся,... укоряеми,... гоними,... хулими,... яко отреби міру быхомъ, всѣмъ поганіе доселѣ* (1 Кор. 4, 10—13).

Отъ чего же Церковь римская, нѣкогда первенствовавшая въ любви, не спѣшитъ на помощь страждущимъ своимъ восточнымъ братіямъ? Отъ чего, распоряжаясь огромными средствами могущества и вліянія, она не употребитъ ихъ на избавленіе антіохійскаго и другихъ восточныхъ епископовъ отъ звѣрскаго тиранства служителей лже-пророка, какъ нѣкогда хотѣла она и была готова избавить св. Игнатія отъ звѣриныхъ челюстей?.. Увы! римская Церковь теперь не имѣетъ

не только любви, но и малѣйшаго состраданія къ бывшимъ своимъ собратіямъ, законнымъ преемникамъ и единонравнымъ сослужителямъ Апостола Петра и святителя Игнатія! Мало того: она сама увеличиваетъ бѣдствія христіанъ восточныхъ; она поддерживаетъ, раздражаетъ, наущаетъ противъ нихъ неистовую ярость мучителей. Вотъ какъ теперь она измѣнилась! Вотъ какъ далека она не только временемъ, но и нравами отъ временъ мужей Апостольскихъ!

Гдѣ же кроется причина такой перемѣны? Что произвело плачевнѣйшій разрывъ между Римомъ и Антіохіею, между Западомъ и Востокомъ? Конечно, прежде всего, виновникъ этого діаволъ; онъ человѣкоубійца искони и всегда сѣялъ плевелы на нивѣ небеснаго Домовладыки. Но какъ? Какимъ способомъ, чрезъ какія орудія и средства? О, у него есть самое вѣрное средство, самая тонкая политика, которой онъ научилъ многомощныхъ предшественниковъ папы (не по каѳедрѣ, а по трону), и которой слѣдовали часто и сами преемники рыбаря; эта политика выражается словами. divide et impera, «ссорь — и властвуй.» Діаволъ возбудилъ ссору и раздѣленіе между двумя единомысленными сестрами, чтобы дѣлать зло обѣимъ. А отъ чего главнымъ образомъ произошла ссора? Отъ властолюбія. «Ничто, говоритъ вселенскій учитель—св. Іоаннъ Златоустъ,—ничто не приноситъ такого вреда человеческому роду, какъ пренебреженіе дружескихъ отношеній и малая заботливость о сохраненіи ихъ; и опять—ничто не можетъ дать такого хорошаго направленія жизни, какъ стараніе поддержать ихъ всѣми силами. Вслѣдствіе того, что люди не любятъ братьевъ своихъ, они завидуютъ тѣмъ, которые пользуются уваженіемъ; между тѣмъ, отъ зависти происходитъ властолюбіе, а отъ властолюбія проистекаютъ ереси (раздѣленія) (*).» Властолюбіе всегда и вездѣ гибельно, но особенно тамъ, гдѣ оно прикры-

(*) На 1-е посл къ Тимоѳ. бесѣда 2-я.

вается священною мантіею вѣры и гдѣ достигаетъ такихъ ужасающихъ размѣровъ, какъ въ лицѣ римскаго понтифекса. Не желая, въ гордости своей, признать справедливыми тѣ упреки, которые дѣлали ему восточные его собратія, онъ объявилъ себя одного непогрѣшимымъ, попралъ ногами судъ и власть вселенской Церкви и дерзновенною рукою присвоилъ себѣ права и преимущества самаго Бога.

Неужели же никогда не истребится такое, не только не христіанское, но даже и не человѣческое, превозношеніе, — этотъ злѣйшій врагъ христіанскаго братолюбія и единодушія? Неужели никогда не возвратятся къ намъ эти древнія времена, времена св. Игнатія, лучшею, свѣтлою ихъ стороною? Неужели не наступитъ когда нибудь пора, когда мы, чада св. восточной Церкви, будемъ писать и говорить, на примѣръ, такъ: «блаженный и святѣйшій Пій X, или Григорій XVII, (а всего лучше—просто Пій, или Григорій, безъ особаго нумера), патріархъ древняго Рима?» Неужели не придетъ то время, когда мы, съ братскою любовію, будемъ называть римскую Церковь—православною, а ея чада—нашу—каѳолическою, когда во всемъ мірѣ будетъ одна православная и истинно—каѳолическая Церковь?.. Мы такъ вѣримъ въ могущество истины, такъ убѣждены въ несокрушимой силѣ православія, такъ уповаемъ на благость Всевышняго, что *вѣруемъ* и потому *глаголемъ*: время это будетъ. Но когда? это извѣстно одному Богу. Мы только можемъ молиться объ этомъ, и, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать раскрытію и торжеству истины.

Первый и очивидный признакъ лжи состоитъ въ томъ, что она, какъ змѣя, не любитъ прямыхъ путей, но изгибается и скользитъ, принимаетъ разныя направленія и извороты, чтобы избѣжать удара и уязвить, выпустивъ ядъ. Мы видѣли, какъ паписты, въ своихъ умствованіяхъ о всегдашнемъ главенствѣ папы, опираются на то обстоятельство, что епископъ римскій (а можетъ быть, даже и не епископъ), отъ лица всей своей

Церкви, писалъ посланіе въ Коринѳъ; ясно, говорятъ паписты, что коринѳская Церковь зависѣла отъ римской. Но вотъ теперь мы видимъ, что епископъ антіохійскій, отъ собственнаго своего лица, пишетъ посланіе въ Римъ, всей Церкви римской, даже и не упоминая объ ея епископѣ, на достоинствѣ котораго, какъ преемника св. Петра, опирается преимущественное достоинство римской Церкви, — пишетъ, хотя смиренно и съ любовію, но и съ нѣкоторою властію,—пишетъ для того именно, чтобы умѣрить нѣсколько благоговѣйное уваженіе и чрезмѣрную преданность къ нему римскихъ христіанъ. Что же вы думаете? Защитники папства смѣшаются отъ этого? Нѣтъ, у нихъ на все есть снаровка. Изъ посланія св. Климента они приводятъ въ свою пользу—только одно существованіе посланія, не касаясь ни однимъ словомъ его содержанія. А изъ посланія св. Игнатія берутъ одно заглавіе, или привѣтствіе, — которое мы выписали въ началѣ этого письма,— и болѣе ничего. Но какъ же? спроситъ русскій читатель, въ этомъ привѣтствіи, кажется, нѣтъ ничего, что могло бы благопріятствовать теоріи папства. Конечно, нѣтъ; но вспомните, читатель, что св. Игнатій писалъ по-гречески. А развѣ многіе знаютъ по-гречески? Особенно же, развѣ русскіе свѣтскіе юноши и женщины учатся хорошо понимать подлинный языкъ Новаго Завѣта и большей части св. Отцевъ? А изъ своихъ, если которые и знаютъ по-гречески, не будутъ возражать и справляться съ подлинникомъ; чтожъ за бѣда, если его передѣлать, да понагнуть немного на свою сторону? Дѣйствительно, русскому, честному человѣку нельзя безъ удивленія смотрѣть, какъ паписты коверкаютъ и ломаютъ греческій текстъ святоотеческихъ писаній, когда это имъ нужно. Такъ, напримѣръ, извѣстный и плодовитѣйшій французскій писатель, аббатъ Жнудъ (Genoude) переводитъ приведенное нами выше начало посланія св. Игнатія къ римлянамъ слѣдующимъ образомъ: «Игнатій, прозванный Богоносцемъ, сей Церкви, богатой милостями

отъ величія Всевышняго и Его Единственнаго Сына, сей Церкви, возлюбленной, блестящей свѣтомъ, по волѣ Того, кто хочетъ всего согласнаго съ любовію Іисуса Христа, Бога нашей; сей Церкви, которая *повелѣваетъ* всѣми другими, находясь въ столицѣ римской имперіи; Церкви столь достойной Бога, столь прекрасной, справедливо названной счастливою, въ которой порядокъ такой удивительный, добродѣтели такъ чисты, любовь такъ совершенна; хранительницѣ закона Іисусъ-Христова, украшенной именемъ Церкви Отца» и проч. (*). Мы не обратили бы особеннаго вниманія на неточность и крайнюю произвольность перевода, если бы въ этомъ только видѣли ошибку и невѣжество переводчика. Нѣтъ, здѣсь было преднамѣренное искаженіе текста, потому что даже въ латинскомъ переводѣ (а могъ ли аббатъ не знать латинскаго языка?), печатаемомъ обыкновенно вмѣстѣ (en regard) съ греческимъ, смыслъ совсѣмъ не тотъ, какой придуманъ французскимъ переводчикомъ. Въ греческомъ подлинникѣ сказано, что римская Церковь *предсѣдательствуетъ* (προκάθηται), а у аббата Жнуда: *повелѣваетъ*, командуетъ. Св. Игнатій говоритъ, что Церковь римская предсѣдательствуетъ въ предѣлахъ, или на мѣстѣ страны римлянъ (ἐν τόπῳ χωρίου Ρωμαίων), то есть, въ Италіи; а Жнудъ увѣряетъ, что она командуетъ всѣми другими (находясь) въ столицѣ римской имперіи. На такой произволъ не отважился даже отважнѣйшій Перроне; онъ довольно правильно переводитъ эти слова такъ: quae praesidet in loco Romanae regionis, то есть, которая предсѣдательствуетъ на мѣстѣ (въ извѣстномъ мѣстѣ, въ извѣстныхъ предѣлахъ) страны римской. Въ этомъ видѣ слова св. Игнатія не только

(*) Le Pères de l'Eglise, traduits en français Tom. I, pag. 270. A cette Eglise, qui commande à tous les autres dans la capitale de l'empire romain, Eglise si digne de Dieu, si belle, appelée heureuse a si juste titre, dont l'ordre est si admirable, les vertus si pures, la charitée si parfaite! depositaire de la loi de Jesus Christ.

не благопріятствуютъ папистамъ, но и разрушаютъ всю ихъ теорію—ясно и рѣшительно. Епископъ Падеборнскій, Конрадъ Мартинъ, о которомъ мы упомянули въ предъидущемъ письмѣ, ухватился еще за одно выраженіе, какъ утопающій за соломенку. Св. Игнатій называетъ римскую Церковь предсѣдательствующею, или первенствующею въ любви (προκαθημένη τῆς ἀγάπης.). А ученый прелатъ увѣряетъ, что это значитъ: предстоятельница, основаннаго на любви, союза всего христіанства (*). Если бы эти слова слѣдовало понимать такъ; то аббатъ Жнудъ и Перроне не опустили бы случая воспользоваться ими: а между тѣмъ первый переводитъ просто: любовь которой такъ совершенна», а второй совсѣмъ не ссылается на это мѣсто. Но кто же не понимаетъ, что св. Игнатій въ приведенныхъ словахъ хвалитъ христіанскихъ жителей Рима (имѣвшихъ всѣ средства въ богатой столицѣ пріобрѣсть нѣкоторый достатокъ) за благотворительность братіямъ?..

Прошу извиненія у моихъ читателей, что испытываю ихъ терпѣніе и вниманіе такими сухими филологическими изслѣдованіями. Но чтоже дѣлать? *нужда ми належитъ*; я долженъ былъ дать папистамъ урокъ не только изъ богословія, но и изъ филологіи. За то теперь обѣщаюсь оставить въ покоѣ не только филологію, но пока—и папистовъ, съ ихъ хитростями и обманами. Приглашаю моихъ православныхъ читатетей освѣжить свою душу въ чистѣйшемъ источникѣ, усладить ее чудными ароматами, напитать нетлѣнною и обильною пищею. Этотъ источникъ, эти ароматы, эта пища—творенія св. Игнатія Богоносца, мужа Апостольскаго. Справедливо можно поставить эти творенія, по достоинству и важности, непосредственно послѣ св. Писанія: такъ все дышетъ въ нихъ истиною, высокою простотою, вдохновеніемъ.

Посланія св. Игнатія Богоносца заключаютъ въ себѣ богатую

(*) См. loco citato.

сокровищницу всякаго рода мыслей, догматическихъ и нравственныхъ. Но съ особенною ясностію, полнотою и выразительностію изложено въ нихъ ученіе о Церкви и церковной іерархіи. Для нашей частной цѣли—обличенія папистическихъ понятій о Церкви, было бы лучше сдѣлать систематическій сводъ различныхъ мѣстъ изъ посланій св. Игнатія, гдѣ говорится о Церкви, какъ и сдѣлалъ это (хотя и съ другою цѣлію) Мелеръ въ своей Патрологіи (стр. 135—144). Но я имѣю въ виду не только полемику съ папистами, но и назиданіе православныхъ. И потому думаю, что русскіе читатели не посѣтуютъ на меня, если, вмѣсто сухаго систематическаго изложенія, гдѣ многое въ подлинникѣ пришлось бы сокращать, а иное говорить отъ себя, — я представлю имъ извлеченіе изъ посланій св. Игнатія,—изъ каждаго по порядку,—всего особенно замѣчательнаго, что относится къ нашей цѣли.

Св. Игнатій писалъ свои посланія во время своего путешествія въ Римъ, гдѣ предстоялъ ему подвигъ мученическій. Благоговѣйное уваженіе къ очевидцу и непосредственному ученику св. Апостоловъ, слава о высокой христіанской жизни и самоотверженіи св. Игнатія были причиною, что его съ высочайшимъ уваженіемъ встрѣчали вѣрные не только тѣхъ городовъ, чрезъ которые лежалъ ему путь, но и изъ окрестныхъ и дальнихъ мѣстъ присылали къ нему, для встрѣчи и услугъ, избранныхъ людей: діаконовъ и пресвитеровъ, а иногда приходили къ нему и сами епископы Церквей. Тронутый такимъ всеобщимъ вниманіемъ и любовію, святитель благодарилъ вѣрныхъ краткими, но прекрасными посланіями, которыя и отправлялъ къ нимъ, большею частію, съ присланными отъ нихъ же людьми. Услышавъ объ узничествѣ и путешествіи св. Игнатія, жители Ефеса послали на встрѣчу ему, въ Смирну, епископа Онисима, діакона Бурба и нѣкоторыхъ другихъ. Потому первое свое посланіе св. Игнатій пишетъ Ефесянамъ. Послѣ возвышенныхъ и трогательныхъ похвалъ всей ефесской Церкви

и въ особенности ея епископу, святитель предлагаетъ имъ нѣкоторыя наставленія, которыя должны были имѣть тѣмъ большую силу и важность для Ефесянъ (какъ и теперь для всѣхъ христіанъ), что они исходили изъ устъ мужа Апостольскаго, мужа знаменитаго и святаго, готовившагося запечатлѣть истину своей вѣры собственною кровію; слѣдовательно въ этихъ наставленіяхъ не могло быть и тѣни лжи, притворства и обмана; въ нихъ все дышетъ искренностію и высокою правдою.

«Не повелѣваю вамъ, пишетъ св. Игнатій Ефесянамъ, какъ будто я былъ кто-нибудь особенный. Ибо хоть я и связанъ за имя Христово; но еще не совершенъ въ Іисусѣ Христѣ. Теперь только я начинаю учиться и говорю съ вами, какъ съ сучениками моими. Мнѣ надлежало бы отъ васъ получить утвержденіе въ вѣрѣ, разумѣніи, терпѣніи, великодушіи. Но такъ какъ любовь моя не позволяетъ мнѣ молчать о васъ: то я предпринялъ умолять васъ, чтобы вы были такъ согласны съ волею Божіею, какъ Іисусъ Христосъ, — нераздѣльная жизнь наша, есть воля (γνώμη, мысль) Бога—Отца и какъ епископы, поставленные во всѣхъ концахъ земли, состоятъ въ волѣ Іисуса Христа (то есть, чтобы вы также были единодушны въ вѣрѣ и исполненіи заповѣдей Божіихъ, какъ Іисусъ Христосъ есть едино съ Богомъ Отцемъ и какъ епископы соединены съ Іисусомъ Христомъ). Посему и вамъ надобно быть единодушными съ епископомъ, — что вы и дѣлаете. Ибо ваше достославное пресвитерство, достойное Бога, такъ согласуется во всемъ съ епископомъ, какъ струны въ гусляхъ. Посему въ вашемъ единомысліи и согласной любви воспѣвается Іисусъ Христосъ. И вы другъ съ другомъ составляйте хоръ, такъ, чтобы, стройные своимъ единодушіемъ, начавши согласно пѣснь Божію, воспѣли вы Богу—Отцу чрезъ Іисуса Христа, чтобы и Онъ услышалъ васъ и по дѣламъ вашимъ узналъ въ васъ членовъ Сына Своего. Итакъ полезно вамъ быть въ полномъ единеніи между собою, чтобы имѣть

всегда общеніе съ Богомъ. Если я въ короткое время вошелъ съ епископомъ вашимъ въ такое дружество,—не человѣческое, но духовное; то во сколько разъ блаженнѣе, какъ думаю, вы, соединенные съ нимъ такъ тѣсно, какъ Церковь съ Іисусомъ Христомъ, и какъ Іисусъ Христосъ — съ Отцемъ, чтобы все было стройно въ единеніи. Никто пусть не обманывается: кто не внутри святилища, тотъ лишенъ хлѣба Божія. Ибо если молитва одного или двоихъ имѣетъ такую силу; то во сколько разъ болѣе—молитва епископа и всей Церкви! Итакъ, кто не приходитъ въ собраніе, тотъ уже возгордился и осудилъ самаго себя; ибо написано: *Богъ гордымъ противится* (Петр. 5, 5). Посему потщимся находиться въ подчиненіи у епископа, чтобы быть въ подчиненіи у Бога. А если кто видитъ епископа своего молчаливымъ, тихимъ; то тѣмъ болѣе долженъ благоговѣть предъ нимъ. Ибо всякаго, кого ни пошлетъ Домовладыка управлять своимъ домомъ, мы должны принимать такъ, какъ бы приняли самого Пославшаго. Итакъ очевидно, что на епископа надобно смотрѣть, какъ на Самого Господа.»

Пусть паписты, по чистой совѣсти, скажутъ: есть ли въ этихъ словахъ священномученика что нибудь, благопріятствующее ихъ мнѣніямъ? Св. Игнатій учитъ, что всѣ епископы, поставленные въ разныхъ странахъ свѣта, соединены съ Іисусомъ Христомъ и состоятъ въ Его волѣ. О подчиненности ихъ одному изъ нихъ, о главенствѣ папы—ни одного слова, ни одного намека. Если бы Господь Іисусъ Христосъ, дѣйствительно, какъ увѣряютъ паписты, назначилъ одного изъ Апостоловъ и ихъ преемниковъ Своимъ намѣстникомъ, главою Церкви, источникомъ всякой власти и благодати, центромъ единства; то не могъ не знать этого Богоносецъ, ученикъ и подражатель св. Апостоловъ, ближайшій преемникъ св. Петра; не могъ утаить этого пламенный ревнитель церковнаго единства.

Св. Игнатій написалъ слѣдующія слова въ посланіи къ Магнезіанамъ:

«Зная вашу благоустроеннѣйшую любовь къ Богу, я, ликуя, рѣшился бесѣдовать съ вами духомъ, исполненнымъ вѣры въ Іисуса Христа. Ибо удостоившись боголѣпнѣйшаго имени, въ узахъ, которыя ношу, я хвалю Церкви, которымъ молю у Бога единенія въ плоти и духѣ Іисуса Христа,—всеобщей жизни нашей, единенія въ вѣрѣ и любви, которой нѣтъ ничего выше; а главнымъ образомъ желаю вамъ единенія со Іисусомъ и Богомъ Отцемъ, въ которомъ мы, преодолѣвъ всякое нападеніе князя вѣка сего и избѣжавъ его, достигнемъ Бога. Итакъ я удостоился видѣть васъ въ лицѣ богодостойнаго вашего епископа Дамаса и достойныхъ пресвитеровъ вашихъ Васса и Аполлонія и сораба моего діакона Сотіона, котораго я желалъ бы имѣть своимъ, потому что онъ повинуется епископу, какъ благодати Божіей, и пресвитерству, какъ закону Іисуса Христа. И вамъ не должно обращаться непочтительно съ епископомъ, по причинѣ его возраста (юнаго). Но изъ благоговѣнія къ могуществу Бога-Отца (Которымъ возведенъ онъ въ санъ епископа), должно оказывать ему всякое уваженіе (такъ и поступаютъ, сколько мнѣ извѣстно, ваши священные пресвитеры), не злоупотребляя кажущеюся его молодостію, но, какъ мудрые о Богѣ, уступая ему. Не ему повинуетесь вы, а Отцу Іисуса Христа, Епископу надъ всѣми. Итакъ въ честь Того, Который возлюбилъ насъ, должно повиноваться (епископу) безъ всякаго лицемѣрія. Ибо не его, видимаго епископа, сталъ бы обманывать кто нибудь, но солгалъ бы предъ Невидимымъ. Онъ дастъ отвѣтъ не предъ плотію (не предъ человѣкомъ), но предъ Богомъ, Который видитъ сокровенное». Какой приличный случай былъ здѣсь св. Игнатію раскрыть ученіе о епископѣ епископовъ—римскомъ епископѣ! Но ясно, что не зналъ этого ученія Богоносецъ и почиталъ верховнымъ епископомъ надъ всѣми—одного Бога.

Съ сожалѣніемъ опуская другія, столь же прекрасныя и выразительныя мѣста о томъ же предметѣ, находящіяся въ по-

сланіи къ Могнезіанамъ, переходимъ къ третьему посланію св. Игнатія, посланному также изъ Смирны—Трал.іанамъ. Поливій, епископъ асійскаго города Траллъ, прибылъ въ Смирну, чтобы привѣтствовать священномученика, отъ лица всей своей Церкви. Похваливъ его, св. Игнатій обращается съ похвалами къ его пасомымъ. «Когда вы повинуетесь епископу, какъ бы Іисусу Христу; то вы представляетесь мнѣ живущими не по человѣческому обычаю, а по ученію Іисуса Христа, умершаго за насъ, чтобъ вы, увѣровавъ въ смерть Его, избѣжали смерти. Итакъ необходимо для васъ ничего не дѣлать безъ епископа, какъ вы и поступаете. Но повиноваться надобно и пресвитерству, какъ Апостоламъ Іисуса Христа—надежды нашей, въ Которомъ да обрящемся живущими. Должно всячески угождать также и діаконамъ — служителямъ таинъ Іисуса Христа, ибо они не служители брашенъ и питій, но приставники Церкви Божіей. Всѣ пусть почитаютъ діаконовъ, какъ заповѣдь Іисуса Христа, а епископа, какъ самаго Іисуса Христа, Сына Бога-Отца, и пресвитеровъ, какъ соборъ Божій, какъ союзъ Апостоловъ. Безъ нихъ общество людей не называется Церковію.» Прочитавши эти слова, я припомнилъ ваше, любезный соотечественникъ мой, замѣчаніе, по поводу книги высокопреосвященнаго Григорія. По вашему мнѣнію, Церковь, хотя бы и православная, не есть Церковь истинная, если состоитъ изъ однихъ епископовъ,—безъ папы. Не угодно ли вамъ теперь обратиться съ вашимъ замѣчаніемъ — не къ намъ, а къ св. Игнатію Богоносцу?...

Въ посланіи къ римлянамъ св. Игнатій обращается къ нимъ съ слѣдующею прозьбою: «поминайте въ молитвѣ Сирскую Церковь, которая теперь, вмѣсто меня, имѣетъ пастыремъ Бога. Одинъ Іисусъ Христосъ будетъ епископствовать въ ней— и ваша любовь.» Замѣтимъ здѣсь, что съ тою же прозьбою обращается св. Игнатій и къ Магнезіанамъ; «поминайте меня въ молитвахъ вашихъ, чтобы я достигъ Бога, и Церковь Сир-

скую..., чтобы она удостоилась ороситься чрезъ вашу Церковь» (гл. 14).

Посланіе къ Филадельфійцамъ написано св. Игнатіемъ уже въ Троадѣ, откуда надлежало ему отправиться въ Европу моремъ. Въ началѣ посланія, онъ, по обыкновенію, хвалитъ епископа филадельфійскаго, потомъ обращается къ паствѣ его: «Итакъ, чада свѣта и истины, бѣгайте раздѣленія и вредныхъ ученій; но гдѣ пастырь, туда стекайтесь, какъ овцы.... Воздерживайтесь отъ злыхъ плевелъ, которыхъ не воздѣлываетъ Іисусъ Христосъ, ибо они не насажденіе Отца. Не потому говорю это, что какъ будто я нашелъ у васъ раздѣленіе; нѣтъ, я нашелъ васъ чистыми. Тѣ, которые принадлежатъ Богу и Іисусу Христу,—тѣ съ епископомъ; и которые, раскаявшись, возвратятся къ единенію съ Церковію — и тѣ будутъ Божіи, чтобы жить по волѣ Іисуса Христа. Не обольщайтесь, братія,— кто послѣдуетъ за раскольникомъ, тотъ не наслѣдуетъ царствія Божія. Кто слѣдуетъ чужому ученію, тотъ не участвуетъ въ страданіи (Господа, слѣдовательно и въ плодахъ его). Итакъ старайтесь участвовать въ одной Евхаристіи; ибо одна плоть Іисуса Христа и одна чаша въ общеніе крови Его, одинъ жертвенникъ, какъ одинъ епископъ, вмѣстѣ съ пресвитерствомъ и діаконами, сорабами моими; все, что ни дѣлаете, дѣлайте о Богѣ, (согласно съ волею Божіею).... Когда я былъ съ вами вмѣстѣ, то возглашалъ, громкимъ голосомъ говорилъ: повинуйтесь епископу и пресвитерамъ и діаконамъ. Иные подозрѣвали меня, что я будто сказалъ это, предвидя отдѣленіе нѣкоторыхъ. Но свидѣтель мнѣ Тотъ, за Котораго я въ узахъ, что не отъ плоти человѣческой узналъ я объ этомъ; но Духъ возвѣстилъ мнѣ, говоря: безъ воли епископа ничего не дѣлайте, берегите плоть вашу, какъ храмъ Божій, любите единеніе, бѣгайте раздѣленія, подражайте Іисусу Христу, какъ Онъ — Отцу Своему.» Въ заключеніе посланія, св. Игнатій умоляетъ филадельфійцевъ принять участіе въ избраніи и рукоположеніи

епископа для осиротѣвшей Церкви антіохійской. «Подобаетъ вамъ, какъ Церкви Божіей, рукоположить служителя, для служенія тамъ (въ Антіохіи) службы Божіей, чтобы онъ возрадовался съ вѣрными, собранными воедино, и прославлялъ имя Божіе.» Итакъ вотъ какъ совершалось въ древней Церкви избраніе и рукоположеніе во епископа одной изъ главнѣйшихъ на востокѣ Церквей — Церкви антіохійской! Мы желали бы, чтобы какой-нибудь Перроне доказалъ намъ, что при этомъ необходимо было требовать согласія и утвержденія папы!

Въ Смирнѣ св. Игнатій встрѣтилъ всеобщую къ нему любовь и уваженіе вѣрныхъ; въ Смирнѣ встрѣтилъ онъ достойнаго и равнаго себѣ соепископа,—св. Поликарпа, бывшаго ученикомъ св. Іоанна Богослова. Могло ли, исполненное любви, богоблагодатное сердце св. Игнатія забыть жителей Смирны, послѣ разлуки съ ними? Нѣтъ, онъ написалъ имъ два посланія: одно ко всѣмъ вѣрнымъ, къ цѣлой Церкви смирнской, а другое—къ епископу ея (уже не задолго до отправленія изъ Троады въ дальнѣйшій путь)—св. Поликарпу. Въ посланіи къ смирнской Церкви, св. Игнатій называетъ ее «Церковію Бога Отца и возлюбленнаго Іисуса Христа, ущедренною всякимъ дарованіемъ, исполненною вѣры и любви, не лишенною ни одного благодатнаго дара, угоднѣйшею Богу и свѣтоносною.» Похваливъ смирнскихъ христіанъ за ихъ твердость въ храненіи православнаго ученія о воплощеніи, страданіи и воскресеніи Господа Іисуса Христа, также о св. Евхаристіи, св. Игнатій предостерегаетъ ихъ отъ лжеучителей и раскольниковъ, съ которыми совѣтуетъ имъ не только не имѣть общенія, но избѣгать даже встрѣчи, а только молиться Богу о ихъ обращеніи. «Бѣгайте раздѣленій, какъ начала золъ. Всѣ повинуйтесь епископу, какъ Іисусъ Христосъ—Отцу, а пресвитерству, какъ Апостоламъ. Діаконовъ же уважайте, какъ заповѣдь Божію. Отдѣльно отъ епископа никто не долженъ дѣлать ничего, относящагося къ Церкви. Только ту Евхари-

стію надобно почитать дѣйствительною, которая совершена епископомъ, или кому онъ поручитъ. Гдѣ является епископъ, тамъ да будетъ и народъ; такъ точно какъ, гдѣ Іисусъ Христосъ, тамъ и Каѳолическая Церковь. Не позволительно, безъ епископа, ни крестить, ни совершать вечерю любви; но что онъ одобритъ, то и Богу угодно, чтобы твердо и дѣйствительно было все, что у васъ совершается. Хорошее дѣло—почитать Бога и епископа. Кто почитаетъ епископа, тотъ почтенъ отъ Бога. Кто дѣлаетъ что нибудь тайно отъ епископа, тотъ служитъ діаволу.» Въ концѣ посланія, св. Игнатій проситъ смирнскую Церковь послать достойнаго человѣка въ Антіохію, чтобы привѣтсвовать тамошнюю Церковь съ водвореніемъ въ ней мира и спокойствія, послѣ недавняго гоненія.

Чрезвычайно назидательно посланіе св. Игнатія къ св. Поликарпу. Въ немъ даетъ онъ прекрасныя наставленія, какъ пастырю, такъ и пасомымъ. «Игнатій Богоносецъ Поликарпу, епископу Церкви смирнской, лучше же: епископствованному отъ (наблюдателю, состоящему подъ наблюденіемъ) Бога—Отца и Господа Іисуса Христа,—премного желаетъ радоваться.» Такъ начинается посланіе. Если бы мы захотѣли выписать изъ него замѣчательныя мѣста; то должны были бы привести его—все. «Стой твердо, какъ наковальня, по которой бьютъ. Великому атлету свойственно принимать удары—и побѣждать. Особенно же для Бога мы должны все терпѣть, чтобъ и Онъ потерпѣлъ насъ. Изучай времена» (то есть наблюдай за потребностями и обстоятельствами времени). Сестрамъ моимъ (христіанскимъ женамъ) внушай, чтобъ они любили Господа и были довольны сожителями своими, подуху и плоти. Также и братіямъ моимъ заповѣдуй именемъ Господа Іисуса Христа, чтобъ они любили своихъ сожительницъ, какъ Христосъ—Церковь. Если кто можетъ пребывать въ чистотѣ (дѣвства), въ честь плоти Господа, пусть пребываетъ—со смиреніемъ. Если же будетъ тщеславиться, то погибъ. А если (сверхъ того) будетъ считать

себя выше епископа; то растлѣлся. Подобаетъ же тѣмъ, которые женятся и которыя выходятъ за мужъ, вступать въ союзъ съ соизволенія епископа, чтобы бракъ былъ по Богу (согласно съ волею и установленіемъ Божіимъ), а не по страсти. Внимайте епископу, чтобы и Богъ внялъ вамъ». Наконецъ, св. Игнатій проситъ св. Поликарпа послать особеннаго человѣка въ Антіохію и написать посланія ко всѣмъ извѣстнымъ ему Церквамъ, къ которымъ самъ Богоносецъ не успѣлъ написать, по причинѣ поспѣшнаго отъѣзда въ Италію.

Ненужно быть ученымъ систематикомъ, чтобы, на основаніи приведенныхъ нами мѣстъ изъ семи посланій св. Игнатія, изложить вообще ученіе его о Церкви и церковной іерархіи. Мы представляемъ этотъ легкій трудъ самимъ читателямъ. Пусть сообразятъ они всѣ изреченія св. Игнатія, и тогда увидятъ, какъ согласно ученіе Богоносца съ непреложнымъ ученіемъ слова Божія, какъ вѣрна Православная Церковь тому и другому, какъ мало благопріятствуетъ ученіе мужа апостольскаго притязаніямъ римской каѳедры, и какъ противоположно умствованіямъ протестантовъ и раскольниковъ.

Теперь естественно спросить: отъ чего же ясныя, выразительныя слова такого великаго и святаго мужа, непосредственнаго ученика Апостоловъ и мученика за истину, такъ мало оказываютъ вліянія на тѣхъ, мнѣнія которыхъ несогласны съ его ученіемъ,—такъ мало дѣйствуютъ на папистовъ и протестантовъ? Но мы уже видѣли, какъ искусны паписты въ изобрѣтеніи своихъ доказательствъ; какъ безстыдно пользуются какимъ-нибудь словомъ, какимъ-нибудь намекомъ, чтобы прикрѣпить къ этому слову, этому намеку свою средневѣковую, фантастическую теорію папства. Такъ поступилъ и многоучёный, довольно правдивый въ другихъ случаяхъ, Мёлеръ. Весьма хорошо изложивши ученіе св. Игнатія о Церкви, ученый папистъ присоединилъ къ нему свое мнѣніе о главенствѣ папы и подтвердилъ свое мнѣніе,—чѣмъ? единственно тѣмъ,

что св. Игнатій назвалъ римскую Церковь *первенствующею въ любви*. Мы уже говорили, какъ надобно понимать эти слова Богоносца. Но если бы допустить и то значеніе, какое даютъ имъ нѣкоторые паписты; то и тогда въ нихъ не заключалось бы ничего благопріятствующаго ихъ мнѣнію. Вѣдь, по ихъ же ученію, не римская Церковь, какъ частная Церковь, заключаетъ въ себѣ преимущество непогрѣшимости и безпрекословной власти надъ всѣми, а папа, какъ преемникъ Петра и намѣстникъ Іисуса Христа. Папы не рѣдко были изгоняемы, или сами удалялись изъ Рима; нѣсколько дѣсятилѣтій жили они въ Авиньонѣ; однакожъ не отказывались отъ притязаній на вселенское главенство. Перроне увѣряетъ (*), что папа можетъ перенесть свою каѳедру не только въ Миланъ, или Вѣну, но даже въ Берлинъ, или Петербургъ,—и остаться папою, главою Церкви. Слѣдовательно римская Церковь, безъ папы, ничего не значитъ; а о папѣ св. Игнатій не говоритъ ни слова.

А что сказать о протестантахъ? Почему не убѣждаются словами св. Игнатія даже тѣ изъ нихъ, которые считаютъ свою Церковь устроенною по образцу Церкви апостольской и во всемъ съ нею согласною? Но протестанты еще менѣе, чѣмъ паписты, стѣсняются священными авторитетами. Могутъ ли же они питать такое же уваженіе къ посланіямъ св. Игнатія, какое всегда оказывала имъ Православная Церковь? Нѣтъ; протестантскіе ученые не только отвергли авторитетъ мужа апостольскаго, но и старались опровергнуть подлинность его твореній. Разскажемъ въ нѣсколькихъ словахъ исторію споровъ объ этомъ предметѣ: она весьма поучительна.

Подлинность разсмотрѣнныхъ нами посланій св. Игнатія доказывается многими неопровержимыми свидѣтельствами древнихъ Отцевъ и писателей Церкви. Объ нихъ говорятъ: св.

(*) Praelectiones theolog. T. 2, pag. 312. § 601.

Поликарпъ, современникъ и другъ св. Игнатія, св. Ириней, ученикъ св. Поликарпа, Оригенъ, Евсевій, который исчисляетъ всѣ семь подлинныхъ посланій (Церк. Ист. кн. 3, гл. 34), Іеронимъ, который повторяетъ слова Евсевія, св. Аѳанасій Великій, св. Іоаннъ Златоустъ, Ѳеодоритъ и другіе. До шестьнадцатаго вѣка, никто, ни на Востокѣ, ни на Западѣ, не сомнѣвался, что посланія, приписываемыя св. Игнатію Богоносцу, принадлежатъ этому именно мужу апостольскому. Но вотъ явилась реформація, отвергавшая богоучрежденность церковной іерархіи. Съ этого времени начались и до сихъ поръ не прекратились ученые споры между защитниками подлинности посланій св. Игнатія и противниками ея. Послѣдніе, первоначально, имѣли значительный перевѣсъ, въ слѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ. Около шестаго вѣка, кто-то счелъ нужнымъ поновить подлинныя посланія св. Игнатія, дополнить ихъ и украсить. Трудъ этотъ, и безъ того напрасный и неумѣстный, сдѣланъ довольно неискусно. Въ немъ приписываются Богоносцу такія слова, какихъ онъ не могъ сказать; напримѣръ: «пресвитеры, діаконы и прочій клиръ, со всѣмъ народомъ, и воинами, и начальниками и кесаремъ (императоромъ римскимъ) должны повиноваться епископу (Филадельф. гл. 4). Сверхъ того, къ подлиннымъ писаніямъ присоединены еще восемь, явно подложныхъ, не принадлежащихъ св. Игнатію. Вскорѣ послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, изданы были римско-католическими учеными, случайно, или съ намѣреніемъ, — именно подновленныя (interpolatae) посланія св. Игнатія, — вмѣстѣ съ подложными. Послѣдователи реформаціи стали сильно опровергать подлинность этихъ посланій, такъ несогласныхъ съ ихъ ученіемъ. Римско-католики защищались, какъ умѣли. Но вотъ къ нимъ явились помощники, отъ̀куда всего менѣе можно было ожидать ихъ,—изъ самаго лагеря противниковъ ихъ. Исаакъ Фоссъ—въ Амстердамѣ и Яковъ Уссерій—въ Оксфордѣ, оба протестанты, напечатали подлинныя, неповрежденныя посланія

св. Игнатія, пользуясь древнѣйшими списками. Кромѣ того, что въ этихъ спискахъ не было явныхъ несообразностей, на которыя указывали протестанты въ прежнихъ изданіяхъ,—рѣчь священномученика, краткая, сжатая, сильная и простая, громко говорила сама за себя. Побѣда склонилась на сторону защитниковъ подлинности. Но споръ снова возгорѣлся уже въ наше время, въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Когда многіе изъ протестантовъ, увидя шаткость лютеранства и бездонную пропасть раціонализма, захотѣли возвратиться къ вѣрованіямъ и устройству первенствующей Церкви, и потому съ особеннымъ усердіемъ стали изучать писанія мужей апостольскихъ и первыхъ трехъ вѣковъ;—въ то время противники ихъ, приверженцы, такъ называемой, свободы мышленія, начали опровергать подлинность и важность тѣхъ твореній, которыя особенно не нравились имъ. Естественно, что нападенія ихъ всего болѣе устремлены были на посланія св. Игнатія. Въ этомъ отличились особенно: Бауръ, Швеглеръ и Гильгенфельдъ. Но защитниками подлинности посланій явились теперь не одни римско-католики, но и нѣкоторые изъ протестантовъ, какъ-то: Роте, Гуте, Дистердиккъ, Ульгорнъ и другіе. Къ удивленію, на помощь этимъ защитникамъ пришелъ изъ отдаленной древности—язычникъ, не какой-нибудь дикарь, а образованный и знаменитый—Лукіанъ Самосатскій, писатель втораго вѣка. Въ сочиненіи своемъ: «Странникъ», онъ осмѣиваетъ дѣла и ученіе какого то перегрина, въ которомъ не трудно узнать св. Игнатія,—и странное дѣло: то именно, что Бауру казалось несообразнымъ въ посланіяхъ св. Игнатія, это самое возбуждаетъ смѣхъ въ язычникѣ, современникѣ священномученика: его чрезмѣрное смиреніе, мнимая гордость, жажда мученичества, забота о единовѣрцахъ и проч. Стара, конечно, всякая истина; но видно, и заблужденіе не можетъ похвалиться молодостію. Кто могъ ожидать, что профессоръ христіанскаго богословія—и язычникъ, епикурейскій философъ, раздѣленные

между собою XVII-ю вѣками, сойдутся, столкнутся мыслями и первый разобьется о послѣдняго (*)?...

Впрочемъ еще болѣе сильное возраженіе противникамъ подлинности посланій Игнатіевыхъ можно сдѣлать вопросомъ. кто же, по ихъ мнѣнію, и для чего написалъ эти посланія? Бауръ увѣряетъ, что онѣ написаны кѣмъ-то въ Римѣ, въ половинѣ втораго вѣка, для того, чтобы придать особенную важность римской церковной іерархіи. Но остроумный критикъ, весьма изобрѣтательный въ опроверженіяхъ, оказался чрезвычайно близорукимъ въ утвержденіяхъ, въ положительныхъ мнѣніяхъ. Онъ какъ будто забылъ, что въ половинѣ втораго вѣка живъ былъ еще св. Поликарпъ, которому извѣстны были посланія св. Игнатія, какъ и самъ авторъ ихъ, и который писалъ объ нихъ въ посланіи къ Филиппійцамъ. А о подлинности посланія св. Поликарпа свидѣтельствуетъ ученикъ его св. Ириней. Не ужели все это выдумано кѣмъ-то, для чего-то, по мнѣнію Баура? За кого же онъ считаетъ древнихъ писателей и Отцевъ Церкви, которые, какъ знаемъ, были чрезвычайно осторожны въ выборѣ и признаніи даже каноническихъ Писаній? Къ большому стыду германскаго критика, оказывается, что его догадка не имѣетъ даже ни малѣйшаго основанія; потому что именно—въ посланіи къ Римлянамъ нѣтъ ни слова не только о римскомъ епископѣ, но и вообще объ іерархіи. Если бы посланія св. Игнатія были написаны, или передѣланы въ Римѣ, для прославленія римской іерархіи; то сочинитель, или передѣлыватель,

(*) Весь споръ этотъ между новѣйшими учеными изложенъ у Гефеле, въ предисловіи къ его изданію твореній мужей апостольскихъ. Свидѣтельство язычника Лукіана такъ озадачило протестантовъ, что они, кажется, навсегда убѣдились въ подлинности посланій св. Игнатія. Пасторъ Пресансе, въ своей (весьма дѣльной и еще неоконченной) исторіи первыхъ трехъ вѣковъ, говоритъ о св. Игнатіѣ съ величайшимъ уваженіемъ, подлинность его посланій считаетъ дѣломъ рѣшеннымъ (tom. 2, p. 401). Недавно ученая Европа видѣла другой подобный примѣръ. Еврей Сальвадоръ защищалъ подлинность Евангелія, противъ мнимаго христіанина—Страуса.

не опустилъ бы случая сказать о важности римскаго епископа. А случай былъ приличный. Св. Игнатій пишетъ римлянамъ: «не повелѣваю вамъ, какъ Петръ и Павелъ» (гл. 4). Поддѣлыватель прибавилъ бы: «или какъ вашъ епископъ, первенствующій во вселенной, глава Церкви Христовой». Но этого нѣтъ ни въ одномъ спискѣ, ни въ одномъ изданіи. Впрочемъ и между германскими протестантами—раціоналистами нашелся достойный соперникъ Бауру, знаменитый лингвистъ, критикъ, дипломатъ и историкъ — Бунзенъ. Надобно замѣтить, что въ недавнее время изъ Англіи отправлялись на Востокъ цѣлыя экспедиціи, богато снабженныя матеріальными средствами, для поисковъ за древними рукописями. Въ числѣ другихъ добычь, пріобрѣтенныхъ англійскими учеными путешественниками, была древнѣйшая рукопись на сирскомъ языкѣ, въ которой заключался переводъ трехъ посланій св. Игнатія, съ отрывками изъ прочихъ. Какъ ни мало расположенъ былъ Бунзенъ къ ученію св. Игнатія, однакожъ онъ ришился доказать подлинность этихъ трехъ посланій противъ Баура.

Мы считали нужнымъ сказать нѣсколько словъ о германскихъ критикахъ и скептикахъ, хотя они и не возбуждаютъ у насъ особеннаго къ себѣ расположенія и любопытства. Но вотъ недавно явилась на русскомъ языкѣ небольшая брошурка, которая не могла не привлечь къ себѣ нашего вниманія; она имѣетъ такое заглавіе: «О критико-исторической школѣ въ Тюбингенѣ. И. Яфимовича.» Оказывается, что авторъ этой брошурки, человѣкъ свѣтскій, много читалъ нѣмецкихъ книгъ по части исторической критики и что онъ въ восторгѣ отъ Баура и учениковъ его, хотя иногда не соглашается съ нимъ въ выводахъ. Прочитавши внимательно статейку г. Яфимовича, мы пришли къ убѣжденію, которое считаемъ долгомъ высказать автору, и просимъ его не сердиться на насъ за откровенность. Намъ кажется, что авторъ потратилъ напрасно время какъ на изученіе германской богословской критики, такъ и на сочиненіе

своей статейки. Чтобы съ пользою изучать германскихъ богословъ — раціоналистовъ, надобно къ этому приготовиться, надобно изучить сначала положительные источники вѣроученія и исторіи православной Церкви,—чтобы имѣть твердую точку опоры и надежныя орудія. У нашего читателя и почитателя нѣмецкихъ книгъ не видно ни того, ни другаго. Мысли его путаются, противорѣчатъ одна другой, выраженія отличаются крайнею неправильностію и темнотою. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ г. Яфимовичъ о Баурѣ. «Суевѣріе во всѣхъ его формахъ не есть ли подчиненность духа всякой власти, кромѣ власти разума? Ктожъ освободитъ человѣка, какъ не наука? Господствуя уже надъ міромъ матеріальнымъ (?!) откажется ли она отъ правъ своихъ въ порядкѣ духовномъ и общественномъ? Вотъ въ чемъ (въ освобожденіи человѣка?) состоитъ великая заслуга знаменитаго главы критической школы, Ф. Х. Баура! Универсальностію образованія, рѣдкимъ соединеніемъ логическаго размышленія, съ огромнымъ познаніемъ (чего?), съ изумительною ученостію, онъ воскресилъ (то есть, старался убить) литературу первыхъ столѣтій. Историческіе труды его выдвинули науку впередъ, дали ей прочное основаніе, столь богатое и въ будущемъ! Бауръ первый сдѣлалъ опытъ уразумѣть историческое происхожденіе каноническихъ писаній, опредѣлить имъ мѣсто въ исторіи развитія христіанства!» (стр. 5—6). Прочитавши эти высокопарныя похвалы, вы подумаете, что Бауръ— чудо нашего вѣка, свѣтильникъ науки, благодѣтель человѣчества. Но читайте далѣе. «Но не взирая на знаменитость Баура, нельзя не сознаться въ томъ, что онъ не отсталъ вполнѣ отъ извѣстнаго рода дуализма (?); надъ нимъ тяготѣетъ еще ученіе Гегеля. Часто находишь отвлеченно-логическія категоріи тамъ, гдѣ ожидаешь живаго, историческаго. Утомляющій формализмъ не даетъ простора богатству фактовъ. Предъ безусловною необходимостію изчезаетъ свободная воля человѣка (такъ-то наука Баура освобождаетъ духъ человѣка)! Такъ, дог-

мато-историческій процессъ является какъ будто отрѣшеннымъ отъ цѣльнаго бытія, и развивается своею собственною діалектикою, какъ одно чисто логическое движеніе, внѣ связи съ исторіею христіанской жизни и христіанскихъ нравовъ. Догматъ оторванъ отъ непосредственныхъ силъ существованія, изъ коихъ произрастаетъ, какъ растеніе изъ почвы земля (такъ напечатано). И не одинъ Бауръ, а также Страусъ, Фейербахъ не выходятъ изъ области пантеистическаго воззрѣнія.» Гдѣ же, спросимъ мы автора, видитъ онъ заслуги Баура? Гдѣ тѣ новыя начала, которыя должны дать лучшій видъ и движеніе христіанской наукѣ? Мы думаемъ, что Бауръ—писатель, хотя и многоученый, но не самостоятельный и далеко не плодотворный; со смертію его низошла въ могилу и критико-историческая школа, которой онъ былъ главою. Нѣмцы любятъ сомнѣваться и спорить,—изъ одного удовольствія. Русскому это не свойственно; онъ ищетъ не словъ, а дѣла, смотритъ на вещи прямо, а не чрезъ призму отвлеченія.

И потому пусть не посѣтуетъ на насъ почтенный авторъ замѣчательной статейки за то, что мы дадимъ ему, отъ чистаго сердца, полезный совѣтъ. Если онъ имѣетъ страсть къ нѣмецкимъ богословскимъ книгамъ; то пусть лучше обратится къ изученію *Дерптской школы*, особенно сочиненій одного изъ лучшихъ представителей ея,—профессора Курца. Здѣсь найдетъ онъ пищу гораздо питательнѣе для души. А если онъ ищетъ только христіанской истины и назиданія; то пусть читаетъ писанія св. Отцевъ.

Впрочемъ, давая совѣтъ автору, мы вспомнили, что и намъ давно пора возвратиться къ нашему главному предмету—разсмотрѣнію свято-отеческихъ писаній, для рѣшенія давняго и великаго вопроса, раздѣляющаго собою Востокъ и Западъ. Итакъ—до слѣдующаго письма.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ.

Прошу извиненія у почтеннаго моего соотечественника, съ которымъ веду заочную бесѣду, въ томъ, что, оставивъ его какъ будто въ сторонѣ, бесѣдую такъ долго съ другими. Онъ и самъ впрочемъ виноватъ, не предо мною, конечно, а предъ истиною,—въ томъ, что отстранилъ такихъ важныхъ и безпристрастныхъ свидѣтелей, какъ св. Отцы и писатели первыхъ трехъ вѣковъ христіанской Церкви. Не достало бы у меня времени, а у читателей терпѣнія, еслибы мы стали разсматривать всѣ сочиненія всѣхъ писателей означеннаго періода. Но постараюсь, въ замѣнъ того, съ должнымъ вниманіемъ и уваженіемъ, обстоятельно «вопросить» главнѣйшихъ и важнѣйшихъ изъ нихъ. Какъ скоро кончу этотъ пріятный трудъ,—все вниманіе мое будетъ посвящено вамъ, вашимъ доказательствамъ, почтенный соотечественникъ!

Впрочемъ, изъ одной проповѣди, которую вы говорили въ Парижѣ въ началѣ текущаго [1860] года, можно заключить, что вы теперь стараетесь и надѣетесь убѣдить насъ доказательствами, взятыми уже не изъ св. Писанія и твореній св. Отцевъ, а изъ нашихъ Богослужебныхъ книгъ. Итакъ вы, оставляя за нами широкое поле церковной исторіи, удаляетесь въ укрѣпленіе, которое считаете самымъ твердымъ и надежнымъ,—укрѣпленіе, воздвигнутое вами на нашей собственной землѣ, изъ нашей же почвы. Вы, конечно, и сами согласитесь, что намъ, православнымъ, не менѣе васъ извѣстны планъ и матеріалы вашего мнимоукрѣплѣннаго убѣжища, откуда посы-

лаете намъ выстрѣлы. Мнѣ давно хотѣлось проникнуть въ него, но меня удерживала почтенная рука хронологіи; ибо только немногія изъ нашихъ церковныхъ пѣснопѣній восходятъ ко временамъ первыхъ трехъ, или четырехъ вѣковъ; большая часть ихъ явилась между 5 и 9 вѣками. Но такъ какъ вы придаете этому предмету особенную важность; то, отбросивъ хронологію, займусь имъ непосредственно послѣ твореній, оставшихся намъ отъ первыхъ трехъ вѣковъ; надѣюсь, съ Божіею помощію, или вытѣснить васъ изъ незаконно-занятой мѣстности (позиціи), или самихъ васъ взять въ плѣнъ, вѣрнѣе—освободить васъ отъ заблужденія.

Христіанское вѣроученіе составляетъ стройное цѣлое, въ которомъ всѣ догматы, какъ члены въ человѣческомъ тѣлѣ, неразрывно соединены одинъ съ другимъ, проникнуты однимъ духомъ, живутъ одною жизнію. Всѣ еритики и раскольники дѣйствовали обыкновенно такъ: оторвавши какой нибудь догматъ отъ цѣлаго вѣроученія, они искажали его ложнымъ толкованіемъ; или: взявши ложную, чуждую христіанству мысль, они старались прикрѣпить ее къ истинной Вѣрѣ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, для доказательства своихъ частныхъ мнѣній, они брали отдѣльныя мѣста св. Писанія, не вникая въ духъ его, изыскивали въ твореніяхъ общеуважаемыхъ Отцевъ Церкви отрывочныя изрѣченія и даже слова, оставляя безъ вниманія самую сущность и общій строй ихъ рѣчи.

Мы уже видѣли отчасти, что такъ поступаютъ и паписты. Если бы они прямыми и положительными свидѣтельствами доказали намъ, что Іисусъ Христосъ учредилъ на землѣ — не церковную іерархію, а папскую манархію, что учрежденіе этой монархіи входило въ планъ домостроительства нашего спасенія, что въ твореніяхъ древнихъ святыхъ Отцевъ содержится ясное и опредѣленное ученіе о законности и необходимости единовластительства въ Церкви Христовой; то мы даже не подумали бы спорить съ ними. А, вмѣсто того, что они дѣлаютъ?

Берутъ какой-нибудь частный случай, благопріятствующій, по видимому, ихъ мнѣнію, преувеличиваютъ его въ своемъ изложеніи, ловятъ отдѣльныя мѣста изъ свято-отеческихъ твореній,—какое нибудь привѣтствіе, похвалу отдѣльному лицу, или Церкви; и на этомъ-то шаткомъ основаніи возводятъ свое громадное зданіе папизма. Но когда вы читаете писанія св. Отцевъ съ чистымъ сердцемъ, безъ предубѣжденія, въ цѣломъ ихъ составѣ, стараетесь проникнуть въ ихъ общую, гармоническую связь; тогда для васъ становится яснымъ до очевидности, что общее ученіе св. Отцевъ о Церкви, такъ сказать, главная идея, которую они имѣли о ней, совершенно несогласна съ ученіемъ папистовъ. Мы вопрошали объ этомъ святыхъ Климента и Игнатія. Разсмотримъ теперь творенія другихъ мужей апостольскихъ.

Въ посланія къ св. Поликарпу, епископу смиринскому, св. Игнатій просилъ его, чтобы онъ написалъ посланія къ тѣмъ Церквамъ, къ которымъ не успѣлъ написать самъ Богоносецъ. Воля священномученика была исполнена. Къ сожалѣнію, до насъ дошло только одно посланіе св. Поликарпа—къ Филиппійцемъ (*). Тотъ же духъ любви, смиренія и христіанской ревности, какой мы видимъ въ писаніяхъ св. Игнатія, дышетъ и въ посланіи св. Поликарпа. «Поликарпъ и находящіеся съ нимъ пресвитеры—Церкви Божіей, пришельствующей въ Филиппахъ: милость вамъ и миръ отъ Вседержителя Бога и Господа Іисуса Христа Спасителя нашего да умножатся». Такъ начинается посланіе. Похваливши Филиппійцевъ за пріемъ, сдѣланный ими св. Игнатію и его спутникамъ, за твердость ихъ вѣры и благочестія, св. Поликарпъ даетъ имъ нѣкоторыя наставленія, впрочемъ съ трогательнымъ смиреніемъ присовокупляетъ: «пишу вамъ это, братія, о праведности,

(*) Филиппы, европейскій городъ въ Македоніи; здѣсь проповѣдывалъ св. Апостолъ Павелъ, и жителямъ этого города написалъ одно изъ своихъ боговдохновенныхъ посланій.

не по собственному своему распоряженію, но потому, что вы меня вызвали на это. Потому что ни я, ни другой кто, подобный мнѣ, не можетъ достигнуть премудрости блаженнаго и славнаго Павла; находясь у васъ, онъ тщательно и твердо училъ, предъ лицемъ тогдашнихъ людей, слову истины; онъ и разлучившись съ вами, писалъ вамъ посланія. Если будете вникать въ нихъ; то можете назидаться въ данной вамъ Вѣрѣ, которая есть матерь всѣмъ намъ, при сопутствіи надежды и въ предшествіи любви къ Богу и къ Христу и къ ближнему». Сравните эти слова св. Поликарпа съ тѣмъ, что говорили о своихъ отношеніяхъ къ Апостоламъ св. Климентъ и св. Игнатій,—и вы ясно увидите, что всѣ эти апостольскіе мужи пользовались особеннымъ уваженіемъ современныхъ христіанъ, какъ ученики Апостоловъ, но что сами они ставили себя несравненно ниже непосредственныхъ учениковъ Господа; они даже страшились, чтобы уваженіе къ нимъ, ученикамъ апостольскимъ, не простерлось далѣе законныхъ предѣловъ; вы увидите, что единство Церкви Каѳолической, послѣ кончины Апостоловъ, сохранялось цѣлымъ и неизмѣннымъ, но не чрезъ владычество одного лица надъ всею Церковію, а братскимъ общеніемъ и частыми сношеніями отдѣльныхъ Церквей, или епископовъ ихъ—между собою. Римскій епископъ не только не пользовался тогда особенными преимуществами надъ своими сѳбратіями—епископами другихъ Церквей, но еще самъ отдавалъ предпочтеніе предъ нимъ нѣкоторымъ изъ нихъ. Это видно изъ одного событія въ жизни св. Поликарпа.

Церковный историкъ Евсевій (кн. 4, гл. 14) разсказываетъ, на основаніи свидѣтельства св. Иринея, бывшаго ученника св. Поликарпа, слѣдующее: «Въ то время, какъ римскою Церковію управлялъ Аникита, находился еще въ живыхъ Поликарпъ и, по сказанію Иринея, былъ въ Римѣ, пришедши туда бесѣдовать съ Аникитою о днѣ пасхальномъ». Паписты пользуются этимъ мѣстомъ, какъ доказательствомъ, что св. Поликарпъ

будто бы признавалъ власть римскаго епископа и являлся ему въ Римѣ, какъ обыкновенно подчиненный является своему начальнику. Кто не имѣетъ времени и охоты справиться съ подлиннымъ источникомъ, изъ котораго заимствовано это извѣстіе, и не прочтетъ его въ цѣломъ составѣ, тотъ, пожалуй, повѣритъ папистамъ на слово. Но, чтобы видѣть, какъ добросовѣстны и въ этомъ случаѣ римскіе ученые, надобно только прочитать у Евсевія еще нѣсколько строкъ далѣе. «Тотъ же писатель (св. Иринеи) передаетъ и другое сказаніе о Поликарпѣ, которое надобно присоединить къ приведенному. Поликарпъ не только принялъ ученіе отъ Апостоловъ и обращался со многими, видѣвшими Христа, но и отъ Апостоловъ также поставленъ и епископомъ надъ смирнскою Церковію въ Азіи. Онъ всегда училъ тому, чему научился отъ Апостоловъ, что преподаетъ Церковь и что одно только истинно. Онъ есть свидѣтель истины гораздо достовѣрнѣйшій и надежнѣйшій, нежели Валентинъ м Маркіонъ (тогдашніе еретики) и прочіе злонамѣренные люди. Прибывъ въ Римъ во времена Аникиты, Поликарпъ многихъ изъ вышеупомянутыхъ еретиковъ обратилъ къ Церкви Божіей (и такъ св. Поликарпъ училъ въ Римѣ, какъ власть имѣющій!), и возвѣщалъ, что онъ отъ Апостоловъ принялъ только ту истину, которая преподается Церковію (итакъ св. Поликарпъ не признавалъ никакого другаго авторитета, кромѣ авторитета Апостоловъ и — Церкви; голосъ мѣстнаго епископа, у котораго онъ находился въ гостяхъ, не имѣлъ для него обязательной важности!)»

Однакоже,—возразятъ намъ паписты,—св. Поликарпъ приходилъ въ Римъ совѣщаться съ Аникитою о празднованіи Пасхи, слѣдовательно придавалъ его мнѣнію особенное значеніе? Вмѣсто отвѣта, заимствуемъ у Евсевія другую выписку изъ твореній св. Иринея. «Когда блаженный Поликарпъ приходилъ при Аникитѣ въ Римъ; то оба они и касательно другихъ предметовъ не много спорили между собою, но тотчасъ согласились,

а объ этомъ предметѣ (о Пасхѣ) и спорить не хотѣли. Потому что Аникита не могъ убѣдить Поликарпа — не соблюдать того, что онъ всегда соблюдалъ, живя съ Іоанномъ, ученикомъ Господа нашего, и обращаясь съ другими Апостолами. И Поликарпъ не могъ убѣдить Аникиту,—соблюдать (то, что соблюдалъ Поликарпъ), ибо Аникита говорилъ, что онъ обязанъ сохранять обычаи предшествовавшихъ ему пресвитеровъ (итакъ Аникита не уступилъ Поликарпу не потому, что считалъ себя высшимъ и непогрѣшимымъ, въ качествѣ намѣстника Іисусъ Христова и преемника св. Петра; но изъ уваженія къ обычаю старцевъ). Не смотря на то, они однакожъ находились во взаимномъ общеніи, такъ что Аникита, по уваженію къ Поликарпу, позволилъ ему совершать (въ своей церкви) Евхаристію» (кн. 5, гл. 24) (*). Въ послѣдствіи времени, и восточныя Церкви усвоили себѣ обычай римской Церкви праздновать Пасху непремѣнно въ Воскресный день, а не въ первый день, какой случится послѣ полнолунія, слѣдовавшаго за весеннимъ равноденствіемъ; но это сдѣлано не изъ покорности римскому епископу, а потому, что восточные епископы, на помѣстныхъ соборахъ, нашли полезнымъ принять этотъ обычай для удаленія вѣрныхъ отъ общенія съ іудеями и отъ іудейскихъ обычаевъ.

Римскокатолическая Церковь въ настоящее время походитъ на древнее зданіе, къ которому, въ теченіе вѣковъ, бездарные архитекторы дѣлали различныя пристройки, и которое обезобразили такъ, что съ трудомъ можно видѣть въ немъ

(*) Не имѣя у себя исторіи Евсевія въ подлинникѣ, мы заимствовали это мѣсто изъ перевода ея, напечатаннаго въ Христіанскомъ Чтеніи. Но аббатъ Флери передаетъ конецъ разсказа объ изложенномъ нами событіи такъ: «устроивъ такимъ образомъ это дѣло, Поликарпъ и Аникита пріобщились вмѣстѣ, и св. Аникита оказалъ св. Поликарпу почесть тѣмъ, что предоставилъ ему освященіе Евхаристіи.» (L. 6. 3. сар. 4). Это значитъ, что оба епископа совершали литургію соборнѣ, и епископъ Смирнскій занималъ первое мѣсто!

первоначальный планъ мудраго архитектора. Жильцы и хозяева этого зданія, хотя и находятъ его нѣсколько тяжелымъ, и неудобнымъ, и обветшавшимъ; однако, по привычкѣ и по гордости, не хотятъ сознаться въ этомъ предъ всѣми, отказываются дѣлать въ немъ коренныя передѣлки, а только замазываютъ трещины, закрашиваютъ ржавыя пятна. Нѣкоторые изъ жильцевъ этого зданія даже такъ привыкли къ его уродливостямъ, что находятъ ихъ очень красивыми. Чтобы разувѣрить ихъ въ этомъ, надобно показать имъ древній чертежъ, по которому оно выстроено. Мы уже видѣли нѣкоторыя части этого первоначальнаго чертежа. Но вотъ мы находимъ довольно подробный очеркъ многовѣковаго зданія, составленный тогда, когда и на Западѣ оно было еще въ цѣлости и неиспорченности, когда оно почти лишь только вышло изъ рукъ великаго Зодчаго и первыхъ строителей—помощниковъ его.

Оставивъ аллегорическую рѣчь, скажемъ прямо, что истинно древній и православный взглядъ на устройство Церкви Христовой мы находимъ въ памятникѣ временъ апостольскихъ, пользовавшемся въ древности великимъ уваженіемъ,—въ твореніи «Пастырь», приписываемомъ св. Ермѣ, ученику св. Апостола Павла (Римл. 16, 14). Твореніе св. Ермы было писано хотя въ Римѣ и, какъ надобно думать, пресвитеромъ римскимъ, но на языкѣ греческомъ,—явный знакъ, что Церковь Восточная, греческая,—была истинною матерію Церкви римской. Долго христіанскій міръ не имѣлъ этого творенія—въ его первоначальномъ видѣ; отъ него уцѣлѣли на греческомъ языкѣ только нѣкоторые отрывки, а въ цѣломъ своемъ составѣ оно было извѣстно только на языкѣ латинскомъ, впрочемъ въ переводѣ весьма древнемъ. Скоро, безъ сомнѣнія, это сокровище будетъ представлено ученой Европѣ въ подлинномъ, первоначальномъ его видѣ,—и этимъ она обязана будетъ Россіи. «Пастырь» св. Ермы находится на греческомъ языкѣ въ драгоцѣннѣйшемъ и древнѣйшемъ кодексѣ Библіи, недавно прис-

сланномъ въ даръ ему Государю Императору иноками Синайской обители. Впрочемъ, мы можемъ пока пользоваться и латинскимъ переводомъ «Пастыря,» безъ всякаго ущерба истинѣ, даже съ тою выгодою, что какъ авторъ подлинника, такъ и переводчикъ принадлежали древней латинской Церкви; слѣдовательно нынѣшніе латиняне едвали рѣшатся отстранить, *отвести* такого безпристрастнаго свидѣтеля въ спорномъ дѣлѣ между Востокомъ и Западомъ (*).

Въ твореніи св. Ермы замѣтно нѣкоторое сходство съ Апокалипсисомъ св. Іоанна Богослова; оно также изобилуетъ видѣніями, образами, иносказаніями, впрочемъ весьма понятными, такъ сказать,—прозрачными. Большая часть таинственныхъ видѣній указана и объяснена св. Ермѣ Церковію, которая явилась ему сначала въ видѣ престарѣлой женщины,—потому, какъ объяснилъ ему Ангелъ, что «она создана (въ мысли Творца) прежде всѣхъ тварей и для нея міръ сотворенъ.» И вотъ Церковь показываетъ Ермѣ свое собственное устройство на земли и на небѣ.... «И упалъ я къ ногамъ ея

(*) Древніе писатели и Отцы Церкви называли св. Ерму, писавшаго «Пастыря», мужемъ Апостольскимъ, и написаніе этой книги относили къ первому вѣку Христіанства; нѣкоторые причисляли эту книгу даже къ св. Писанію, какъ свидѣтельствуетъ св. Ириней и упомянутый нами кодексъ. Но Муратори нашелъ какой-то отрывокъ изъ одного древняго сочиненія, гдѣ сказано, что писателемъ «Пастыря» былъ Ермій, братъ Пія I, епископа римскаго, жившій въ половинѣ втораго вѣка. Мы не имѣли бы никакой причины отвергать это извѣстіе, если бы оно подтверждалось достаточными доказательствами. Ближайшій родственникъ епископа римскаго, конечно, не могъ не знать о правахъ и преимуществахъ римской каѳедры, но между тѣмъ онъ не говоритъ объ нихъ ни слова, а напротивъ ясно учитъ о равенствѣ всѣхъ Апостоловъ и всѣхъ епископовъ. Гефеле, хотя и помѣстилъ книгу «Пастырь» въ числѣ писаній мужей апостольскихъ; однако старается доказать, что она писана во второмъ вѣкѣ, братомъ Пія I. Но доказательства трудолюбиваго издателя и ученаго профессора кажутся намъ въ этомъ случаѣ совершенно неубѣдительными. Правдоподобною находимъ мысль Мелера, что «Пастырь» написанъ Ермою, а переведенъ на латинскій языкъ Ерміемъ.

и просилъ, ради Господа, показать мнѣ обѣщанное видѣніе. Но она взяла меня за руку, подняла и посадила на скамью по лѣвую сторону себя, и, приподнявъ какую-то блестящую вѣтвь, сказала мнѣ: «видишь ли предметъ великій?» «Нѣтъ,» говорю, «госпожа,» не вижу.» «Вотъ, развѣ не видишь ты предъ собою великую башню, которая строится надъ водою изъ четвероугольныхъ блестящихъ камней?» Точно, четыреугольную башню строили тѣ шесть юношей, которые пришли съ нею (Церковію). А многія тысячи другихъ мужей приносили камни, нѣкоторые извлекали камни изъ глубины, другіе брали ихъ съ земли и подавали тѣмъ шести юношамъ. А они брали и строили. Тѣ камни, которые извлекаемы были изъ глубины, такъ прямо и клали въ строеніе; потому что они были обдѣланы и совершенно прилажены къ тѣмъ блестящимъ камнямъ; такимъ образомъ они соединялись одинъ съ другимъ, такъ что не примѣтно было, гдѣ они смыкались между собою. И такимъ образомъ зданіе башни казалось построеннымъ изъ одного камня. А изъ прочихъ камней, взятыхъ съ земли, иные были отбрасываемы, а другіе прилаживаемы къ строенію. Иные же камни строители откалывали и бросали далеко отъ башни. Много лежало и другихъ камней около башни, но они не годились на постройку. Ибо иные были шероховаты, другіе съ трещинами, а иные были бѣлы и круглы, но не подходили къ строенію башни. Видѣлъ я и другіе камни, которые были далеко отбрасываемы отъ башни, падали на дорогу, но и здѣсь не оставались, а катились дальше—въ пустыню; иные же падали въ огонь и горѣли, а другіе падали близъ воды, а немогли скатиться въ воду, хотя и стремились туда (видѣніе 3, гл. 2). Когда она (Церковь) все это показала мнѣ, я хотѣлъ удалиться. И говорю ей: «госпожа! что мнѣ пользы въ томъ, что все это я видѣлъ, а не знаю, что это все значитъ»? Въ отвѣтъ на это, она сказала мнѣ: «ты тонкій человѣкъ,—хочешь знать все, что относится къ башнѣ.» «Такъ, говорю,

госпожа, я хочу знать это и возвѣстить братіямъ моимъ, чтобы они, услышавъ объ этомъ, возрадовались и прославили Господа.» А она говоритъ : «услышатъ, конечно, многіе; но иные, услышавъ, возрадуются, а другіе восплачутъ. Но и послѣдніе, если, услышавъ, примутъ покаяніе,—и они возрадуются. Слушай же теперь, что значитъ подобіе башни....Башня, которую ты видѣлъ строющеюся,—это я—Церковь, которая являлась тебѣ и теперь и прежде. Итакъ все, что хочешь, спрашивай о башнѣ, и я открою тебѣ, чтобы ты возрадовался со святыми.» И говорю я ей: «госпожа! такъ какъ ты нашла меня достойнымъ объяснить мнѣ все, — то объясни.» А она говоритъ: «все, что возможно открыть тебѣ,—будетъ открыто; только да будетъ сердце твое съ Господомъ и не усумнись, что ни увидишь.» Вопросилъ я ее: «почему башня построена надъ водою, госпожа моя?» Отвѣчаетъ,.... потому что жизнь ваша была и будетъ спасена водою (крещеніемъ). А основана (башня, или Церковь) Словомъ Всемогущаго и достославнаго Имени и содержится невидимою силою Божіею (видѣніе 3, гл. 3). Въ отвѣтъ я говорю ей· «чудныя эти дѣла! А тѣ шесть юношей, которые строютъ, кто такіе?» Это Ангелы Божіи, которые созданы прежде всего, и которымъ Господь поручилъ все свое твореніе, чтобы строить, созидать, управлять. Чрезъ нихъ строеніе башни доведено будетъ до конца.» «А другіе, говорю, которые приносятъ камни, кто такіе?» «И они тоже святые Ангелы, но тѣ первые превосходнѣе этихъ....(Видѣніе 3, гл. 4). Слушай теперь и о камняхъ, употребляемыхъ на постройку башни. Тѣ камни четыреугольные, бѣлые и плотно прилаженные въ спаяхъ своихъ, это—Апостолы, и епископы, и учители (проповѣдники, пресвитеры) и служители (діаконы), которые вошли (въ Церковь) по милосердію Божію, и епис копствовали, и проповѣдывали и служили свято и скромно избраннымъ Божіимъ,—и тѣ, которые уже почили, и тѣ, которые еще живутъ, и тѣ, которые были согласны съ ними (из-

бранными) и жили въ мирѣ между собою и повиновались другъ другу. Потому-то такъ плотно сходятся края ихъ въ зданіи башни» (гл. 5).

Мы увлеклись этою простою, искреннею, ясною и въ тоже время христіански-глубокою рѣчью св. Ермы. Мы желали бы выписать дальнѣйшія объясненія таинственной башни, но онѣ не относятся къ нашей цѣли и чрезмѣрно увеличили бы объемъ письма; пусть благочестивый читатель самъ дополнитъ ихъ собственнымъ соображеніемъ....

Отъ голубиной простоты мужа апостольскаго перейдемъ къ змѣиной хитрости папистовъ. Они тоже строютъ башню, чуть не Вавилонскую.... Но пусть разсмотрятъ, сличатъ и скажутъ: походитъ ли планъ ихъ постройки на тотъ, который мы видимъ у св. Ермы? Церковь сама объяснила ему, что она состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ камней, ровно и плотно соединенныхъ между собою; первый рядъ—Апостолы, вторый—епископы и такъ далѣе. Гдѣ же помѣстите вы, паписты, своего папу?.. Камень этотъ у васъ выходитъ что-то слишкомъ тяжелъ, шероховатъ и неукладливъ. Смотрите, чтобы безплотные строители не отбросили его далеко, далеко...

Но, можетъ быть, вы назначаете ему мѣсто глубже, въ самомъ основаніи башни? Посмотримъ, согласится ли на это св. Ерма, или лучше—сама Церковь.

«И повелъ онъ (Ангелъ, въ видѣ пастыря) меня на гору, и мы сѣли на вершинѣ ея. И показалъ онъ мнѣ поле великое, а вокругъ него двѣнадцать горъ,—всѣ различнаго вида, и посреди этого поля указалъ онъ мнѣ камень бѣлый, огромный, который восходилъ изъ самаго поля. Камень этотъ былъ выше всѣхъ оныхъ горъ, и былъ онъ четыреугольный, такъ что могъ сдержать на себѣ весь міръ. Древнимъ казался онъ мнѣ, а имѣлъ врата новыя, какъ будто недавно изсѣченныя. И врата оные блистали ярче лучей солнечныхъ, такъ что я чрезвычайно удивлялся ихъ свѣту. А вокругъ вратъ стоя-

ли двѣнадцать дѣвъ.... И вотъ вижу: приходятъ шесть мужей высокихъ, почтенныхъ; всѣ похожи лицемъ другъ на друга. И позвали они къ себѣ множество другихъ мужей, которые были также высоки и сильны. И повелѣли имъ тѣ шесть мужей строить башню на томъ камнѣ и надъ вратами оными. А оныя дѣвы, стоявшія около вратъ, повелѣвали спѣшить постройкою зданія. А сами простирали руки, какъ бы желая получить что. И повелѣли тѣ шесть мужей, чтобы принесены были изъ какой-то глубины камни и приготовлены на постройку башни. И извлечены были десять камней бѣлыхъ, четыреугольныхъ, но необдѣланныхъ. Тѣ шесть мужей позвали оныхъ дѣвъ и приказали имъ, чтобы онѣ всѣ камни, присылаемые на постройку башни, принимали, проносили чрезъ врата и передавали тѣмъ, которые будутъ строить эту башню... А постройка происходила на ономъ камнѣ и надъ вратами, и ими-то поддерживалась вся башня. Послѣ оныхъ десяти камней извлечены были двадцать шесть другихъ камней, и тѣ пошли на постройку башни, поднятые руками оныхъ дѣвъ, какъ и первые. Послѣ того, принесены были еще тридцать пять камней, и тѣ употреблены на тоже дѣло. За ними подняты сорокъ камней, — и ихъ присоединили къ постройкѣ башни. Такимъ образомъ четыре ряда камней положено было въ основаніе башни» (*)....

На другой день снова является Ермѣ путеводитель его, и начинаетъ объяснять значеніе видѣннаго имъ. Что значитъ камень и дверь? спрашиваетъ Ерма. «Слушай,» отвѣчаетъ Ангелъ, «камень и дверь, — это Сынъ Божій.» «Какимъ же образомъ, говорю, продолжаетъ Ерма, «камень древній, а дверь новая?» «Слушай, говоритъ, и разумѣй. Сынъ Божій— древнѣе всякаго творенія; Онъ присутствовалъ въ совѣтѣ От-

(*) «Пастырь» св Ермы раздѣляется на три части, или книги· 1) видѣнія, 2) заповѣди и 3) подобія. Первый, приведенный нами, отрывокъ, заимствованъ изъ первой книги. А этотъ послѣдній изъ девятаго подобія третьей книги.

ца о созданіи міра. А дверь новая потому, что онъ явился по окончаніи временъ, въ недавніе дни, и всѣ, назначенные ко спасенію, входятъ чрезъ Него въ царство Божіе. Онъ называется дверію, потому что чрезъ Него только возможенъ доступъ къ Богу. Никто не можетъ придти къ Богу, какъ только чрезъ Сына Его.» И сказалъ я: «а что такое эта башня?» «Это, говоритъ, Церковь.» «А дѣвы оныя—кто такія, господине?» «Это, говоритъ, дары и плоды Духа Святаго; не иначе можетъ войти человѣкъ въ царство Божіе, какъ только тогда, когда они облекутъ его въ свою одежду. Бозполезно будетъ для тебя носить имя сына Божія (христіанина), если не получишь отъ оныхъ дѣвъ одежды ихъ.» И сказалъ я: «назови, господине, имена сихъ дѣвъ.» Слушай, говоритъ: «четыре изъ нихъ, главныя, называются: первая—вѣра, вторая—воздержаніе, третія—сила (potestas), четвертая—терпѣніе. А прочія называются слѣдующими именами: простота, невинность, чистота, радость, истина, разумѣніе, согласіе, любовь.» «А камни, господине, извлекаемые изъ глубины на постройку, что значатъ?» «Десять, говоритъ, которые положены въ основаніе башни, это первый вѣкъ (вѣроятно, десять допотопныхъ патріарховъ). А слѣдующіе двадцать пять—второй вѣкъ праведныхъ мужей. А тѣ тридцать пять—пророки и слуги Господа. А сорокъ камней—это Апостолы и проповѣдники ученія Сына Божія...»

Изъ приведенныхъ нами мѣстъ легко видѣть всякому, какъ вѣровалъ и училъ мужъ Апостольскій объ устройствѣ Церкви. Ясно, какъ день, что единственное основаніе истинной Церкви, какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ, есть Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій; что на Немъ утверждаются и въ Немъ спасаются какъ ветхозавѣтные патріархи, пророки и всѣ праведники, такъ и всѣ Апостолы и учители Церкви. Отдѣлять св. Апостола Петра отъ прочихъ Апостоловъ, и епископа римскаго отъ прочихъ епископовъ, давать тому и

другому какое-то особенное, чрезъ мѣру выдающееся. мѣсто въ прекрасномъ зданіи Божіемъ,—значитъ портить, искажать планъ Церкви, идти противъ Бога, противъ Ангеловъ Его—строителей и хранителей св. Церкви христіанской,—противъ истины.

Присовокупимъ ко всѣму сказанному еще слѣдующее замѣчаніе. Св. Ерма жилъ въ Римѣ (Рим. 16, 14), показывалъ свою книгу епископу римскову св. Клименту (Пастыря Ч. 1, вид. 2, гл. 4). А мѣжду тѣмъ не находимъ у него ни одного слова, ни одного намека о всемірномъ значеніи Рима, о первенствѣ римской каѳедры, о главенствѣ папы. Паписты опять скажутъ намъ, что это доказательство только отрицательное. Пусть такъ; но все же оно—доказательство. Мы желали бы, чтобы они намъ представили хоть такія, но дѣйствительныя, не вымышленныя. А мы представимъ имъ, не выходя еще изъ вѣка Апостольскаго, новое доказательство, имѣющее значительную долю положительности.

Къ числу твореній мужей апостольскихъ относится «Посланіе къ Діогнету». Его приписывали иные св. Аполлосу, ученику Апостола Павла, иные св. Іустину—философу, но безъ достаточнаго основанія. Кто писалъ это посланіе, и кто былъ Діогнетъ, къ которому оно писано, съ точностію не извѣстно. Тѣмъ не менѣе, это посланіе—прекраснѣйшій памятникъ первенствующей Церкви. Оно отличается необыкновенною живостію, изяществомъ и силою выраженій, глубиною и вѣрностію мыслей. Заимствуемъ изъ него два отрывка, въ которыхъ выражается ясно, хотя и не догматически, не предпамѣренно, взглядъ ученика Апостоловъ на христіанство и христіанскую Церковь. «Христіане не отличны отъ прочихъ людей ни страною, ни языкомъ, ни обычаями (если они, разумѣется, не касаются нравственности). Ибо они не населяютъ гдѣ нибудь особенныхъ городовъ, не употребляютъ какого нибудь особеннаго нарѣчія, ведутъ образъ жизни, не отличный отъ другихъ. Ученіе ихъ не есть изобрѣтеніе и вымыселъ людей суетливыхъ

не привержены они къ мнѣнію человѣческому, какъ иные. Но, живя въ городахъ еллинскихъ и варварскихъ, гдѣ кому выпалъ жребій, и послѣдуя мѣстнымъ установленіямъ въ одеждѣ, пищѣ и во всемъ житейскомъ, показываютъ чудное и, безспорно, невѣроятное постоянство поведенія. Они живутъ въ своемъ отечествѣ, но какъ странники. Имѣютъ участіе во всемъ, какъ граждане, и все терпятъ, какъ пришельцы. Всякая чужбина—для нихъ отечество, и всякое отечество—чужбина... Они во плоти, но живутъ не по плоти. По землѣ ходятъ, но принадлежатъ гражданству небесному. Повинуются установленнымъ законамъ, но своими нравами превышаютъ законы. Они любятъ всѣхъ; а ихъ всѣ ненавидятъ. Ихъ не знаютъ, а осуждаютъ. Ихъ умерщвляютъ, а они оживаютъ... Просто сказать: что въ тѣлѣ душа, то въ мірѣ—христіане. Душа разлита по всѣмъ членамъ тѣла; а христіане — по всѣмъ городамъ свѣта. Душа живетъ въ тѣлѣ, но не тѣлесна; и христіане живутъ въ мірѣ, но не отъ міра. Невидимая душа живетъ въ видимомъ тѣлѣ; и христіане, живя въ мірѣ, видимы, но невидимою пребываетъ ихъ Вѣра (*).

«Не о преходящемъ бесѣдую, не безразсудствомъ занимаюсь. Но, бывши ученикомъ Апостòловъ, я содѣлался учителемъ язычниковъ. Что мнѣ предано, то сообщаю достойнымъ ученикамъ истины. Ибо кто, правильно наученный и рожденный отъ благаго Слова, старательно не позаботится научить другихъ тому, чему Слово ясно научило учениковъ Своихъ? Оно явилось имъ видимо, бесѣдовало открыто, невѣдущіе не познали, а ученики уразумѣли Его, тѣ, которыхъ Оно нашло вѣрными, узнали тайны Отца небеснаго. Для того и послалъ Отецъ Слово, чтобы Оно явилось міру. Но народъ (іудейскій) презрѣлъ Его, Апостолы проповѣдывали, язычники приняли вѣрою. Богъ—Слово отъ вѣка, но явился недавно. Онъ древ-

(*) Hefele. Patrum apostolicorum opera p. 305—307.

ній,—и, всегда новый, раждается въ сердцахъ святыхъ. Онъ вѣчный, а нынѣ названъ Сыномъ. Чрезъ Него обогащается Церковь, и благодать, разливаясь, умножается во святыхъ, даруетъ разумъ, открываетъ тайны, возвѣщаетъ времена (будущія), радуется о вѣрныхъ, даруется ищущимъ,—тѣмъ, которые не преступаютъ предѣловъ вѣры и не нарушаютъ постановленій Отцевъ (*). При всемъ этомъ, и страхъ закона возхваляется, и благодать, бывшая въ пророкахъ, познается, и Вѣра въ Евангеліе утверждается, и преданіе Апостоловъ сохраняется, и облагодатствованная Церковь веселится.»

Мы ничего не прибавляемъ отъ себя къ этому глубоко-христіанскому ученію мужа Апостольскаго; боимся, чтобы нашею полемикою не ослабить въ православныхъ читателяхъ того отраднаго впечатлѣнія, которое оно производитъ на душу вѣрующую.

Вопросимъ теперь другаго, знаменитаго свидѣтеля истины. Онъ не былъ непосредственнымъ ученикомъ св. Апостоловъ, но слушалъ одного изъ учениковъ ихъ. Слѣдовательно голосъ его имѣетъ весьма значительную важность. Это св. Ириней, епископъ Ліонскій, ученикъ св. Поликарпа. Св. Ириней писалъ много. Но до насъ дошло только пять книгъ его «противъ ересей.» Уже при Апостолахъ и ихъ ближайшихъ преемникахъ явились нѣкоторые лжеучители, которые *здраваго ученія неслушались*, но *содержали* самую *истину въ неправдѣ* и увлекали за собою людей простодушныхъ; много огорченій наносили они и возлюбленному ученику Господа (2 Іоан. ст. 7). Лжеучители сдѣлались еще болѣе дерзкими и многочисленными, когда скончались самовидцы Господа и ученики ихъ. Но на стражѣ истины бдѣли пастыри Церкви, освященные тѣмъ же Духомъ, Который провѣщавалъ въ Апостолахъ. Когда ере-

(*) Мы переводимъ буквально съ греческаго текста, по изданію Гефеле; такой, а не другой смыслъ даетъ этому мѣсту самъ издатель въ подстрочномъ примѣчаніи. pag. 318.

тики старались прикрыть свои умствованія свидѣтельствами св. Писанія, разумѣется, превратно понятыми; тогда пастыри и отцы Церкви, противополагая имъ мѣста Писанія, болѣе ясныя и опредѣленныя, доказывали ложность еретическаго ученія особенно тѣмъ, что оно не согласно съ *преданіемъ* Апостольскимъ, что оно противорѣчитъ тому, чему учитъ *Вселенская* Церковь.

«Хотя Церковь, говоритъ св. Ириней (*), распространена во всемъ мірѣ, во всѣхъ странахъ земли; однако она исповѣдуетъ одну и туже Вѣру, которую предали ей Апостолы и ученики ихъ... Члены Церкви, разсѣянные по всему міру, соединены Вѣрою, какъ будто бы они дѣйствительно жили вмѣстѣ, имѣли одну душу, одно сердце; они проповѣдуютъ, учатъ, передаютъ потомству однѣ и тѣже вѣрованія, какъ будто бы имѣли однѣ уста. Различіе языковъ не измѣняетъ ни въ чемъ силы и единства преданія. Церкви германскія имѣютъ туже Вѣру, какъ и другія Церкви: въ Иверіи, Кельтической Галліи, Египтѣ, Ливіи; Церкви, находящіяся на оконечностяхъ міра, вѣруютъ тому же, чему вѣруютъ находящіяся въ центрѣ его. Какъ солнце,—твореніе Божіе, непрестанно изливаетъ на міръ одинъ и тотъ же свѣтъ: такъ одна и таже Вѣра сіяетъ вездѣ и озаряетъ лучами истины всѣхъ, которые желаютъ знать ее. И изъ предстоятелей Церкви не скажетъ противнаго сему и неослабитъ преданія—ни тотъ, кто силенъ словомъ, ни тотъ, кто неискусенъ въ словѣ. Такъ какъ вѣра одна и таже: то ни тотъ, кто говоритъ о ней много, не увеличиваетъ ея; ни тотъ, кто говоритъ мало, не уменьшаетъ. Изъ того, что одни изъ предстоятелей Церкви знаютъ больше, а другіе меньше, не слѣдуетъ еще заключать, будто и самый предметъ знанія различенъ» (Liber. 1, cap. 10).

(*) Не имѣя у себя изданія подлинныхъ твореній св. Иринея, мы приводимъ мѣста изъ нихъ по французскому переводу, напечатанному въ третьемъ томѣ изданія аббата Жнуда· les peres de l'Eglise. Paris. 1838 Мы пользовались также русскимъ переводомъ нѣсколькихъ отрывковъ изъ книги св. Иринея, напечатанныхъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1838 годъ.

«Мы утверждаемъ, что ученіе Церкви вездѣ одинаково, равно постоянно и засвидѣтельствовано Пророками и Апостолами и всѣми учениками.... Принявъ Вѣру отъ Церкви, мы хранимъ ее; она, какъ бы нѣкоторая драгоцѣнность, содержащаяся въ прекрасномъ сосудѣ, всегда обновляется Духомъ Божіимъ и сохраняетъ въ цѣлости самый сосудъ, въ которомъ хранится. Ибо сей даръ ввѣренъ Церкви, какъ бы для осуществленія всего домостроительства Божія, то есть, чтобы чрезъ нее получали жизнь всѣ члены ея. Чрезъ Вѣру установилось постоянное общеніе между Іисусомъ Христомъ и Его Церковію; чрезъ Вѣру Онъ содѣлалъ ее причастницею даровъ Духа Святаго, въ которыхъ заключается залогъ безсмертія и спасенія, лѣствица, возводящая насъ къ Богу. «Богъ, говоритъ св. Павелъ, иныхъ поставилъ въ Церкви, во-первыхъ, Апостолами, во-вторыхъ—пророками, въ-третьихъ—учителями» (1 Кор. 12, 28), также установилъ и прочую іерархію, которою управляетъ Духъ Святый, и которой, естественно, лишены всѣ тѣ, которые не повинуются Церкви, и которые своимъ преступнымъ поведеніемъ сами произносятъ на себя осужденіе и лишаютъ самихъ себя вѣчной жизни. Ибо гдѣ Церковь, тамъ и Духъ Божій, а гдѣ Духъ Божій, тамъ и Церковь и источникъ всякой благодати». (Liber 3, cap. 24).

«Итакъ на епископовъ и пресвитеровъ, которые получили залогъ Вѣры отъ Апостоловъ, и которые рукоположены по установленію Іисуса Христа, мы должны смотрѣть, какъ на истинныхъ руководителей нашихъ въ Вѣрѣ. А что касается до тѣхъ, которые удаляются лона Церкви, то, каково бы ни было мѣсто, гдѣ они собираются, мы должны считать ихъ людьми подозрительными, еретиками и злонамѣренными, людьми, помраченными гордостію, лицемѣрами, не имѣющими никакихъ другихъ побужденій, кромѣ низкой корысти и пустой славы....

«Съ другой стороны, тѣ, которые хотя отъ многихъ признаются за пресвитеровъ, но служатъ своимъ прихотямъ, и

кажутся имѣющими страхъ Божій въ сердцахъ своихъ, но уничижаютъ другихъ и гордятся своимъ преимуществомъ предъ ними, скрытно дѣлаютъ зло и говорятъ: «никто не видитъ насъ,» будутъ обличены Словомъ, Которое судитъ не по внѣшнимъ отличіямъ, и смотрятъ не на лица, а на сердце... Отъ всѣхъ таковыхъ должно удаляться, и имѣть общеніе только съ тѣми, которые хранятъ ученіе Апостоловъ и, исполняя должность пресвитерскую, предлагаютъ ученіе здравое; и своимъ поведеніемъ не только не подаютъ никакого соблазна, но и стараются утверждать и исправлять прочихъ... Такихъ-то пресвитеровъ имѣетъ Церковь..... А гдѣ всякому можно найти ихъ, это указываетъ Ап. Павелъ, говоря такъ: *положи Богъ въ Церкви первѣе Апостоловъ, второе Пророковъ, третіе учителей* (1 Кор. 12, 28). Посему гдѣ заключены дары Господни, тамъ должно учиться и истинѣ, то есть, у тѣхъ, которые поставлены надъ Церковію по преемству отъ Апостоловъ (Liber 4, cap. 26).

«Всѣ противники церковнаго ученія явились несравненно позднѣе тѣхъ епископовъ, которымъ Апостолы ввѣрили Церкви; и потому они (противники), будучи слѣпы въ разсужденіи истины, принуждены скитаться по различнымъ путямъ; а слѣдовательно и сѣмена ихъ ученія разсѣеваются безъ всякаго согласія и порядка... Итакъ должно удаляться отъ ихъ мыслей и тщательно беречься, чтобы не потерпѣть отъ нихъ вреда! напротивъ, должно притекать къ Церкви, покоиться въ ея нѣдрахъ и питаться Божественными Писаніями... Что на небѣ, то духовно, а что на землѣ, то приспособлено къ человѣку. Господь возглавилъ это въ Себѣ, пріобщивъ человѣка духу, и духъ заключивъ въ человѣкѣ, и Самъ содѣлавшись главою духа, а духъ сдѣлавши главою человѣка «(Lib. 5, cap. 20).»

Едвали можно еще яснѣе, глубже и выразительнѣе изложить ученіе о Церкви. И въ тоже время, ученіе св. Иринея есть не что иное, какъ самое вѣрное раскрытіе того, что со-

держится въ св. Писаніи. Св. Иреней, какъ и св. Павелъ, учитъ, что Церковь есть столпъ и утвержденіе истины, что ей принадлежитъ св. Писаніе, ей поручено хранить Апостольское преданіе, что Богъ поставилъ въ ней иныхъ Апостолами, иныхъ пророками, иныхъ учителями, что Апостолы, возложеніемъ рукъ своихъ, сообщили дары Духа Святаго и передали свои права и обязанности епископамъ, съ которыми должны быть согласны пресвитеры, и которымъ должны повиноваться въ дѣлахъ Вѣры всѣ прочіе члены Церкви. Единство Церкви поддерживается согласіемъ всѣхъ епископовъ между собою и единомыслiемъ съ ними всѣхъ вѣрныхъ. Внѣ союза съ Церковію нѣтъ истины, нѣтъ спасенія. Единая глава Церкви—земной и небесной есть Іисусъ Христосъ.

О чрезвычайныхъ правахъ св. Петра, о власти его надъ прочими Апостолами св. Ириней не говоритъ ни слова; ясно даже, что онъ и не зналъ ничего объ этомъ. Были еретики, которые утверждали, что изъ всѣхъ Апостоловъ только св. Павлу было открыто истинное и полное познаніе христіанской Вѣры. При опроверженіи этого заблужденія, какой прекрасный поводъ представлялся защитнику истины, ревнителю церковнаго единства, раскрыть ученіе о превосходствѣ св. Петра и главенствѣ его надъ прочими Апостолами! А между тѣмъ, мы не находимъ у св. Иринея даже малѣйшаго намека на это ученіе. Онъ доказываетъ только, что св. Петръ *не ниже* св. Павла, что и ему, вмѣстѣ съ другими Апостолами, открыта была истина и дано повелѣніе проповѣдывать Евангеліе погибшимъ овцамъ дома Израилева (Liber. 3. cap. 13).

Если же св. Ириней ничего не зналъ и не говорилъ о главенствѣ св. Петра между Апостолами; то не могъ онъ знать и учить и о главенствѣ епископа римскаго между прочими епископами. Раскрыть и эту мысль, если бы въ ней заключалась истина, представлялся священномученику поводъ не менѣе важный. Вопросъ о времени празднованія Пасхи, остав-

ленный безъ разрѣшенія при епископахъ: св. Поликарпѣ смирнскомъ и св. Аникитѣ—римскомъ, снова поднятъ былъ въ концѣ втораго вѣка, когда епископами были — въ Смирнѣ — другой Поликарпъ, родственникъ соименнаго ему священномученика, а въ Римѣ—Викторъ. Не только западныя, но и нѣкоторыя даже изъ восточныхъ Церквей одобряли обычай римской Церкви праздновать Пасху непремѣнно въ воскресный день. Но Поликарпъ, по его собственнымъ словамъ, родственникъ и преемникъ многихъ святыхъ мужей, защищалъ обычай Церквей азійскихъ. «Мы, писалъ онъ къ Виктору и всей римской Церкви, празднуемъ этотъ день непогрѣшительно, ничего не прибавляя и не отнимая. Въ Азіи погребены великіе началовожди, имѣющіе воскреснуть въ день пришествія Господня... Всѣ они праздновали Пасху по Евангелію, въ четвертый день (мѣсяца Нисана), ни въ чемъ не отступая отъ правила Вѣры, но во всемъ держась его (*).» Не смотря на то, увлеченный неумѣренною ревностію о единствѣ, или лучше—единообразіи Церкви, Викторъ прервалъ общеніе съ азійскими Церквами,— на основаніи права, которое имѣла не одна римская, но и всякая другая Церковь. Со всею твердостію и мужествомъ истиннаго ученика Апостоловъ, возсталъ противъ Виктора св. Иринеій, епископъ ліонскій, хотя Церковь ліонская принадлежала къ римскому патріархату, и хотя самъ онъ праздновалъ Пасху по западному обычаю. Онъ увѣщевалъ Виктора заботиться всего болѣе о мирѣ, единеніи и любви съ ближними, доказывалъ ему, что разность въ обычаяхъ не даетъ Церквамъ повода прерывать взаимное общеніе. Справедливое мнѣніе св. Иринея защищали и другіе епископы, которые въ посланіяхъ своихъ *сильно порицали Виктора*, — говоритъ Евсевій; слѣдовательно никакъ не считали его непогрѣшимымъ и не признавали главою Церкви, намѣстникомъ Христовымъ. «Та-

(*) Евсевія Церковн. Истор. кн. 5, гл. 24.

кимъ образомъ» замѣчаетъ тотъ же древній историкъ, Ириней, миротворецъ по имени, былъ миротворецъ и по нраву; эти увѣщанія и доказательства писалъ онъ ради мира Церквей. По случаю произшедшаго тогда спора, онъ имѣлъ переписку не только съ Викторомъ, но и съ различными весьма многими предстоятелями Церквей» (*). Итакъ не ясно ли, что св. Ириней рѣшеніе вопроса о Пасхѣ предоставлялъ согласію всѣхъ предстоятелей Церкви, а не одному римскому епископу?

Не смотря на все это, паписты выдаютъ св. Иринея за своего единомысленника, и въ твореніяхъ его находятъ такое доказательство въ пользу своей теоріи, которое почитаютъ важнѣйшимъ послѣ извѣстнаго уже намъ посланія св. Климента. Это доказательство заключается въ двухъ или трехъ строкахъ, заимствованныхъ у св. Иринея; паписты отрываютъ ихъ, по своему обыкновенію, отъ цѣлаго состава рѣчи, переводятъ не точно и украшаютъ болѣе или менѣе произвольными дополненіями. Не упоминая о другихъ римско-католическихъ писателяхъ, болѣе смѣлыхъ и незастѣнчивыхъ, чѣмъ истинно-ученыхъ и добросовѣстныхъ, приведемъ слова самаго скромнаго и осторожнаго изъ нихъ, епископа Конрада Мартина. Изчисляя свидѣтельства древнихъ св. Отцевъ о главенствѣ папы, онъ между прочимъ говоритъ: «во второмъ вѣкѣ св. Ириней, котораго Ѳеодоритъ называетъ свѣтильникомъ западной Церкви, приписываетъ римской Церкви такое преимущество, которое возвышаетъ ее надъ всѣми прочими; именно,—онъ говоритъ, что съ этою Церковію, по причинѣ ея большаго превосходства (grosseren Vorranges, propter potiorem principalitatem), должна соглашаться всякая другая въ дѣлахъ Вѣры, потому что въ ея преданіи заключаются преданія всѣхъ прочихъ Церквей (**).»

Чтобы дать читателямъ возможность самимъ судить о силѣ

(*) Евсевія Церк. Ист. кн. 5, гл. 24.

(**) Lehrbuch der katolischen Religion. T. 1. S. 214, Aufl. 7.

и важности этого доказательства, мы приведемъ слова св. Иринея, на которыя ссылаются паписты, не отрывочно, а въ связи съ предъидущими и послѣдующими имъ мыслями св. Отца. При этомъ мы будемъ пользоваться французскимъ переводомъ твореній св. Иринея, который изданъ аббатомъ Жнудомъ. Истина сіяетъ даже въ полумракѣ, накинутомъ на нее переводчикомъ — папистомъ. Третью главу третьей книги своей противъ ересей ученикъ св. Поликарпа начинаетъ такъ: «теперь разсмотримъ и покажемъ всѣмъ, добросовѣстно ищущимъ истины, какимъ образомъ преданіе, полученное, Церковію отъ Апостоловъ, распространилось потомъ во всемъ христіанскомъ мірѣ. Для этого намъ надлежало бы показать: кто были тѣ, которыхъ Апостолы поставили епископами Церквей, кто были преемниками ихъ служенія даже до нашего времени, и какимъ образомъ они проповѣдывали одно и тоже ученіе, одну и туже Вѣру. Ибо надобно допустить, что если были въ христіанскомъ ученіи тайны, слишкомъ возвышенныя для простаго народа; то Апостолы должны были сообщить познаніе объ нихъ только тѣмъ изъ учениковъ своихъ, которые болѣе другихъ преуспѣли въ совершенствѣ, и которымъ они вручили управленіе Церквами. Они желали, чтобы тѣ, которые должны были наслѣдовать имъ въ священнослуженіи, были совершенны и безукоризненны. Ибо если поведеніе этихъ преемниковъ Апостольскихъ было мудро и достойно ихъ званія: то отсюда проистекало неизмѣримое благо. Напротивъ, величайшія бѣдствія для Церкви были бы слѣдствіемъ ихъ неспособности и худаго поведенія» (*).

«Но такъ какъ было бы слишкомъ долго называть по именамъ всѣхъ тѣхъ, которые преемственно управляли каждою изъ Церк-

(*) Замѣтимъ здѣсь кстати: если великимъ несчастіемъ для Церкви бываетъ неспособность, или порочность одного изъ нѣсколькихъ равныхъ предстоятелей Церкви: то сколько зла принесетъ ей полновластный и единственный глава ея, недостойный своего званія!

вей: то довольно будетъ, если мы изчислимъ имена тѣхъ, которые наслѣдовали одинъ другому въ управленіи древнѣйшею и знаменитѣйшею Церковію, основанною въ Римѣ славными Апостолами Петромъ и Павломъ, и отъ нихъ самихъ получившею драгоцѣнный залогъ преданія и Вѣры, проповѣданной ими всѣмъ народомъ. Мы лишаемъ общенія съ вѣрными всѣхъ тѣхъ, которые, для удовлетворенія своимъ страстямъ, изъ пустой славы, по ослѣпленію, или по развращенности, оставили путь истины. Ибо къ этой римской Церкви, по причинѣ ея первенства, должны примыкать всѣ прочія Церкви и всѣ вѣрные, разсѣянные по землѣ, почитая ее, римскую Церковь, главнымъ хранилищемъ преданія, сообщеннаго Апостолами».

«Апостолы, основавши эту римскую Церковь, поручили управленіе ею Лину, котораго они поставили епископомъ. Св. Павелъ, въ посланіи къ Тимоѳею, упоминаетъ объ этомъ Линѣ. Преемникомъ его былъ Анаклетъ. Послѣ Анаклета поставленъ былъ епископомъ Климентъ. Этотъ послѣдній зналъ Апостоловъ лично и бесѣдовалъ съ ними; въ памяти его еще живо хранились ихъ проповѣди и наставленія касательно преданія. И онъ не былъ одинъ; потому что тогда живы были многія другія лица, получившія наставленія въ Вѣрѣ изъ устъ самихъ Апостоловъ»...

«Преемникомъ Климента былъ Евариστъ, которому наслѣдовалъ Александръ. Сикстъ былъ шестымъ послѣ Апостоловъ. Онъ замѣщенъ былъ Телесфоромъ, который со славою претерпѣлъ мученичество. Его преемникомъ былъ Игинъ, а Игину наслѣдовалъ Пій, а Пію—Аникита. Послѣ того, какъ Аникиту замѣнилъ Сотиръ, за Сотиромъ—Елевѳерій, двѣнадцатый послѣ Апостоловъ, теперь находится въ санѣ епископа. Этимъ преемствомъ епископовъ преданіе и сокровище истины, полученное Церковію отъ Апостоловъ, сохранены и до нашего времени. Такимъ образомъ мы доказываемъ до очевидности, что залогъ Вѣры единой, Вѣры спасительной, порученной Апостолами Церквамъ, дошелъ и до насъ и преданъ намъ во всей чистотѣ».

«Мы можемъ опереться также и на авторитетъ св. Поликарпа, который проповѣдывалъ тоже самое ученіе, которое одно истинно, и которое онъ передалъ Церкви. Но св. Поликарпъ научень былъ самими Апостолами; онъ обращался съ весьма многими лицами, видѣвшими Господа нашего; онъ самими Апостолами поставленъ былъ епископомъ Смирны — въ Азіи. Мы сами видѣли его тамъ, во время нашей первой молодости» (*).

Что долженъ, прочитавши все это, сказать всякій человѣкъ добросовѣстный, не отуманенный предразсудками и великолѣпными, на первый взглядъ, теоріями? То, что ученіе св. Иринея отстоитъ отъ ученія нынѣшней римской Церкви, какъ небо отъ земли, и что, напротивъ, ни въ чемъ не измѣнила апостольскому преданію православная Церковь. Св. Иринеи не зналъ ничего о княжествѣ Петровомъ, ни о теоріи развитія въ христіанскомъ ученіи, которою прикрываются взаимныя противорѣчія папъ, одинаково непогрѣшимыхъ: не признаетъ всего этого и православная Церковь.

Однакоже, скажутъ, св. Иринеи обращаетъ особенное вниманіе на римскую Церковь и считаетъ необходимымъ, чтобы прочія Церкви согласовались съ ней? Да, и мы вполнѣ раздѣляемъ мысли св. отца. Даже болѣе: всякій изъ насъ, православныхъ, и теперь скажетъ о римской Церкви тоже самое, что говорилъ о ней св. Иринеи; но не о нынѣшней папско-римской, а о древней, бывшей нераздѣльною и самою видною частію Церкви Каѳолической. Но прежде мы должны возстановить подлинный смыслъ въ словахъ св. Иринея, нѣсколько искаженный французскимъ переводчикомъ. Для этого мы переведемъ главнѣйшее мѣсто изъ книги св. Иринея, на которое ссылаются паписты, не съ французскаго, а съ латинскаго языка: хотя и это не подлинный языкъ св. отца, а переводъ, однако— переводъ древній и, какъ надобно думать, довольно вѣрный и

(*) Les peres de l'Eglise, traduits en Français. T. 3. p. 219—221.

близкій къ утраченному теперь подлиннику; отрывокъ этотъ мы заимствуемъ у римско-католическаго писателя Мелера (*).

«Такъ какъ былобы долго изчислять въ этомъ сочиненіи (епископскія) преемства всѣхъ Церквей; то мы, указывая только на полученное отъ Апостоловъ преданіе и Вѣру, возвѣщенную людямъ и дошедшую до насъ чрезъ преемство епископовъ въ величайшей, древнѣйшей и всѣмъ извѣстной Церкви, основанной и устроенной въ Римѣ двумя славнѣйшими Апостолами, Петромъ и Павломъ, ниспровергаемъ всѣхъ тѣхъ, которые какимъ бы то ни было образомъ, или по самоугодію, или изъ суетной славы, или по ослѣпленію, или злому умыслу, умствуютъ болѣе, чѣмъ должно. Ибо къ этой, по причинѣ ея особенной важности, должна прибѣгать всякая Церковь, то есть, всюду находящіеся вѣрные; въ ней, полученное отъ Апостоловъ, преданіе всегда сохраняется тѣми, которые находятся всюду (христіанами вселенской Церкви, стекавшимися отвсюду въ Римъ, какъ въ столицу имперіи).»

Разсмотримъ теперь: есть-ли въ этихъ словахъ что нибудь похожее на нынѣшнюю теорію папства? Св. Ириней называетъ римскую Церковь величайшею, древнѣйшею (конечно, не самою древнею), всѣмъ извѣстною, основанною двумя (а не однимъ) славнѣйшими Апостолами. съ этимъ согласны и мы, и никто этого не отвергалъ. Далѣе: св. Ириней говоритъ, что къ римской Церкви должна прибѣгать (convenire, сходиться, совѣтоваться) всякая другая Церковь; но почему? Не потому, что епископъ римскій есть епископъ епископовъ; напротивъ, св. Ириней не даетъ ему никакого преимущества предъ прочими, собратіями его, ведущими свое преемство также отъ Апостоловъ. Не потому важна Церковь римская, что св. Петръ водворилъ здѣсь главнымъ и исключительнымъ образомъ престолъ свой; напротивъ, св. Ириней учитъ, что римская Церковь основана

(*) Patrologie, oder christliche litterar Geschichte, §. 352 Aufl. 1840 I.

двумя Апостолами, которые и поставили въ ней первыхъ епископовъ. Не потому наконецъ, что одна римская Церковь, или епископъ ея имѣетъ даръ непогрѣшимости; св. Иринеи признаетъ непогрѣшимыми только Апостоловъ и вселенскую Церковь, хранительницу апостольскаго преданія. А почему? Потому, что римская Церковь была тогда какъ бы центромъ, куда изъ всѣхъ странъ свѣта сходились вѣрные,—и своимъ единомыслiемъ, постояннымъ общеніемъ и обмѣномъ религіозныхъ познаній поддерживали единство Вѣры и сохраняли во всей чистотѣ и полнотѣ апостольское преданіе. Мы видимъ, что и въ послѣдующіе вѣка, во времена вселенскихъ Соборовъ, предстоятели Церквей обращались къ римской Церкви за совѣтомъ и содѣйствіемъ, спрашивали ея сужденія о дѣлахъ Вѣры и благочинія,—но принимали ея мнѣніе только съ тѣмъ условіемъ, если оно было согласно съ ученіемъ и голосомъ всей Церкви, всѣхъ православныхъ пастырей. Если бы епископъ римскій не возмечталъ быть главою вселенской Церкви, если бы онъ не отдѣлился отъ прочихъ первосвятителей, если бы въ римскую Церковь не вкрались нѣкоторыя заблужденія, несогласныя съ апостольскимъ преданіемъ: то кто изъ православныхъ и теперь отказалъ бы ей въ уваженіи, какъ Церкви древнѣйшей, апостольской, первопрестольной? Но въ томъ-то и дѣло, что римская Церковь давно перестала быть тѣмъ, чѣмъ она была прежде; что нынѣшніе римскіе епископы слишкомъ мало похожи на тѣхъ, о которыхъ говорилъ св. Иринеи. И потому доказательство, заимствуемое папистами изъ его сочиненій, не имѣетъ никакой силы. Если бы св. Иринеи сказалъ, что римской Церкви назначено отъ Бога оставаться навсегда такою, какою онъ зналъ ее въ свое время,—тогда иное дѣло. Но этого онъ не говорилъ, этому не училъ. Вѣдь, и Церковь іудейская нѣкогда имѣла авторитетъ; ей ввѣрены были *словеса Божіи*; сидѣвшихъ на Моисеевомъ сѣдалищѣ вѣлѣлъ слушать самъ Божественный Учитель. Но что изъ того?

Вспомните наконецъ, что каѳедра св. Иринея принадлежала къ римскому патріархату (*), что Римъ былъ тогда всемірною столицею, что въ глазахъ христіанъ значеніе его возвышалось еще тѣмъ, что здѣсь были гробы первопрестольныхъ Апостоловъ и безчисленно—многихъ мучениковъ, что Іерусалимъ былъ въ развалинахъ, Византія еще не называлась Константинополемъ, Антіохія и Александрія были слишкомъ далеко отъ Ліона и Европы. Вспомните это,—и вы ясно поймете, почему св. Ириней называетъ римскую Церковь величайшею, всѣмъ извѣстною, и почему считаетъ необходимымъ обращаться къ ней за совѣтомъ въ дѣлахъ вѣры. При тогдашнихъ обстоятельствахъ, съ тогдашними еретиками онъ и не могъ говорить иначе.

Говоря искренно, отъ чистаго сердца, мы не понимаемъ, какъ могутъ оставаться паписты при своихъ мнѣніяхъ, читая св. Писаніе и св. Отцевъ древней Церкви. Если они говорятъ и пишутъ по искреннему убѣжденію; то они жалки въ своемъ ослѣпленіи. А если, сознавая ложь, защищаютъ ее изъ какихъ либо видовъ, чуждыхъ Вѣрѣ и нравственности, то они достойны еще большаго сожалѣнія. Какую тяжесть, какое мученіе должны испытывать въ глубинѣ души своей тѣ, которые пишутъ противъ совѣсти, защищаютъ то, чему сами не вѣрятъ!

Мы сомнѣваемся, чтобы сильно подѣйствовали на папистовъ наши изслѣдованія и доказательства, если они даже и дойдутъ до ихъ свѣдѣнія. Мы, по крайней мѣрѣ, съ нашей сто-

(*) Хотя тогда еще не было точнаго раздѣленія Церквей на патріархаты; однако права областныхъ епископовъ были уже уважаемы, и галликанская Церковь всегда была въ нѣкоторой зависимости отъ римской, хотя и не въ такой, въ какой находится нынѣ французская. Не отъ тоголи и произошло различіе и нѣкоторая противоположность въ названіяхъ—галликанская Церковь и—французская Церковь. Съ названіемъ послѣдней соединяется понятіе о папствѣ, ультрамонтанизмѣ; съ названіемъ первой—мысль о соборномъ управленіи, о свободѣ отъ папскаго ига, о древней Церкви.

роны сдѣлаемъ свое дѣло, исполнимъ свой долгъ. Но, извлекая изъ отеческихъ писаній многочисленныя мѣста, въ которыхъ излагается ученіе о Церкви, мы не папистовъ только имѣемъ въ виду, но и нѣкоторыхъ православныхъ, которые не имѣютъ объ этомъ предметѣ яснаго и вѣрнаго понятія. Въ новѣйшее время, по поводу нападеній на нашу Церковь со стороны папистовъ, появились за границею нѣкоторыя сочиненія, написанныя православными въ защиту православія. Отдавая должную справедливость таланту, остроумію и благонамѣренности этихъ писателей, мы должны замѣтить имъ, что они иногда сами уклоняются отъ царскаго пути истины и, защищая Церковь, говорятъ отъ лица ея то, чего она не можетъ одобрить. И потому просимъ нашихъ единовѣрцевъ внимательно прислушаться къ голосу достовѣрныхъ свидѣтелей истины, —святыхъ Отцевъ, и сличить ихъ ученіе съ собственными убѣжденіями, или предубѣжденіями (*).

Академии наук СССР

(*) Мы разумѣемъ здѣсь особенно брошюры покойнаго Хомякова.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Письмо первое . . . . . 1.
— второе . . . . . 11.
— третье . . . . . 21.
— четвертое . . . . . 40.
— пятое . . . . . 47.
— шестое . . . . . 65.
— седьмое. . . . . 80.
— восьмое. . . . . 96.
— девятое. . . . . 131.
— десятое. . . . . 154.